

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

Приложение
к журналу «РОДИНА»

19494

Дорогие читатели!

Начинается подписная кампания на первое полугодие 1995 года. Мы планируем выпустить в первом полугодии 3 номера «Источника».

Индекс журнала — 73187.

Журнал «Родина» будет выходить ежемесячно.

Индекс журнала — 73325.

Подписка производится в любом отделении связи.

Организована также подписка для жителей нескольких городов России без доставки почтой:

Москва:

Бутырский вал, д. 8/3,
«Старообрядческая книжная лавка».
Проезд: метро «Белорусская».
Тел.: 251-06-12.

Санкт-Петербург:

Измайловский проспект, д. 18, кв. 8.
Питерский Л. С.
Тел.: 251-17-10.

Владимир:

Тел.: 4-52-61.

Екатеринбург:

ул. Тургенева, 13. Тел.: 51-96-16.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ.
Рег. № 012124.

Адрес редакции:

103009, Москва, ул. Воздвиженка, 4/7.
Тел.: 202-15-93
202-49-74.

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

1994/4 (11)

scan waleriy

scan waleriy

Приложение
к российскому историко-публицистическому журналу
«РОДИНА»

В
НОМЕРЕ:

Исторические сенсации

- 3 Лаврентий Берия: «Через 2—3 года я крепко исправлюсь...»

Письма из прошлого

Мученики Руси

- 16 «Слава Богу за все...»
*Письма великой княгини
Елизаветы Федоровны
к императору Николаю II.*

Утраченное наследие

Землепроходцы

- 42 «В то время Шпицберген не был никому известен».
*Фрагменты воспоминаний
известного полярника
Р. Л. Самойловича.*

Фотоархив. Раритеты

Автографы

- 56 «Пребывание здесь — нелепость и громадная ошибка».

Знакомый портрет

- 59 «Это он, любимый всеми».

Подоплека событий. Версии

Монументы

- 64 «Готов на крест, берите гвозди и молоток».
*Беседа с Н. С. Хрущевым
в Комитете партийного контроля.*

Ступени карьеры

- 76 «Кто нашел Столыпина?»

Нравы эпохи

- 79 «Для пополнения запасов меди и олова».

Художник и власть

- 85 «Считаю долгом сигнализировать...»

Прожекты

- 90 «Колоссальный золотой шар, поднятый могучими пилонами».

«Хоккейные» страсти

- 95 «Пока у руководства слюнтяй Дубчек, порядка не будет».

100 Повседневный ЦК

Архивы спецслужб

«Темные пятна»

- 108 «Пересмотрены приговоры в отношении иностранцев».

Конфиденциально

- 113 Феликс Дзержинский: «Мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов».

Ошибки «Центра»

- 117 «Разведчиков готовили по энциклопедическому словарю».

В конце номера

Юмор из спецхрана

- 127 «Первоапрельская шутка».

ISTOCHNIK

Documents
of Russian History 1994/4 (11)

scan waleriy

scan waleriy

IN THIS ISSUE:

Historical sensations

- 3 Beriya's letters from the prison

Letters from the Past

Martyrs of Russia

- 16 Letters of Grand Duchess,
St. Elizabeth, to Nicholas II

The Lost Heritage

- 42 Memoires of a well-known polar
explorer R. Samoylovich

Film Archive. Rarities

- 56 I. Bilibin's return to Russia
from emigration
- 59 A familiar portrait: Vasilii Tyerkin

Behind the scenes. Versions

- 64 Interrogation of N. Khrushchev
- 76 On Stolypin's career
- 79 Church bells and the defence strategy
- 85 The Artist and the Power
- 90 Utopian Projects
- 95 «Prague spring 1968» echoes...
- 100 Everyday life of the Central
Party Committee

Achives of Secret Service

- 108 Blank spots
- Confidentially**
- 113 Letters addressed
to Felix Dzerzhinskiy
- 117 From the history
of the intelligence service
- 127 Archival Humour

All written material, unless otherwise stated, is the copyright
of Rodina Magazine and its supplement Istochnik

© Редакция журнала «Родина». 1994.

Перепечатка разрешается только по соглашению с редакцией.

Главный редактор

Р. Г. Пихоя,

руководитель Государственной архивной службы России,
доктор исторических наук

Ответственный редактор

В. Н. Денисов

Ответственный секретарь

Т. П. Лещинская

Художник *В. И. Кучмин*

Компьютерная верстка *О. П. Солововой, М. А. Корнюшонковой*

Набор и верстка произведены в компьютерном центре журнала «Родина».

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

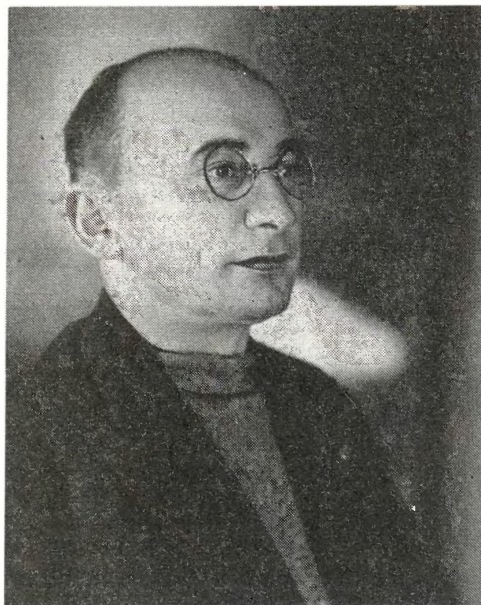
Лаврентий БЕРИЯ: «Через 2—3 года я крепко ИСПРАВЛЮСЬ...»

Письма
из тюремного
бункера

Л. П. Берия был арестован 26 июня 1953 г. в Кремле во время заседания Президиума ЦК КПСС и помещен на гарнизонную гауптвахту Москвы, а на следующий день переведен в бункер штаба Московского военного округа, где находился все время до окончания следствия. Первый допрос Берии, проведенный Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, проходил только через две недели после ареста — в ночь на 9 июля.

В воспоминаниях генерала К. С. Москаленко, принимавшего непосредственное участие в аресте Берии, а затем в содержании его под стражей, есть сведения, что Берия вначале часто писал письма в Президиум ЦК, но затем было получено указание запретить выдавать ему бумагу и карандаш, что и было исполнено.

Подтверждением достоверности этих сведений являются хранящиеся в бывшем Архиве Политбюро ЦК КПСС подлинные письма Берии, написанные им в первые дни после ареста.

Л. П. Берия.

Осознавая безвыходность своего положения и неотвратимость сурового наказания, Берия обращается к своим бывшим соратникам, членам Президиума ЦК, с мольбой о помощи и прощении за допущенные ошибки. Сумбур в изложении, многочисленные исправления, помарки, зачеркивания, ошибки свидетельствуют о состоянии глубокого стресса и отчаяния, в котором находился Берия. Условия содержания под стражей, видимо,

оказывали на него сильное психологическое давление. Существенная деталь — велся тщательный учет выдававшейся арестованному бумаги, об этом свидетельствует имеющаяся в деле с письмами Берии запись: «Было выдано 4 листа бумаги. 2 листа возвратил,

1 лист изорвал, 1/2 листа использовал, 1/2 листа осталось на руках. Батицкий». При публикации сохранены без изменений язык, стиль изложения и орфография подлинника, даже в тех случаях, когда очевидно явные опуски и ошибки автора.

№ 1

В ЦК КПСС
Товарищу Маленкову¹

Дорогой Георгий.

Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и будут полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина — Сталина, — своей родине, был всегда активен в работе. Работая в Грузии, в Закавказье, в Москве МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД² все, что мог отдавал работе, старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей. Это же относится к Специальному комитету, Первому и Второму главным управлениям³ занимающихся атомными делами и управляемыми снарядами. Такое же положение Секретариата и помощников по Совмину. Прошу Товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава⁴, Ворошилова Клементия⁵, Хрущева Никиту⁶, Кагановича Лазаря⁷, Булганина Николая⁸, Микояна Анастаса⁹ и других пусть простят, если и что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы. Дорогие товарищи желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина-Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей Славной Родины.

Георгий, прошу, если это сочтете возможным семью (жена и старуха мать) и Сына Серго¹⁰, которого ты знаешь не оставить без внимания.

Лаврентий Берия
28. VI. — 1953 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 163. Рукопись.

№ 2

В ЦК КПСС
Товарищу Маленкову

Дорогой Георгий!

В течение этих четырех тяжелых суток для Меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС¹¹, как на работе, так и в отношении лично тебя и — некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждаю себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддержать делами новое руководство Ц. К. и Правительства. В соответствии с имеющимися указаниями Ц. К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и в Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н. С. ряд заслуживающих политических и практических предложений, как то: по реабилитации врачей¹², реабилитации арестованных по т. к. называемому мингрельско национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии¹³, Об амнистии¹⁴, о ликвидации паспортного режима¹⁵, по исправлении искривления линии партии допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной украине и западной Белоруссии¹⁶, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н. С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием, на мое

неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили значение самых решений Ц. К. и, что создалось недопустимое положение, что МВД, как будто исправляет Центральные Комитеты Коммунист. партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда как роль МВД ограничивался только выполнением указаний ЦК КПСС и Правительства. Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал этого неследует делать. Поведение мое на заседании Президиум ЦК, и Презид. Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервозность и излишню резкость я бы сказал, как это сейчас хорошо продумал и понял иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущев Н. С. и Булганина Н. А. при обсуждении По Германскому вопросу¹⁷, конечно я здесь безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения. В то же время я, также, как и все Вы старался внести предложения в президиум направленные на правильное решения вопросов, как Корейский¹⁸, Германский, Ответы Эйзенхауэру и Черчилю¹⁹, Турецкий, Иранский и др.

Поступок мой при приеме венгерских товарищей безтактный, ничем не оправданный. Предложения о Надь Имре²⁰, должен был не я или, кто иной вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязанность, за, что конечно меня следует крепко взгреть. Но должен сказать со всей честностью сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовится к заседаниям Ц. К. и правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами работающими со мной, чтобы не ошибиться и неподвести Ц. К. и Правительство. У меня остались в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проект решения об упорядочении наградных дел, надь этим я провозился около двух месяцев. Вопрос об этом, как ты знаешь мы с тобой долго вынашивали еще при жизни товарища Сталина. В отношениях товарищей с которым я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялись, как это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять, хотябы руководящих работников в МВД. Т-шей Круглова²¹, Кобулова²², Серова²³, Масленникова²⁴, Федотова²⁵, Стаханова²⁶, Питовранова²⁷, Короткова²⁸, Сазыкина²⁹, Горлинского³⁰, Гоглидзе³¹, Рясного³², Судоплатова³³, Савченко³⁴, Райхмана³⁵, Обручникова³⁶, Мешика³⁷, Зырянова³⁸ и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали как положенно настоящим партийцам. Т-ща Серова с бригадой по оказании помощи Московской и Ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик. Безусловно, под руководство партии Правительства работу МВД, можно было в течение не более года наладить, как внутри страны, так и зарубежные страны и обеспечить квалифицированный совет органам безопасности Стран Народной Демократии для это людей в МВД, больше чем достаточно, только нужно кропотливо и неустанно работать. Я в начале говорил, что я перед тобой виноват, что не сумел себя поставить, как я это был обязан сделать, это самая не простительная ошибка. Тем более, это очень досадно, что мы дружно, честно по партийному работали в течение многих лет и тяжелых и грозных военных и восстановительный период нашей страны. Все ценное в моей жизни связано совместной работе с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел³⁹, укрепление кадрами МВД при твоей помощи, — большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Оборонь⁴⁰, когда, волей партии нам было порученно тебе организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств — выпуск самолетов и моторов, а мне — вооружения и боеприпасов или вопросы формирования для фронта, совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР⁴¹ по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л. М. и Микояном А. И. для налаживания железно дорожного тран-

спорта⁴², которы играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Запад. фронт — которы немец сильно теснил наша совместная работа по созданию под руководством Госуд. К-та, Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта⁴³ для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных, чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградски фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха. После войны совместная работа в Комиссии по восстановлению разрушенных районов⁴⁴. Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия а позже по-системы «Комета» и «Беркут»⁴⁵ — управляемых снарядов. Никогда не забывал я, твое большое товарищеское человеческое отношение ко мне когда я по известным тебе в подавленном настроении вылетал в 1948 г. в район Семипалатинска Каз. ССР где, кк известно успешно завершилось испытание атомного оружия⁴⁶. Кк тебе хорошо известно, а последнее время и — т-щу Булганину Н. А., организации контролируемые Специальным К-тетом, Первое и Второе Главные управления и их предприятия и Научно технические силы, лаборатории, конструкторские бюро и институты представляют колоссальнейшее достижение, это гордость нашей Страны. Я тебе вскольз докладывал, и поручил составить для Правительства подробный доклад о состоянии наших атомных дел. Уже в этом году должны произвести несколько взрывов, в том числе одной модели сверхмощной равной 250—300 тысяч тон тротила.

По «Беркуту» испытания закончены удачно. Теперь все дело обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное на основе «Кометы» и «Беркута» есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов кк в смысле точности, так и по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Эти оружия надо двигать вперёд, это настоящее будущее которым надо вооружить армию нашей Страны. США и Англия придадут этому исключительно значение. Повторяю все это, достигнуто потому, что этого хотела Партия и Правительство, но хотел сказать и тут мы совместно работали. Почти одновременно освободили тебя из ЦК⁴⁷, а меня из МВД и стали работать в Совнаркоме. Повторяю дружно стали работат, также честно и по партийному вместе с т-щами Молотовым В. М., Кагановичем Л. М., Булганиным Н. А., Ворошиловым, Микояном А. И., а после перехода в Москву и с т. Хрущевым Н. С. и другими. Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству мы убедили товарища Сталина, что он был не прав в отношении нас. Я не говорю о всевозможных поручениях, которые давались нам ЦК, правительством и лично т-щем Сталиным всязи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать всегда мы старались быть принципиальным объективным, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли каждый день встречались в стечении десяти лет и разговор у нас всегда был только о делах, о людях, кк лучше организовать ту или иную работу и кк лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше. Я видел в лице, тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища, я никогда не забуду твою роль в отношении меня в ряде случаев, и особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии⁴⁸. И когда не стало Товарища Сталина я незадумываясь назвал тебя, также, кк и другие товарищи Председателем правительства и что считал и считаю это единственно правильной. В дальнейшем, я еще больше убедился в этом, что именно ты успешно поведешь вместе с руководящим коллективом ЦК и Правительство. Поэтому, моя трагедия в том, что как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы были в сложных переплетах и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня а теперь исключительно по моей вине, потерял все что связывало нас.

Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей.

Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение, к Вам

работая в Закавказье мы все высоко ценили считали Вас верным учеником Ленина и верным Соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина, это наглядно можно было видеть в отношении Вас Закавказской организации. Если спросить мою семью Вам, могут рассказать очень много хорошего о Вас с моих слов. После переезда в Москву, если не считать дел, если помните Мальцева⁴⁹ — работавшего в Архиве и Слезберг⁵⁰ — которые велись, по прямому указанию т-ща Сталина, что может очевидно подтвердить т-щ Анастас Иванович и кое кто и другие, я не знаю ни одного случая, чтобы меня можно было упрекнуть в отношении Вас. Наоборот Вы прекрасно помните, когда в начале войны, было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его немедленном организации Комитета Обороны Страны со всеми правами. Совместная работа в Комитете. Ваша исключительная роль в области внешней политики. Ваше прекрасное отношение ко мне, в бытность на конференциях (я об этом многим товарищам рассказывал) в Тегеране, Ялте и Подсаде⁵¹, где как знаете я и не был делегатом, а был по роду своей работы хотя Вы и настаивали.

Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот кто ссорит Молотова с Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей партией. Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г. М. и Микоян А. И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г. М. и меня, имея виду Вас и Микояна.

Клемент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину и настоял прислать Вас всвязи с пятнадцатилетием Советской Грузии⁵².

В начале войны, товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил. Назначить в тяжелые времена переживаемые нашей Родиной известных все стране т-щей Вас и Буденного командующими фронтами⁵³. Обругать обругал, а, чуть позже т-щ Сталин назначение провел. Это я думаю товарищи подтвердят. С т. Маленковым Г. М. очень, часто говорили между собой и другими с товарищами о предложении т-щу Сталину назначить Вас председателем Президиума Верх. Совета, и только теперь было это проведено⁵⁴. Всего не скажешь.

Никита Сергеевич! Если не считать последнего случая на Президиуме ЦК где ты меня крепко и гневно ругал с чем я целиком согласен мы всегда были большими друзьями я всегда гордился, тем, что ты прекрасный большевик и прекрасный товарищ и я не раз тебе об этом говорил, когда удавалось об этом говорить, говорил и т-щу Сталину. Твоим отношением я всегда дорожил.

Николай Александрович!

Никогда и нигде я тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог т. Маленков Г. М. и я не раз о тебе говорили т-щу Сталину, как о прекрасном товарище и большевике. Когда т-щ Сталин предложил нам вновь, установить очередность председательствования, то я с т. Маленковым Г. М. убеждали, что этого не надо, что ты справляешься с работой а помочь мы и так поможем.

Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию. Тогда еще меньшевитскую от имени Кавбюро РКП и Ревоенсовета, XI армии, Лазарь знает 1927 г. и не забуду никогда пощи оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За время работы в Москве можно было, многое сказать. Но одно скажу всегда видел, с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог.

Товарищи Первухин⁵⁵ и Сабуров⁵⁶, говорили, что у меня было привилегированное, положение при жизни т-ща Сталина, это же не верно Георгий ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии ЦК ВКП (б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе и работа хорошо шла и лично я был восторге. Но скоро после перевода в Москву, когда немного навели порядке в МВД после Ежова,

т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Оборона и только в начале войны, когда надо было остановить бегущие — отступающие наши войска, был вновь объединен мог бы МВД — возвращен Особый отдел из Наркомата Оборона и после проделанной работы по остановке бегущих войск когда было расстреляно несколько десятков тысяч дезертиров, созданные заградительные отряды и др. — вновь было выделено МГБ⁵⁷. Т-щам которые близко работали в Политбюро, ведь это им хорошо известно. Что же касается моего отношения к т. Сабурову, то т. Маленков Г. М. и я отстояли его на посту Председателя Госплана, а т. Первухина, конечно по заслугам я представил и провел Героя Социалист. Труда⁵⁸.

Все это может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий прошу тебе понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно в пределах своих возможностей вместе с Вами Страну Могущественней и Славной, думать иначе обо мне просто недоступно моей голове. Конечно, после того все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое место и крепко одернуть, чтобы было помнить до конца своей жизни, но поймите дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодную работу, самую маленькую пошлите присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что раз я занимал большой пост я не буду годен для другой маленькой работы, это ведь очень легко проверить в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке и умоляю Вас не лишайте меня быть активным строителем, любом маленьком участке славной нашей Родины и Вы убедитесь, что через 2—3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия

Т-щи прошу извинения, что пишу
не совсем связано и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости
света и отсутствия пенснэ (очков)

1 июля 1953 г.

Там же. Л. 164—172. Рукопись.

№ 3

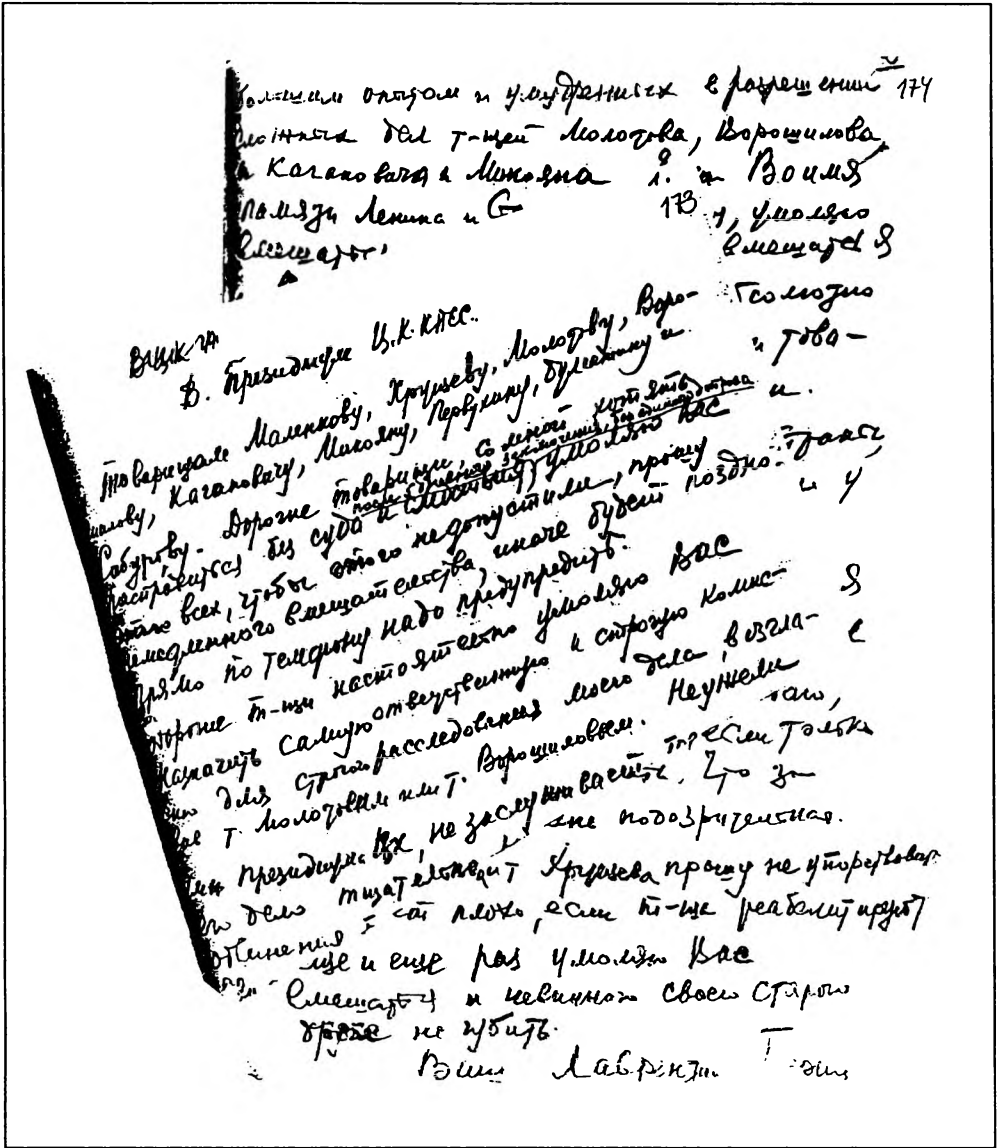
Немедленно передать
Для Президиума ЦК КПСС
Т.Т. Маленкову и Хрущеву

В Президиум ЦК КПСС*

Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5 дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого недопустили, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК, не заслуживает, того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать, так как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и пра-

* Письмо сложено в виде конверта. На внешней стороне надпись рукой Л. Берии: «Немедленно передать Для Президиума ЦК КПСС т.т. Маленкову и Хрущеву по телефону от Л. Берия».

вильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении Члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно т.т. работавших и с т. Лениным и т. Сталиным, обогатенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу, умоляю вмешаться и наземедлительно вмешаться и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен верный Ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления, мощи нашей Страны, и единства нашей Великой партии у меня не было никаких мыслей.

Свой ЦК и свое Правительство, я не меньше любых т-щей поддерживал и делал все, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка и при том, очень подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущева прошу не упорствовать разве будет плохо, если т-ща реабилитируют.

Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.
Ваш Лаврентий Берия

Там же. Л. 173—174. Рукопись.

1. Маленков Г. М. (1902—1988) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1946—1957 гг. В 1946—1953, 1955—1957 гг. заместитель председателя, в 1953—1955 гг. председатель Совмина СССР.

2. Берия Л. П. (1899—1953) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1946—1953 гг. В 1921—1931 гг. в органах разведки и контрразведки, заместитель председателя Азербайджанской ЧК, председатель Грузинского и Закавказского ГПУ, представитель ОГПУ в ЗСФСР. С 1931 г. первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, с 1938 г. заместитель наркома, в 1938—1945 гг. и в марте—июне 1953 гг. нарком (министр) внутренних дел СССР, одновременно в 1941—1946 гг. заместитель председателя СНК СССР, а в 1946—1953 гг. заместитель (первый заместитель) председателя Совмина СССР. 26 июня 1953 г. снят с постов и арестован.

3. На основании постановления Государственного комитета обороны от 20 августа 1945 г. при нем образовывался Специальный комитет в составе Л. Берии (председатель), Г. Маленкова, Н. Вознесенского, Б. Ванникова, А. Завенягина, И. Курчатова, П. Капицы, В. Махнеева и М. Первухина. На комитет было возложено «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». В дальнейшем был преобразован в Специальный комитет при СНК (Совмине) СССР. Этим же постановлением ГКО для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными и конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб было образовано Первое Главное управление при Совнарком СССР. Начальником управления был назначен Б. Ванников. 27 декабря 1949 г. постановлением Совмина СССР в целях обеспечения развития добычи урановых руд из состава Первого Главного управления было выделено Управление № 1, которому было присвоено наименование Второе Главное управление при Совмине СССР. В марте 1953 г. на Специальный комитет было возложено и руководство другими специальными работами оборонного значения. 26 июня 1953 г. решением Президиума ЦК КПСС комитет и главные управления были ликвидированы, а их аппарат и подведомственные им предприятия и организации переданы во вновь образованное Министерство среднего машиностроения СССР.

4. Молотов (Скрябин) В. М. (1890—1986) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1926—1957 гг. В 1942—1946, 1953—1957 гг. первый заместитель председателя СНК (Совмина) СССР, одновременно в 1953—1956 гг. министр иностранных дел СССР.

5. Ворошилов К. Е. (1881—1969) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926—1960 гг. В 1934—1940 гг. нарком обороны СССР, в 1940—1953 гг. заместитель председателя СНК (СМ) СССР, с марта 1953 г. по 1960 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

6. Хрущев Н. С. (1894—1971) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1939—1964 гг. С 1949 г. секретарь ЦК, одновременно в 1949—1953 гг. первый секретарь МК партии. В 1953—1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС.

7. Каганович Л. М. (1893—1991) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1930—1957 гг. С 1947 г. заместитель председателя, в 1953—1957 гг. первый заместитель председателя Совмина СССР.

8. Булганин Н. А. (1895—1975) — член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1948—1958 гг. В 1947—1953 гг. заместитель председателя, в 1953—1955 гг. первый заместитель председателя Совмина СССР, в 1947—1949, 1953—1955 гг. министр Вооруженных Сил (обороны) СССР.

9. Микоян А. И. (1895—1978) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1935—1966 гг., в 1938—1949 гг. нарком (министр) внешней торговли СССР, одновременно в 1937—1955 гг. заместитель председателя СНК (Совмина) СССР. В 1953 г. министр внутренней и внешней торговли СССР, затем торговли СССР.

10. Гегечкори (Берия) Н. Т. (р. 1905) была арестована в июле 1953 г. и находилась в тюрьме до конца 1954 г., когда на основании решения Президиума ЦК КПСС от 17 ноября 1954 г. была отправлена вместе с сыном в административную ссылку в Красноярский край.

Берия С. Л. (р. 1924) — инженер-полковник, в 1952—1953 гг. главный конструктор Конструкторского бюро при Третьем Главном управлении Совмина СССР. Арестован 26 июня 1953 г. вместе с беременной женой и двумя малолетними детьми.

Берия М. И. (1872—?) — мать Л. Берии была на основании решения Президиума ЦК КПСС от 31 июля 1954 г. выслана из Тбилиси в Гульрипшский район Абхазской АССР.

Все остальные родственники Л. Берии и его жены были в 1954 г. высланы в Красноярский край и Казахстан.

11. Имеется в виду совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, проходившее 5 марта 1953 г. (протокол заседания см.: «Источник». 1994. № 1).

12. Речь идет о сфабрикованном в 1952 г. деле по обвинению группы врачей в проведении вредительской, шпионской и террористической деятельности. 1 апреля 1953 г.

Л. Берия направил записку, в которой указывал, что «в результате проверки выяснилось, что все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом», и предлагал всех привлеченных по этому делу немедленно реабилитировать и выпустить из-под стражи. Предлагалось также привлечь к уголовной ответственности сотрудников бывш. МГБ СССР, «особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела», и опубликовать в прессе специальное сообщение от имени МВД СССР. 3 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Л. Берии и согласился с его предложениями. 4 апреля 1953 г. «Правда» опубликовала «Сообщение Министерства внутренних дел СССР».

13. Имеется в виду дело о так называемой «мингрельской националистической группе», возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия, сфальсифицированное МГБ ГССР. Группа обвинялась в подготовке ликвидации советской власти в Грузии с помощью империалистических государств.

В ноябре 1951 г. — марте 1952 г. был принят ряд постановлений ЦК ВКП(б), в результате которых 37 партийных и советских работников Грузии было арестованы, а несколько тысяч человек были высланы с территории ГССР.

10 апреля 1953 г. Президиум ЦК рассмотрел записку Л. Берии о результатах проверки следственных материалов по так называемому «мингрельскому делу» и принял постановление «О нарушениях советских законов бывшими Министерством государственной безопасности СССР и Грузинской ССР». Дело было прекращено, всех незаконно высланных было поручено вернуть на прежнее место жительства.

14. 27 марта 1953 г. на заседании Президиума ЦК, по предложению Л. П. Берии, был одобрен указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», подготовленный МВД СССР. На основании указа из мест заключения подлежало освобождению более одного миллиона заключенных.

15. На заседании Президиума ЦК КПСС 20 мая 1953 г. было принято постановление, которым утверждался представленный Л. Берией проект постановления Совмина СССР «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей». Этим постановлением упразднялись паспортные ограничения в городах и местностях СССР, а также режимной зоны вдоль границ СССР. Записка Л. Берии по этому вопросу была приложена к протоколу заседания Президиума ЦК.

16. На заседании Президиума ЦК КПСС 20 мая 1953 г. обсуждались записки Л. П. Берии от 8 мая 1953 г. и 16 мая 1953 г. о недостатках в работе органов б. МГБ Литовской и Украинской ССР по борьбе с националистическим подпольем в Литве и западных областях Украины. Президиум ЦК одоб-

рил предлагаемые в записках меры и постановил приложить записки Л. Берии к протоколу заседания Президиума ЦК КПСС. В принятом по записке 26 мая 1953 г. постановлении ЦК КПСС «Вопрос Литовской ССР» говорилось: «1. Признать неудовлетворительную работу ЦК КП Литвы и Совета Министров Литовской ССР по укреплению советской власти в республике.

2. Обязать... покончить с извращениями советской национальной политики, создающими у населения неправильное представление о политике советской власти в отношении экономического, политического и культурного развития национальных республик...

3. Считать главной задачей Литовской партийной организации в ближайший период подготовку, выращивание и широкое выдвижение литовских кадров во все звенья партийного, советского и хозяйственного руководства. Отменить практику назначения заместителями Председателя Совета Министров Литовской ССР и выдвижения вторыми секретарями районных и городских комитетов партии, а также заместителями председателей исполкомов депутатов трудящихся работников не из литовских национальных кадров. Директорами совхозов, МТС и других предприятий, как правило, назначать литовских работников. Освобождающихся в связи с этим номенклатурных работников, не знающих литовского языка, отозвать в распоряжение ЦК КПСС.

4. Отменить ведение делопроизводства во всех партийных, государственных и общественных организациях Литовской ССР на нелитовском языке, обеспечив при этом для районов с польским населением ведение местного делопроизводства на польском языке».

В этот же день аналогичное постановление было принято и по западным областям УССР.

Подобное решение готовилось и по западным областям Белоруссии.

После ареста Л. Берии решением Президиума ЦК от 2 июля 1953 г. записка была изъята из протоколов Президиума, а принятые по ней решения отменены, как способствующие «активизации буржуазно-националистических элементов».

17. Речь идет о заседании Президиума Совета Министров СССР 27 мая 1953 г., на котором анализировались причины массового бегства жителей ГДР в Западную Германию (с января 1951 г. по апрель 1953 г. в Западную Германию бежало 447 тыс. человек) и обсуждались меры по исправлению неблагоприятного политического и экономического положения, создавшегося в ГДР. В проекте решения по этому вопросу первоначально было записано, что «основной причиной неблагоприятного положения в ГДР является ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма...». Проектом также предусматривалась отмена кур-

са на строительство социализма в ГДР, на создание колхозов, отмена мероприятий «по вытеснению и ограничению капиталистических элементов» в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. После доработки проекта 2 июня 1953 г. было издано распоряжение Совмина СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР».

18. Имеется в виду война в Корее в 1950—1953 гт. В июле 1951 г. фронт стабилизировался вдоль 38-й параллели. 2 апреля 1953 г. «Правда» опубликовала «Заявление Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова по корейскому вопросу». 27 июля 1953 г. было заключено соглашение о перемирии.

19. 16 апреля 1953 г. президент США Д. Эйзенхауэр выступил с речью о международном положении в Американском обществе газетных редакторов. В своей речи вину за обострение международного положения и начало гонки вооружений он возложил на правительство СССР. 17 апреля, выступая в Глазго, У. Черчилль полностью поддержал выступление американского президента. Президиум ЦК КПСС на своем заседании 24 апреля 1953 г., обсудив вопрос о выступлении Д. Эйзенхауэра и У. Черчилля, принял решение опубликовать в печати передовую статью «К выступлению Президента Эйзенхауэра» с изложением советской позиции (опубликовано в «Правде» и «Известиях» 25 апреля 1954 г.).

20. Имеются в виду беседы с венгерской правительственной делегацией во главе с М. Ракоши, находившейся в Москве 8—11 марта 1953 г. на похоронах И. Сталина.

Надь И. (1896—1958) — в 1945—1949, 1951—1955 гт. член политбюро ЦК ВКП, с конца 1952 г. до июля 1953 г. заместитель председателя, до апреля 1955 г. председатель Совмина Венгрии. О каком предложении Л. Берии идет речь, не установлено.

21. Круглов С. Н. (1907—1977) — в 1945—1953, 1953—1956 гт. нарком (министр) внутренних дел СССР, в марте—июне 1953 г. первый заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-полковник.

22. Кобулов Б. З. (1904—1953) — с 1950 г. заместитель председателя СКК в Германии, в марте—июне 1953 г. первый заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-полковник. В декабре 1953 г. расстрелян по приговору специального военного присутствия Верховного суда СССР.

23. Серов И. А. (1905—1990) — в 1941—1954 гт. заместитель, первый заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР, в 1954—1958 гт. председатель КГБ при Совмине СССР, генерал-полковник.

24. Масленников И. П. (1900—1954) — в 1939—1941, 1948—1954 гт. заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР, генерал армии.

25. Федотов П. В. (1898—?) — в 1943—

1946 гт. начальник Второго Главного управления НКГБ СССР, в 1946—1947 гт. заместитель министра государственной безопасности СССР и начальник Первого Главного управления МГБ СССР, в 1947—1952 гт. заместитель председателя Комитета информации при МИД СССР, в 1952—1953 гт. в распоряжении министерства государственной безопасности СССР, в 1953—1954 гт. начальник Первого Главного управления МВД СССР, с 1954 г. начальник Второго Главного управления КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант.

26. Стаханов Н. П. (1901—1977) — в 1949—1951 гт. начальник Главного управления пограничных войск МГБ СССР, в 1951—1953 гт. заместитель министра государственной безопасности СССР, в марте 1953 г. — феврале 1955 г. начальник Главного управления милиции МВД СССР, генерал-лейтенант.

27. Питовранов Е. П. (1915—?) — в 1946—1950 гт. начальник Второго Главного управления МГБ СССР, в 1951 г. заместитель министра государственной безопасности СССР, с октября 1951 г. по ноябрь 1952 г. находился под следствием, реабилитирован, в 1953—1957 гт. старший советник МВД СССР—КГБ при СМ СССР при органах государственной безопасности ГДР, генерал-майор.

28. Коротков А. М. (1909—?) — в 1946—1950 гт. заместитель начальника Первого Главного управления МГБ СССР, в 1950—1953 гт. заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР, в 1953—1954 гт. начальник отдела Первого Главного управления МВД СССР, полковник.

29. Сазыкин Н. С. — в 1947—1953 гт. помощник Л. Берии в Совмине СССР, в марте—июле 1953 г. начальник Четвертого управления МВД СССР, генерал-лейтенант. В 1954 г. лишен воинского звания и уволен из органов.

30. Горлинский Н. Д. (1907—?) — в 1949 г. министр государственной безопасности Литовской ССР, в 1949—1951 гт. начальник Управления МГБ Ленинградской области, генерал-лейтенант. В 1951 г. был отстранен от должности и уволен в запас. В марте—июне 1953 г. начальник Пятого управления МВД СССР. После ареста Л. Берии уволен из органов и в 1954 г. лишен воинского звания.

31. Гоглидзе С. А. (1901—1953) — в 1950—1951 гт. начальник Главного управления охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте, в 1951 г. заместитель министра государственной безопасности СССР, затем министр государственной безопасности Узбекской ССР, в 1952 г. заместитель министра государственной безопасности СССР и начальник Третьего управления МГБ СССР, с ноября 1952 г. первый заместитель министра государственной безопасности СССР, в марте—июне 1953 г. начальник Третьего управления МВД СССР,

генерал-полковник. В декабре 1953 г. расстрелян по приговору специального военного присутствия Верховного суда СССР.

32. Рясный В. С. (1904—?) — в 1946—1952 гг. заместитель министра внутренних дел СССР, в 1952—1953 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР и начальник Второго Главного управления МГБ СССР, с марта 1953 г. начальник Второго Главного управления МВД СССР, в 1954—1956 гг. начальник Управления МВД Московской области, генерал-лейтенант.

33. Судоплатов П. А. (р. 1907) — в 1942—1946 гг. начальник Четвертого управления НКВД—НКГБ СССР, в 1950—1953 гг. начальник Бюро № 1 МГБ СССР, в марте—июле 1953 г. начальник отдела Второго Главного управления МВД СССР, генерал-лейтенант. В августе 1953 г. арестован и в 1958 г. приговорен к 15 годам тюремного заключения.

34. Савченко И. Т. (1908—?) — в 1947—1951 гг. заместитель начальника Управления кадров ЦК КП(б) Украины, в 1951—1952 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР, в 1952—1953 гг. начальник Главного управления специальной службы при ЦК ВКП(б), с марта 1953 г. начальник Восьмого управления МВД СССР, с 1954 г. заместитель председателя КГБ при СМ СССР, полковник.

35. Райхман Л. Ф. (1908—?) — с 1946 г. заместитель начальника Второго Главного управления МГБ СССР, в марте—июне 1953 г. начальник контрольной инспекции при МВД СССР, генерал-лейтенант. В 1956 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и лишен воинского звания.

36. Обручников Б. П. (р. 1905) — в 1941—1952 гг. заместитель наркома (министра) внутренних дел по кадрам, в 1952—1953 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР, в марте—июле 1953 г. начальник управления кадров МВД СССР, генерал-лейтенант. В марте 1954 г. уволен из органов МВД и в 1955 г. лишен воинского звания.

37. Мешик П. Я. (1910—1953) — в 1946—1953 гг. заместитель начальника Первого Главного управления при СНК (Совмине) СССР, в марте—июне 1953 г. министр внутренних дел УССР, генерал-лейтенант. В декабре 1953 г. расстрелян по приговору специального военного присутствия Верховного суда СССР.

38. Зырянов П. И. (1907—?) — с 1952—1953 гг. начальник Главного управления пограничных войск МГБ СССР, с марта 1953 г. по май 1956 г. начальник Главного управления пограничных войск МВД СССР, генерал-майор.

39. Речь идет о проходившей в декабре 1938 г. приемке-сдаче дел по НКВД СССР. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1938 г. Н. Ежов был обязан сдать, а

Л. Берия — принять дела. Сдача и приемка дел производилась при участии секретаря ЦК А. Андреева и заведующего ОРПО ЦК Г. Маленкова.

40. Государственный комитет обороны был образован 30 июня 1941 г. В его состав входили: И. Сталин (председатель), В. Молотов (заместитель председателя), К. Ворошилов, Г. Маленков и Л. Берия. Решением ГКО от 4 февраля 1942 г. о распределении обязанностей между членами ГКО Г. Маленкову и Л. Берии был поручен контроль за выполнением решений ГКО по производству самолетов и моторов, работе ВВС Красной Армии (вопросы формирования), кроме того, Л. Берии был поручен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, минометов и боеприпасов.

41. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1945 г. было образовано Оперативное бюро СНК СССР в составе Л. Берии (председатель), Г. Маленкова (заместитель председателя), Н. Вознесенского, А. Микояна, Л. Кагановича и А. Косыгина. Бюро ведало вопросами работы промышленных наркоматов и железнодорожно-го транспорта.

42. Решением ГКО от 13 марта 1942 г. «ввиду трудного положения на железных дорогах и необходимости быстрого выхода из такого положения» была образована группа в составе Л. Кагановича, Л. Берии, Г. Маленкова и сотрудников НКПС и ВОСО, на которую была возложена вся ответственность за все перевозки по железным дорогам.

43. Резервный фронт был образован 30 июля 1941 г. на базе фронта резервных армий и фронта Можайской линии обороны.

44. Имеется в виду Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Он был создан 21 августа 1943 г. В его состав вошли: Г. Маленков (председатель), Л. Берия, А. Микоян, Н. Вознесенский и А. Андреев.

45. Речь идет о создании комплексной системы радиолокационного наведения реактивных самолетов-снарядов и комплекса средств ПВО с использованием ракет-снарядов.

46. Первое испытание атомного оружия прошло в октябре 1949 г.

47. В апреле 1946 г. на основании материалов, сфабрикованных начальником Главного управления контрразведки «Смерш» В. Абакумовым, были арестованы нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, командующий ВВС Советской Армии А. Новиков и ряд других руководящих работников ВВС и Управления кадров ЦК ВКП(б). Им вменялось в вину умышленное нанесение вреда ВВС Красной Армии посредством поставок на вооружение некачественных самолетов и моторов. 4 мая 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК

«Вопрос об авиации и авиационной промышленности», в котором указывалось, «что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б). 2. Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)».

12 июня 1953 г. по предложению Л. П. Берии было принято постановление Президиума ЦК «О результатах проверки материалов следствия по делу А. И. Шахурина, А. А. Новикова, А. К. Репина и др.», которым они были восстановлены в партии, им были возвращены воинские звания и награды. Этим же постановлением было отменено постановление Политбюро ЦК от 4 мая 1946 г. о Г. Маленкове (подробнее об этом см.: «Источник». 1993. № 4).

48. Речь идет о так называемом «мингрельском деле».

49. Мальцев — сведения не обнаружены.

50. Слезберг — сведения не обнаружены.

51. Речь идет о проходивших 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Тегеранской, 4—11 февраля 1945 г. Крымской (Ялтинской) и 17 июля — 2 августа 1945 г. Берлинской (Потсдамской) конференциях руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритании). На Л. П. Берию возлагалось обеспечение охраны советской делегации на этих конференциях.

52. 15-летие установления советской власти в Грузии отмечалось в феврале 1936 г. В торжествах принял участие К. Ворошилов.

53. К. Е. Ворошилов был назначен 10 июля 1941 г. главнокомандующим войсками Северо-Западного направления, а

С. М. Буденный в начале июля — главнокомандующим войсками Юго-Западного направления.

54. К. Ворошилов был рекомендован на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР 5 марта 1953 г.

55. Первухин М. Г. (1904—1978) — член Президиума ЦК КПСС в 1952—1957 гг. В 1939—1940, 1953—1954 гг. нарком (министр) электростанций и электропромышленности СССР, в 1940—1944, 1950—1953, 1953—1955 гг. заместитель председателя, в 1955—1957 гг. первый заместитель председателя СНК (Совмина) СССР.

56. Сабуров М. З. (1900—1977) — член Президиума ЦК в 1952—1957 гг. В 1941—1942, 1949—1953, 1953—1955 гг. председатель, одновременно в 1941—1944, 1947—1953, 1953—1955 гг. заместитель председателя СНК (Совмина) СССР. В марте—июне 1953 г. министр машиностроения СССР.

57. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г. НКВД СССР был разделен на два самостоятельных органа: Наркомат внутренних дел и Наркомат государственной безопасности. 20 июля 1941 г. НКГБ СССР и НКВД СССР были объединены в единый наркомат — НКВД СССР. 14 апреля 1943 г. был вновь образован самостоятельный наркомат (с 1946 г. — министерство) государственной безопасности СССР. 5 марта 1953 г. МВД и МГБ СССР были объединены в одно Министерство внутренних дел СССР.

58. М. Г. Первухину было присвоено звание Героя Социалистического Труда 29 октября 1949 г. «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания» (испытание атомного оружия).

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Жизнь великой княгини Елизаветы Федоровны
являет собой подвиг служения России.
*Любовь и преданность ей еще раз подтверждают
публикуемые ниже письма.*
*Замученная большевиками в 1918 г.,
через несколько десятилетий она была причислена
к лику русских святых.*

«Слава БОГУ за все...»

*Письма великой княгини
Елизаветы Федоровны
к императору Николаю II*

Великая княгиня Елизавета Федоровна. Москва. 90-е годы XIX в.

Вниманию читателя предлагаются ранее не публиковавшиеся письма великой княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II. Это лишь небольшая часть ее эпистолярного наследия, но, на наш взгляд, наиболее важная для понимания мировоззрения и некоторых граней характера великой княгини.

Искренняя и глубокая религиозность, любовь к России и преданность ей, осознание себя духовно связанной с русской землей и русским народом, приверженность принципам самодержавия как формы государственного устройства, наиболее, с ее точки зрения, приемлемого для столь своеобразной и сложной страны, как Россия,

и, наконец, доброта, сострадание, христианская любовь, смирение и всепрощение — такой предстает перед читателем Елизавета Федоровна. Сильная воля, твердый характер, незаурядный ум позволяли ей ясно видеть свое предназначение — служение новой родине — России. Великая княгиня Елизавета Федоровна родилась 20 октября 1864 года. Ее отец — великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг IV (1837—1892), мать — принцесса Великобританская Алиса (1843—1878). После смерти матери Элла — так звали Елизавету

сию. Здесь начинается путь великой княгини к православию, подвижничеству и мученическому венцу. В 1888 году она с мужем посетила Палестину, а три года спустя, в 1891 году, под Вербное воскресенье (25 апреля) Елизавета Федоровна, преодолев сопротивление родных за границей, опираясь на поддержку мужа и императорской семьи, принимает православие. Император Александр III благословляет ее иконой Нерукотворного Спаса, с которой Елизавета Федоровна уже не расстанется до своего последнего часа.

Великая княгиня Елизавета Федоровна — настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве. После 1910 г.

Федоровну родные — воспитывалась в семье бабушки — королевы Великобритании Виктории I. В 1884 году 20-летняя принцесса Елизавета, считавшаяся одной из самых красивых женщин Европы, выходит замуж за сына императора Александра II великого князя Сергея Александровича и приезжает в Рос-

сии. В России великая княгиня продолжает дело своей матери — занимается благотворительностью. Она возглавляет или оказывает содействие различным благотворительным обществам в Петербурге, а затем в Москве, куда переезжает в 1891 году в связи с назначением мужа московским генерал-губернатором.

После убийства мужа 4 февраля 1905 года (великий князь Сергей Александрович убит бомбой террориста Каляева) Елизавета Федоровна удаляется от светской жизни, всецело посвящая себя заботам об обездоленных.

10 февраля 1909 года начинает свою деятельность основанная ею в Москве, на Большой Ордынке, обитель святых Марфы и Марии. В апреле 1910 года, после утверждения Святейшим Синодом устава обители, определявшего правила почти монастырской общежитной жизни, епископ Трифон посвятил в звание крестовых сестер любви и милосердия нескольких сестер обители во главе с ее настоятельницей Елизаветой Федоровной.

В годы первой мировой войны Елизавета Федоровна, как и ее сестра, императрица Александра Федоровна (1872—1918), посвящает себя организации медицинской помощи на фронте, организует лечение и труд инвалидов, призывает сирот и вдов. Как истинные христианки, Елизавета Федоровна и Александра Федоровна не забывают и о помощи военнопленным — как русским, находившимся в немецких лагерях, так и немцам, оказавшимся в России. Последнее, однако, используется антимонархически настроенной прессой для обвинений их в прогерманских симпатиях и даже в шпионаже в пользу Германии, для разжигания ненависти к династии, к императору Николаю II.

После Февральской революции положение Елизаветы Федоровны в Москве ухудшается, благотворительная деятельность обители сворачивается, а после октябрьского переворота фактически прекращается. (В 1925 году обитель ликвидирована, а сестры высланы в Среднюю Азию.) Однако

Елизавета Федоровна отвергает поступавшие через шведское посольство предложения германского императора Вильгельма II об отъезде из России. В апреле 1918 года великая княгиня была арестована и вскоре вместе с другими Романовыми — великим князем Сергеем Михайловичем (1868—1918), сыновьями великого князя Константина Константиновича Иоанном (1886—1918), Игорем (1894—1918), Константином (1890—1918), сыном великого князя Павла Александровича князем Владимиром Палеем (1897—1918) — оказалась в уральском городке Алапаевске.

В ночь на 18 июля вместе с ними и своей келейницей Варварой Яковлевой Елизавета Федоровна после сильного удара прикладом по голове была сброшена в старую шахту в 18 км от Алапаевска.

После занятия городка белой армией тело Елизаветы Федоровны и ее келейницы было вывезено в Читу, а затем в Китай, а в январе 1921 года захоронено в Иерусалиме в русском православном храме Святой Марии Магдалины. В 1981 году великая княгиня Елизавета Федоровна была канонизирована Соборами Русской Православной церкви за рубежом, а в 1992 году — Русской Православной церковью. В личном архиве Николая II сохранилось 100 писем и поздравительных открыток Елизаветы Федоровны на английском языке. Для настоящей публикации отобрано одиннадцать. В публикации сохраняются авторские подчеркивания, многоточия, текст на русском языке выделяется курсивом. Текст на французском языке отмечается знаком «*». В квадратные скобки заключаются слова, отсутствующие в английском тексте, но необходимые по смыслу при переводе на русский язык.

№ 1

Ильинское

29 августа 1890

Милый Ники

Я надеюсь, что, не получив от меня ни одного письма с тех пор, как мы расстались, ты не подумал, что я тебя забыла. Все дело в том, что мне хотелось действительно сообщить тебе новости, ведь ты их, наверно, ждешь с таким нетерпением. Так вот, мы много раз беседовали с ней, и все же преграда, которую, как я надеялась, можно разрушить, пока еще представляется непреодолимой. Пелли любит по-прежнему сильно и глубоко, но только она не может решиться переменить веру. У нее такое чувство, будто бы она делает что-то не так. Я собрала все свои силы, всю свою любовь и сестринскую привязанность, чтобы убедить ее, что она непременно — иначе и быть не может — полюбит эту веру, к которой я тоже собираюсь принадлежать и которая является настоящей и истинной верой, сохранившейся неповрежденной спустя века, и продолжает оставаться такой же чистой,

Источник 4/1994

какой она была в начале¹. Мы бы сделали этот серьезный шаг вместе, но — увы! — она не может решиться. Нам остается лишь молить Бога, чтобы Он вразумил ее, и я все же очень надеюсь на лучшее. Бедная девочка, она так мучается! С одной стороны — горячая, сильная любовь, с другой, как она считает, — долг. И все же я надеюсь, я даже уверена в том, что мне удастся убедить ее делать то, что надо. Ведь в конце концов любовь — чувство тоже святое, одно из самых чистых чувств на земле. Что до прочих ее возражений, — они ничто в сравнении [с этим], и я действительно думаю, что папа² даст согласие. Ты совершенно покорила его сердце. Я говорила с ним, и он, что очень важно, сказал, что не может утверждать, будто бы никогда не даст своего согласия, но знает наверняка, что бабушка³ будет недовольна и даже разгневана, если это произошло бы теперь или если бы вы сейчас встретились.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 13—13 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В письме великая княгиня Елизавета Федоровна пишет о зарождающейся любви между цесаревичем Николаем Александровичем и юной принцессой Гессенской Алисой-Викторией-Еленой-Луизой-Беатрисой (1872—1918) — сестрой Елизаветы Федоровны, которую в семье звали Аликс. В своих письмах к цесаревичу Елизавета Федоровна называет сестру Пелли.

В течение нескольких лет, горячо любя русского наследника престола, принцесса Алиса не решалась дать согласие на брак, так как необходимым условием для будущей русской императрицы была принадлежность к православной церкви. Много усилий приложила Елизавета Федоровна к устройству этого брака. Она полагала, что ее собствен-

ный переход в православие облегчит для сестры принятие такого непростого, с нравственной точки зрения, решения. Великая княгиня Елизавета Федоровна первой начала приобщать будущую последнюю русскую императрицу к православию, раскрыла перед ней истинность и красоту этой веры.

2. Имеется в виду отец великой княгини Елизаветы Федоровны великий герцог Гессенский Людвиг IV (1837—1892).

3. Королева Великобритании и Ирландии, императрица Индии Виктория I Александрина (1819—1901). Ее дочь Алиса (1843—1878), в браке великая герцогиня Гессенская, была матерью Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны.

№ 2

Петербург

3 января 1891

Милый Ники

Мои первые строки, которые я посылаю тебе в новом году, надеюсь, принесут тебе новости, которые доставят тебе удовольствие. Я наконец решила перейти в вашу веру и хочу сделать это к Пасхе, чтобы иметь возможность причаститься на Страстной неделе. Я делаю серьезный шаг — я начинаю новую жизнь, но я верю, что Бог благословит это решение. Помнишь ли ты тот день, когда у нас с тобой был разговор на балконе в дворцовом саду? Впервые ты заговорил о Пелли. Это был знаменательный день и для меня, потому что Сергей¹ после этого впервые заговорил со мной о своей вере, и я тогда сказала, что хотела бы изучить ее более основательно. И вот прошло полтора года, и этим летом я много читала вместе с ним, но после вновь наступили месяцы сомнений и тревог, с которыми я всегда стремилась покончить, хотя «*в глубине сердца» я уже принадлежала вашей вере. Увы, я очень дурной человек, у меня недоставало сил, недоставало веры. Наконец я осознала, как это безразлично — избегать волнений и болезненных объяснений с моими старыми друзьями, что я продолжаю внешне и перед всем миром оставаться протестанткой, в то время как моя душа уже принадлежит православной вере. Это была ложь перед Богом и людьми и очень большой грех, и я от всего сердца раскаиваюсь! Со следующим курьером я смогу сообщить тебе новости о том, какой ответ я получила из дома на мое письмо. Я верю, что они будут душными, хотя и боюсь, что многие будут опечалены и не поймут². Бог даст, когда этот момент наступит, это вдохнет в Пелли силы. Как я жажду этого! Я сказала твоим Папе³ и Маме⁴ после обеда в старом году, и Павлу⁵ с женой⁶ в первый день нового года, и

*Великая герцогиня Гессенская Алиса (в центре) с детьми.
На переднем плане: Алиса, Мария (на руках у матери).
Стоят (слева направо): Елизавета, Виктория, Эрнст-Людвиг,
Ирена. Дармштадт. 1877 г.(?)*

когда я получу ответ из дома, сообщу Михен⁷, и тогда это уже не будет тайной. Я боюсь, что она будет очень сильно переживать, и страшусь самого разговора с ней. Пожалуйста, скажи только Джорджи⁸ и дождись моего второго письма, прежде чем говорить об этом.

Пелли чувствует себя хорошо, только она ушибла руку об лед, так что уже сто лет не в состоянии написать мне. Я с таким нетерпением жду письма от нее, мне так хочется знать, что она будет чувствовать, она ведь знала, что я и прежде хотела перейти в другую веру, но я сама никогда не думала, что сделаю это сейчас.

У нас вечерняя служба, и я слышу, как звонят колокола Аничкова⁹, так что я откладываю перо и закончу это письмо перед тем, как ложиться спать.

Храни тебя Бог, мой мальчик! Я буду молиться за тебя и за нее.

С самым теплым приветом от нас с Сергеем к вам обоим твоя горячо любящая

Элла.

Там же. Л. 31—33.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, четвертый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-

лейтенант, с 1884 г. муж великой княгини Елизаветы Федоровны. 26 февраля 1891 г. был назначен московским генерал-губерна-

тором и командующим Московским военным округом. 4 февраля 1905 г. Сергей Александрович был убит эсером И. П. Каляевым. Великий князь был одним из организаторов и председателем Православного Палестинского общества.

2. Родные великой княгини Елизаветы Федоровны, прежде всего отец, не одобряли ее решения принять православие. Об этом свидетельствует ее переписка с отцом, братом и бабушкой (см.: Любовь Миллер. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Frankfurt а/М., б. г. С. 60—71).

3. Александр III (1845—1894), российский император с 1881 г.

4. Мария Федоровна (1847—1928), императрица, жена императора Александра III, урожденная София-Фредерика-Дагмара принцесса Датская.

5. Павел Александрович (1860—1919), великий князь, младший сын императора Александра II, дядя императора Николая II, генерал от кавалерии, генерал-адъютант (с 1897). В 1898—1902 гг. командовал гвардейским корпусом. В 1902 г. заmorganатический брак с О. В. Пистолькорс был уволен от всех должностей, лишен званий, над его детьми от первого брака взята опека. В 1916 г. он назначен командиром 1-го гвар-

дейского корпуса, затем генерал-лейтенантом войск гвардии. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г.

6. Александра Георгиевна (1870—1891), великая княгиня, первая жена великого князя Павла Александровича, урожденная королева Греческая.

7. Мария Павловна (старшая) (Михен) (1854—1923), великая княгиня, супруга великого князя Владимира Александровича, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская. Мария Павловна, выйдя замуж за русского великого князя, оставалась протестанткой и не одобряла решения Елизаветы Федоровны принять православие. Сама Мария Павловна приняла православие 10 апреля 1908 г. После гибели наследников Александра III — прямых претендентов на престол по мужской линии, право на российский престол переходило к наследникам по мужской линии великого князя Владимира Александровича.

8. Георгий Александрович (1871—1899), великий князь, брат Николая II.

9. Аничков дворец в Санкт-Петербурге — зимняя резиденция императора Александра III. Дворец великого князя Сергея Александровича находился недалеко от Аничкова, на другом берегу реки Фонтанки.

№ 3

Москва

Март 1899

Милый Ники

Невозможно выразить словами, как глубоко растрогало меня твое милое, ласковое письмо! Спаси тебя Бог, милый мальчик, что ты был так добр, что выслушал меня и позволил мне излить сердце, на котором была такая тяжесть и которое так терзалось, зная, что ты переживаешь мучительные и тяжелые времена¹. Бог да поможет тебе и да услышит горячие молитвы, которые все твои вернопопавшие обращают к Нему. Сергей был так растроган твоими добрыми словами! Он ходит такой бледный, настроение у него подавленное. Тебе это чувство знакомо, ведь ты тоже переживаешь период отчаяния, стараясь делать все, что только возможно, и — без особого успеха. У всех бывают иногда минуты уныния — что ж, надо уповать на Бога и верить, что Он наставит — и в особенности тебя, Своего помазанника. Только ты слишком добр, да, слишком, слишком добр, чтобы вынести на своих юных плечах такую тяжесть. Но Он даст тебе силы, и даже если ты совершаешь ошибки — что ж, в конце концов ты — человек. Хорошо бы тебе прочитать мемуары Бисмарка², написанные им. Чудесная книга, и дает такую полную картину, в ней столько глубокого смысла, полезного для правителя. Начало не очень интересное, и временами он делает ошибки, например о своем пребывании в России, но военное время описано замечательно. Как человек он не может нравиться, но как министр, государственный деятель он непревзойден, и он действительно любил свою страну превыше всего.

То, что ты сказал о М.³, очень уж странно. Я считаю, что он увлекся идеей и не рассчитал, что это может привести к фатальным последствиям, ведь обычно он проявлял себя как человек честный и необычайно умный, и я теперь понимаю, почему ты поддался. Он теперь, должно быть, в отчаянии, я уверена. Зато В.⁴ ведет себя непростительно. Я называю это высочайшей изменой — допустить, чтобы документ, предназначенный только для тебя, был прочитан и размножен, он ведь

знал это, на этот счет не может быть никаких сомнений, иначе и быть не могло. Это все стремление стать популярным! Это так противно, слов нет!

Как бы мне хотелось, чтобы мы свиделись с тобой! Но сейчас мы никак не можем уехать, мы должны быть здесь, потому что всеми овладело чувство какой-то неуверенности, и в такой момент необходимо, чтобы каждый оставался на своем посту. Я так рада, что тебе нравится Б.⁵ Подумать только, какой вздор — воображают ведь, что ты хотел, чтобы это место занял Костя⁶. Какой-то бред, а его еще повторяют. Он чудный, но он — поэт, а поэт не способен справиться со столь серьезной должностью. Он даже не может свой полк содержать в порядке, этот мечтатель. И потом я уверена, что ты не хочешь, чтобы великие князья занимали такие серьезные должности или же были еще генерал-губернаторами. Мы в нашем положении не должны занимать такие посты, на которых с нами можно было бы обращаться как с простыми смертными. В военном командовании — другое дело, так всегда было, и это тот род службы, который ожидают от великих князей. А все прочие посты, где становишься мишенью для каждого, даже унижают наше звание. Твой отец делал такие попытки, и дядя Миша⁷ был раньше на Кавказе. Но в те времена с этим было проще, уже при твоём отце сложнее, а теперь времена изменились, мир стал более критичен и менее лоялен, и это стало совсем сложно, и мы, великие князья, не можем находиться в таком положении, чтобы нас можно было бы отставить, как любого другого человека. Мы должны окружать пьедестал нашего государя и быть верными ему.

Я что-то увлеклась совсем другой мыслью и написала длинное письмо про самые разные вопросы, но годы идут, набираешься опыта и начинаешь видеть многое в ином свете, и, хотя для меня будет большим несчастьем, если придется оставить это дорогое место⁸ и всю ту необычайную доброту, которую мне выказали, все же ради Сергея я буду рада. Это уж слишком. Он делает все, что только возможно, чтобы угодить тебе, и тем не менее мы пережили много горьких минут.

Спаси тебя Господи, милый, еще раз!

Сердечная благодарность и поцелуи от нас обоих тебе, Аликс и детям.

Твоя любящая сестра

Элла.

Там же. Л. 68—73.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо относится ко времени, когда страна была охвачена первой всеобщей студенческой забастовкой. Движение, начавшееся 8 февраля 1899 г. в Петербургском университете, во второй половине февраля распространилось на все высшие учебные заведения страны (подробно об этом см.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971. С. 30—38; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., Петрополь, 1991. С. 141 и др.).

2. Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815—1896), канцлер Германской империи (1871—1890).

3. Возможно, Муравьев Николай Валерьянович (1850—1908), статс-секретарь, в 1894—1905 гг. министр юстиции, в 1905—1908 гг. посол в Риме.

4. Возможно, Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф (с 1905); в 1892—1904 гг. министр финансов, в 1903—1906 гг. председатель Комитета (впоследствии, с 1905 г., Совета) министров. В 1906 г. ушел в отставку.

5. Возможно, Бобриков Николай Иванович (уб. 1904 г.), в 1898—1904 гг. финляндский генерал-губернатор.

6. Константин Константинович (1858—1915), великий князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1900—1910 гг. главный начальник военно-учебных заведений; с 1910 г. генерал-инспектор военно-учебных заведений. Поэт, литературный псевдоним — К. Р.

7. Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, четвертый сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер; с 1881 г. председатель Государственного совета, член Комитета министров. С 1863 г. по 1881 г. наместник на Кавказе, командующий Кавказской армией. Во время русско-турецкой войны был главнокомандующим Кавказской армией.

8. Елизавета Федоровна пишет о возможности ухода великого князя Сергея Александровича с поста московского генерал-губернатора.

Мой милый Ники

Помня о том, как два года тому назад ты был настолько добр, что выслушал и прочел мое письмо об одном очень важном для того момента деле, а после сказал мне, что надеешься, что если когда-нибудь еще у меня на сердце будет тяжесть в отношении тебя, я тебе откровенно расскажу об этом, я теперь хочу воспользоваться [твоим позволением] и пишу тебе эти строки. Они могут показаться жестокими, но знай, что они исходят от верного и любящего сердца твоей подданной и сестры. Бог да благословит тебя, мой дорогой мальчик, и пусть сила и спокойствие твоего Отца войдут в тебя и помогут тебе в твоём тяжком, превосходящем человеческие силы труде!

Ты не представляешь, какое болезненно тяжелое впечатление произвело во всей России все это дело со студентами. Увы, то, что, ты надеялся, будет к лучшему, начало принимать очень плохой оборот. Я помню, что твое первое впечатление от этих студенческих беспорядков было таково, что надо относиться к ним как к чему-то такому, о чем узнаешь и слышишь и что видишь постоянно и что, соответственно, надо рассматривать в обычном порядке. Я лично убеждена — и прошу тебя, если я не права, скажи мне об этом, — что впоследствии тебя-таки допек... и все общество, общественное мнение (вот злейшие твои враги!) пришло в негодование по поводу дурного обращения с «бедными невинными молодыми людьми». Невинны они или нет, но они учинили беспорядки, а нарушения подобного рода должны рассматриваться поставленными для этого властями и наказываться соответственно. И студентов, и полицию должно судить их собственное начальство.

К сожалению, это вздорное дело раздули до такой степени, что сам император назначил своего судью для его рассмотрения, и в результате оно приобрело колоссальную значимость. Хотели успокоить бедных, подвергшихся дурному обращению юношей, а в итоге подлили масла в огонь, и вспыхнули все университеты России. «Воспользуемся положением, поднимем волнения — и получим, что хотим», — и вот пришлось закрыть почти все университеты. Надо было либо наказать их, как обычно, либо же немедленно предпринять энергичные действия. А каково тем несчастным людям, которые стоят во главе университетов, — им велено быть мягкими, и они не могут больше сдерживать их. И вот ломаются жизни этих неразумных молодых людей, а с другой стороны, подрывается авторитет их начальства. Я говорю тебе все, [что думаю], прости, если это покажется жестким — увы! — это правда! А ты так редко, да — увы! — так редко слышишь правду! Ты — [такой] чистый, такой хороший, ты веришь, что ни у кого не хватит дерзости воспользоваться этим. Увы, мир так несовершенен!

Положение двух твоих министров — внутренних дел и образования — просто подорвано. Император им не доверяет, он выбрал другого, чтобы судить их. Один из его самых умных и самых опасных министров лезет не в свое дело ради того, чтобы приобрести популярность. Ему безразличны и император, и страна². Ректоры университетов получают приказы и [тут же] — контрприказы, потому что никто не знает, что же делать, авторитет их падает, и тысячи молодых людей вырываются на волю, и так как они не имеют никаких серьезных занятий, конец для них просто фатален. Мой милый, мой дорогой брат, если бы только ты не шел на поводу у общественного мнения! Бог благословил тебя редким умом, так доверяй же своим собственным суждениям! И Он вразумит тебя быть жестким, и очень жестким! И потом, оказывай хотя бы некоторое доверие своим министрам, либо же отставь их, если не считаешь достойными, но ради себя самого и ради своей страны не подрывай их авторитета перед всем миром! Это невероятно опасно, и название этому — революция сверху. Ты не представляешь себе, какой угрожающе серьезный оборот приняло это дело, и все честные, верные, лояльные подданные вопиют: «О, если бы он управлял железной рукой!»

Ты, возможно, скажешь, читая эти строки: «Она мне говорит, какой болезнью я болен, но не указывает, каким лекарством лечить ее». О, если бы у меня было столько ума, сколько верноподданнических чувств к тебе! Но ведь ты сам такой умный, и суждения твои превосходны, но только, милый, ты слишком скромн и

Великий герцог Гессенский Людвиг IV — отец великой княгини Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны. Дармштадт. 80-е годы XIX в.

Великий князь Сергей Александрович.

позволяешь другим вмешиваться. Много ли у тебя верных друзей? Только люди, стремящиеся воспользоваться твоей ангельской добротой! Они садятся тебе на шею и губят тебя. Каждый стремится выжить другого, и им совершенно безразлично, если, добиваясь своих целей, они погубят тебя и твою страну, потому что ты и твоя страна — это единое целое.

Души всех этих молодых людей теперь повернутся в дурную сторону, и они составят тысячи недовольных, нелояльных подданных.

Можно я выскажу одну мысль? Возможно, это и вздор, годный лишь на то, чтобы швырнуть его в твою корзину для мусора. Для расследования ты поставил Ванновского³ — это не возмело никакого действия, и беспорядки усилились. Не мог бы ты издать новые распоряжения для того, чтобы покончить с этим? Эти молодые люди злоупотребляют твоей добротой и той отцовской заботой, которую ты хотел проявить по отношению к ним. Почему бы не отправить их — [во всяком случае], тех из них, кто действительно провинился, — в армию? Год-другой жизни по законам армейской дисциплины выравили бы им мозги, а после можно было бы продолжить учение. Ты спас бы их души, которые они губят. Устрой чистку среди профессоров — худший яд, которым ты обладаешь, — и гроза утихнет. Ты сказал, что, если тебя довести, ты покажешь характер. Разве уже не пора? А твои министры, которые только мешают, пусть занимаются своими делами и пусть будут честными и лояльными. Ведь до сей поры они только лгали. Тем, которых ты держишь, доверяй. Если они будут тебя бояться, они будут делать свое дело. Взгляни на тех императоров, которые правили жестко, — общество необходимо воспитывать, оно не должно сметь вопить во весь голос или учинять смуту. Действительно, все почему-то считают, что если они учинят беспорядки, то они будут до тех пор визжать, пока ты не станешь их слушать. Самое лучшее было бы, если бы в университетах было не по 4000 студентов, а в четыре раза меньше, а остальные — в менее населенных городах, и потом [нужны] политехнические школы и пр. ..., потому что молодые люди должны же где-то учиться, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Мое письмо вышло невозможно длинным — прости, дорогой! Храни тебя Бог! Я иду в церковь и буду молиться за тебя.

Сердечные поцелуи от твоей любящей сестры

Эллы.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1254. Л. 189—194 об.

Источник 4/1994

1. Письмо не датировано. Относится к весне 1902 г.

2. О новой вспышке в 1901—1902 гг. студенческих волнений, приобретавших политический, антиправительственный оттенок, о тактике правительства по отношению к этому движению, колебавшейся от репрессий до «сердечного попечения о студентах», о позиции министров внутренних дел Д. С. Сипягина, народного просвещения — П. С. Ванновского, финансов — С. Ю. Витте см.: Ольденбург С. С. Указ. соч.; Гу-

сятников П. С. Указ. соч.; Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX — нач. XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1986.

3. Ванновский Петр Семенович (1822—1905), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, гофмейстер. С 1898 г. член Государственного совета, в 1881—1898 гг. военный министр, с 25 марта 1901 г. по 11 апреля 1902 г. министр народного просвещения.

№ 5

Москва

3 апреля 1902

Милый мальчик, дорогое мое дитя

Позволь мне называть тебя так и позволь старому сердцу излить все свои мольбы перед тобой! Ты разрешил мне высказывать все, что меня беспокоит, и, помнишь, я уже однажды тебе писала. Знаешь, когда ты в этот раз вернул мне мой крестик, чувство скорби охватило меня, и я как будто все время и в поезде слышала голос, который говорил: «Слишком, слишком рано он хочет этого». Ты с твоей необыкновенной деликатностью побоялся лишить меня святыни, которую я благоговейно хранила. Я возвращаю его тебе — носи его как можно дольше. Я чувствую себя спокойнее, когда он у тебя, а сейчас, в это время страшной скорби, ты в нем остро нуждаешься. Сергей не знает об этом письме. Может быть, оно будет нелогичным и слишком женским, но вот мнения других людей, к которым я прислушиваюсь, и так как многое можно услышать через глубоко преданных умных людей, обладающих и опытом, и любовью к своему Государю и стране, я подумала — кто знает, и от женщины может быть какая-то польза в тяжелые времена и иной раз какая-нибудь мысль может натолкнуть на лучшую мысль и почему бы не поговорить с тобой откровенно?

Я пользуюсь тем, что Менгден¹ сегодня вечером едет в Петербург.

Ники, дорогой, ради всего святого, будь сейчас энергичен! Впереди, может быть, еще много смертей — покончи сейчас же с этим разгулом террора! Прости, если я пишу слишком прямолинейно, не выбирая выражений, и кажется, будто бы я приказываю. Я и не жду, что ты будешь делать, как я тебе говорю. Я всего лишь высказываю свои мысли на случай, если они окажутся полезными для тебя. Я бы сейчас же назначила новых министров. Каждый день, который ты теряешь, усугубляет положение. Почему бы не Плеве², который и опыт имеет, и честен? И, дорогой, ты сказал, что все подстроил Ванновский, но он все еще не снят! Умоляю, отставь его, не будь чрезмерно мягок! Все считают, что ты — нерешителен и слаб, никто уже не говорит о тебе, что ты — добрый, и это заставляет мое сердце страдать так невыносимо, так жестоко!

Зенгер³, милостию Божией, будет настоящим помощником. Я боюсь, что мне придется быть жестокой и пойти дальше. Смотри, дорогой, после смерти Боголепова⁴ ты взял Ванновского, и все радовались, что он будет жестким с твоего руководства, [но] он подпал под влияние дурного человека и результатом была слабость. В Трепова⁵ стреляли, и вскоре после этого ты меняешь свое превосходное твердое решение о Сибири⁶. Впечатление такое, как будто ты опять уступил. Ты понимаешь, что я имею в виду, и злонамеренная партия торжествует, они ведь этим все и объясняют, и это так и выглядит. Твердое решение в качестве контрприказа — это хуже, чем вообще никакое, оно становится фатальным, и вот теперь эта новая беда! Неужели действительно невозможно судить этих животных полевых судом? И пусть вся Россия знает, что преступления такого рода наказываются смертью. А если не желают, чтобы наказанием была смерть, то пусть убийцы начнут с того, чтобы не убивать! Если мы хотим остановить смерть, то хорошо было бы, если бы первый

шаг сделали сами убийцы*. Что же ты не мог посоветоваться с умными людьми и своими верными слугами — Плеве, Муравьевым, Зенгером, Победоносцевым⁷, Владимиром⁸ и пр... В случае, если ты сочтешь, что Сергей мог бы помочь, наверно, можно было бы написать ему, и он напишет ответ. Я знаю, что он писал бедному Сипягину⁹ и в день его смерти получил ответ, что находит мысль Сергея хорошей — чтобы не публиковать имена тех, кто сделал попытку или преуспел в подобных преступлениях, [то есть делать] все, чтобы предотвратить превращение их в героев, чтобы убить [в них] желание рисковать своей жизнью и через то совершать подобные преступления. (Я считаю, пусть бы он лучше заплатил жизнью и таким образом исчез!), но кто он и что он — [пусть] никто не знает! А что дает им решимость, так это мысль, что они станут героями и их узнает весь мир. Я хочу, чтобы вся решительность исходила сейчас целиком и полностью от тебя, и нечего жалеть тех, кто сам никого не пожалеет! И, дорогой, если ты и ошибаешься, то это — свойство человеческое, но если ты уже принял решение — стой на нем и не изменяй его. Меня так огорчает, что ты заменил Сибирь! Ну что же, что сделано — сделано, и теперь Бог да наставит тебя! Почему бы тебе не поговорить с твоим митрополитом? Ты человек верующий, а он обладает широким умом и христианским сердцем. «Отдавайте Кесарю Кесарево, а Богу Богово», и мне сейчас кажется, что Бог воздвигает на тебя все эти трудности, чтобы принудить тебя быть жестким. Все знают, что твоя любовь и благородство подверглись жестокому испытанию, и раз ты не можешь управлять на благо своей страны благородством, то тогда ты должен быть тверд.

Может ли Миша¹⁰ хоть чем-нибудь помочь? Пожалуйста, если ты будешь обсуждать все эти вопросы, пусть он послушает.

Бедный, дорогой, ты так одинок! Я не могу выразить, как все молятся о твоём горе вместе с тобой, как жалеют тебя!

Храни тебя Бог!

Элла.

Там же. Л. 77—80 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Менгден Георгий Георгиевич, граф, полковник, заведующий двором великого князя Сергея Александровича, флигель-адъютант.

2. Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), в 1902—1904 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов; в 1904 г. убит эсером Е. С. Созоновым.

3. Зенгер Григорий Эдуардович (род. 1853), в 1902—1904 гг. министр народного просвещения.

О стремлении Николая II продемонстрировать твердость в политическом курсе в весенние месяцы 1902 года см.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 131—133.

4. Боголепов Николай Павлович (1846—1901), профессор права, в 1898—1901 гг. министр просвещения, в феврале 1901 г. был смертельно ранен студентом П. В. Карповичем.

5. Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906), генерал-майор Свиты, в 1886—1905 гг. московский обер-полицмейстер; с 11 января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, с мая 1905 г. товарищ министра внутренних

дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов, с октября 1905 г. дворцовый комендант. 9 февраля 1902 г. Е. Алларт совершил покушение на Д. Ф. Трепова.

6. Речь идет об отмене решения о принудительном наборе студентов в армию и о возвращении сосланных в Сибирь студентов.

7. Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), в 1880—1905 гг. обер-прокурор Священного Синода.

8. Владимир Александрович (1847—1909), великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1884—1905 гг. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, член Государственного совета, член Комитета министров, президент Академии художеств.

9. Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), в 1899—1902 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит эсером С. В. Балашевым.

10. Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, брат императора Николая II. Убит в Мотовилихе 13 июня 1918 г.

Дорогой мой Ники.

Огромная тебе благодарность за длинное письмо с добрым прекрасным советом! Я с ним совершенно согласна и вполне его понимаю. Мне только хотелось бы ответить тебе и раскрыть кое-что из моей внутренней жизни, чтобы тебе стала известна та часть ее, о которой мы редко говорим.

Ты упоминаешь «*дух прелести*», куда, увы, можно впасть, и о чем мы часто говорили с Сергеем. Он со своим широким сердцем и тактичностью, в то время, когда я была протестанткой, никогда не навязывал свою веру мне и находил в себе силы нести эту великую скорбь, что я не принадлежала его вере, благодаря *отцу Иоанну!*, который сказал ему: «Оставь ее, не говори с ней о нашей вере, она придет к ней сама». И, слава Богу, так и вышло. Так вот, Сергей, хорошо знавший догматы своей веры и живший в ней той совершенной жизнью, какой может жить православный христианин, воспитал меня и, слава Богу, предостерег от этого «*духа прелести*», о котором ты говоришь. У меня слишком спокойная натура, чтобы меня понесло в этом направлении. И все же надо всегда быть начеку, потому что диавол ползает как раз тогда, когда мы менее всего этого ждем.

Другой вопрос, которого ты касаешься и который я, видимо, не очень хорошо разъяснила или же ты не совсем понял, это — что «сама собою правишь, не под влиянием священника». Я хотела сказать, что священник не влиял на мое стремление жить той жизнью, которую я веду сейчас, потому что я говорила с ним тогда, когда уже все хорошо обдумала. Не могу поверить, что я сама, без всякого постороннего влияния, решилась на этот шаг, представляющийся многим невыносимо тяжелым крестом, который я возложила на себя и в котором я однажды раскаяюсь, сброшу его или же сломаюсь. Но я возложила это на себя не как крест, а как некий путь, полный света, который Господь показал мне после смерти Сергея и который за многие и многие годы до этого начался в моей душе. Я не могу тебе сказать, когда именно. Мне часто кажется, что, еще когда я была ребенком, во мне было желание помогать тем, кто страдает, и прежде всего тем, кто испытывает душевные страдания, и постепенно оно росло во мне, и только то, что я находилась в таком положении, когда долг наш состоял в том, чтобы принимать, встречаться с толпами людей, устраивать приемы, обеды, балы и пр., оно не могло заполнить мою жизнь целиком, — другие обязанности должны были занять первое место.

Ты не можешь согласиться с этими «*большими переходами в жизни*», но, представь себе, для меня это не был «*переход*». Это росло и формировалось постепенно, и очень многие из людей, знавших меня на протяжении всей моей жизни, и мои теперешние знакомые, не удивились, воспринимая это всего лишь как продолжение того, что началось прежде, и именно так я сама отношусь к этому. Я была захвачена врасплох, когда разразилась настоящая битва, чтобы не пустить меня, испугать трудностями. И все это — с огромной любовью и добротой, но совершенно без какого бы то ни было понимания моего характера. Ты находишь — «*все-таки нахожу, что ты еще больше могла бы добра делать в прежнем положении*». Я не берусь утверждать, что ты прав, а я нет. Жизнь и время покажут, и я, конечно, не достойна такой безграничной радости, что Господь возложил на меня этот труд. Но я буду стараться, и Тот, Который есть совершенная любовь, простит мне мои ошибки, видя мое стремление служить Ему и Его чадам. В моей жизни было столько радости, в скорбях — столько безграничного утешения, что я жажду дать хотя бы частицу всего этого другим. Я могу исписывать страницу за страницей, и тем не менее трудно выразить словами все, что я чувствую. Я жажду благодарить и благодарить на всякое мгновение Господа за все то, что Он дал мне, и жажду принести Ему мое слабое благодарение через служение Ему и Его страдающим чадам. И это чувство не новое, оно давно, оно всегда жило во мне. Господь всегда был так милостив ко мне!

Еще один вопрос, которого ты касаешься: что «*нужно быть под руководством...*» Как это верно и истинно! Я пока, к несчастью, не встречалась с «*опытным старцем*», но весной я еще до твоего письма решила ехать к нему. Он живет в

Сестры: сидят (слева направо) принцесса Алиса, великая княгиня Елизавета Федоровна. Стоят (слева направо) принцесса Виктория Баттенбергская и принцесса Ирена Прусская. Кобург. 1894 г.

скиту рядом со Свято-Сергиевой Зосимовой пустынью. Его зовут Алексий². Он выходит только по субботам и воскресеньям исповедовать. Отец Митрофан³ ездит к нему за наставлениями и советом. Туда приезжают толпы паломников. Он человек удивительный, он действительно святой, я только боюсь, что скоро он совсем затворится. Наш батюшка перед поступлением в мою «обитель» беседовал с ним и с другими старцами, он всегда советуется со святыми старцами, и они все ему сказали, чтобы он взял на себя этот труд с их бла-

гословения, потому что он, будучи человеком молодым, побаивался. Так что, видишь, Бог благословил это дело через священника, к которому в Орел приезжали люди издалека, чтобы обрести утешение и силы, и вот постепенно закладываются основы. Что касается меня самой, — я обретаю огромную и трогательную помощь у трех «игуменов», они меня считают своим чадом, дают советы и пр., и это — великая помощь. И, кроме того, есть еще митрополиты Трифон и Анастасий, они меня сейчас окормляют. Несколько раз они серьезно беседовали со мной. У меня есть также помощники-миряне, к которым я обращаюсь за советом, так что, пожалуйста, не думай, будто я воображаю, что могу все делать и решать в одиночестве. Каждый вопрос я обдумываю и обсуждаю, и уже после этого, конечно, как глава принимаю решение, веря, что Бог наставит меня. Вы оба, дорогие, помолитесь за меня! Даже если вы находите, что я ошибаюсь, помолитесь, чтобы Бог — раз уже сделан первый шаг — наставил меня на правый путь. Мне все время рассказывают о вашем епископе Феофане⁴, и я жажду познакомиться с ним, поговорить и попросить его помолиться за меня, если можно. Я очень боюсь, что вы меня считаете гордой и самонадеянной, что я внутренне раздулась от самодовольной мысли, будто совершаю нечто великое. Что ж, плохо вы меня знаете! Я знаю, что Аликс думает обо мне, будто я разрешаю людям называть меня святой, она говорила об этом с моей графиней О.⁵ Я — Боже мой, ну кто я такая? Я не лучше, а, может быть, даже хуже других! И если кто-то сказал про меня какой-то преувеличенный вздор, разве в том есть моя вина? Ведь в лицо-то они мне ничего такого не говорят, потому что знают, что я ненавижу лесть, как опасный яд. Я не могу запретить людям любить меня, ведь ты видишь, что я люблю их, и они это чувствуют. Я стараюсь делать все от меня зависящее, и люди могут быть мне за это благодарны, хотя и не должно никогда ожидать этого. Я ни одной минуты не думала, что возложила на себя «подвиг». Это — радость, я не вижу здесь никакого креста, я его совсем не чувствую, потому что всегда ощущала на себе безграничное милосердие Божие и жажду отблагодарить Его.

Принцесса Гессенская
Алиса и царевич
Николай Александрович
в дни помолвки.
Кобург. 1894 г.

Мученики Руси

Мои несколько сестер — это хорошие девушки, очень религиозные, но ведь все наше дело основано на религии и живет ею. Ими руководит священник. Три раза в неделю у нас читаются изумительные лекции, на которые приходят и дамы со стороны. Также во время утреннего правила он им читает Евангелие и краткое наставление и пр... Я присматриваю за ними, мы беседуем. Едят они без меня, исключая праздники — пасхальные дни и наши престольные праздники, и иногда бывают совместные чаепития, в которых участвует

священник с супругой. Обычно они оканчиваются беседками на религиозные темы и пр... Впоследствии у нас будет трапезная, как в монастырях, и будут читаться жития святых, а я как настоятельница буду время от времени появляться, чтобы помочь в чем-то и удостовериться, все ли идет так, как я хочу. В нашей жизни очень много от монастырской, я считаю это обязательным. У нас есть даже несколько монахинь, которые поступили по рекомендациям их наставников, а девушки поступают по благословию «старцев». Так что, видишь, все нас поддерживают и помогают нам. Мою прежнюю работу я не забросила — комитеты и пр., и все мои предыдущие начинания остались на мне, это мои вседневные обязанности. После смерти Сергея опали лишь только приемы, обеды и пр... и никогда более не возобновятся. Некоторых посетителей я принимаю, если на то есть причины. Мария⁶ во время первого посещения жила во Дворце, кушала здесь, со мною, в моем доме, и мы много часов провели вместе, когда я была свободна. Я стараюсь, чтобы другим было хорошо в моем старом доме и в Москве и чтобы для них это было некоторым отдохновением, проведя несколько часов с ними, без моих обязанностей, которые я на себя взяла.

Много путешествовать, во-первых, стоит денег, но, главное, это было бы неправильно, ведь если ты «возложил руку на плуг, не должно оглядываться назад».

Сию минуту мимо проходит мой Киевский полк. Я их не забываю, я пожертвовала небольшие сбережения в память о Сергее на помощь в воспитании дочерей самых бедных из офицеров, а к Рождеству я собираюсь послать им и моим Черниговцам деньги для солдат, елку и подарки⁷.

Прости мне это невозможно длинное письмо. Пожалуйста, прочтите его вместе с Аликс, и если ты хочешь узнать еще что-нибудь или если обнаружишь, что я иду в неправильном направлении, я буду тебе очень благодарна за совет или замечания. Простите меня! Я знаю, я чувствую, что, увы, причиняю вам беспокойство, и, возможно, вы не совсем правильно понимаете меня. Пожалуйста, простите меня, проявите терпение! Простите меня, если совершаю ошибки, простите, что я живу

не так, как хотелось бы вам! Простите, я не могу вас часто навещать из-за моих обязанностей здесь — просто, из глубины ваших добрых сердец простите и от широты ваших христианских душ помолитесь за меня и мое дело!

Всегда ваша любящая старая сестра и друг

Элла

Там же. Л. 24—34 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский (1829—1908), в миру Сергей И. И., протоиерей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте.

2. Старец отец Алексей был известным исповедником в монастыре в Зосимовой пустыни. Он назывался затворником, так как большую часть недели проводил в одиночестве, но по два дня в неделю исповедовал приходивших. О приезде к отцу Алексию на исповедь великой княгини Елизаветы Федоровны см.: Митрополит Венеамин (Федченков). Божии Люди. М., 1991. С. 50.

3. Протоиерей Митрофан Серебрянский, духовник Марфо-Мариинской обители. Его фотография опубликована Л. Максимовой в «Московском журнале». 1991. № 2. С. 52.

4. Феофан (В. Быстров) (1873—1940), магистр богословия, духовник императрицы Александры Федоровны. С 1909 г. ректор Петербургской духовной академии и епис-

коп Ямбургский, викарий Петербургской епархии, с 19 ноября 1910 г. епископ Таврический и Симферопольский, с 1912 г. епископ Астраханский, с 1913 г. — Полтавский и Переяславский.

5. Очевидно, имеется в виду Олсуфьева Александра Андреевна, графиня, урожденная Миклашевская, статс-дама, гофмейстерина Двора великой княгини Елизаветы Федоровны.

6. Мария Павловна (младшая) (1890—1958), дочь великого князя Павла Александровича и Александры Георгиевны. После смерти матери она и брат — великий князь Дмитрий Павлович воспитывались в семье великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. В первом браке за принцем шведским Вильгельмом, во втором — за князем Сергеем Пугачиним.

7. Великая княгиня Елизавета Федоровна была шефом этих полков.

№ 7

Москва

апрель 1909

Христос Воскресе!

Милый Ники, примите мою самую сердечную благодарность за чудесный об-разок. Я его повесила у себя в *молельной*, где находятся все иконы, подаренные мне с тех пор, как я поселилась здесь, в моем новом доме. Ты такая душка, дорогой мой брат, как это мило с твоей стороны, что ты проявил интерес к нашему *уставу*¹. Ты сказал, что он тебе понравился, и теперь я хочу рассказать тебе немного о том, как проходит моя жизнь. Ведь вначале необходимо обдумывать каждый шаг, чтобы с Божией помощью потихоньку двигаться вперед.

Я намеренно начала поститься вместе с несколькими принятыми в обитель сестрами, чтобы нас посвятили всех вместе. Первая неделя прошла в молитве, мире и духовных приготовлениях. Потом мы приняли Святое Причастие, и после наша жизнь стала протекать в двух словах так: в 7.30 утренние молитвы все вместе, одна из сестер читает, в 8 — *часы* и литургия, на которой присутствуют свободные сестры, в противном случае они или дежурят у больных, или шьют и пр. ...У нас есть несколько больных, которых мы взяли в соответствии с лекциями доктора, чтобы на практике видеть, как лечить различные заболевания. Вначале мы брали только легкие случаи, теперь стараемся брать все более и более тяжелые, и, слава Богу, больница у нас просторная и светлая, сестры относятся к своей работе с любовью, так что наши больные чувствуют себя превосходно. В 12.30 у сестер общая трапеза, которую возглавляет М-те Гордеева². Я ем одна у себя в доме, мне это нравится, и к тому же надо сохранять некоторую дистанцию, хотя мы и живем вместе. Все постные среды и пятницы мы постимся, в прочие дни они едят мясо, молоко, яйца и пр. ...Как тебе известно, я не ем мяса уже много лет и продолжаю придерживаться моей вегетарианской диеты, но те, кто не приучен, должны есть

Великая княгиня
Елизавета Федоровна.
Москва.
Конец 90-х годов XIX в.

мясо, особенно учитывая, что работа здесь бывает тяжелая. Я описываю все эти подробности потому, что люди интересуются моей жизнью в обители и многие, не видя нашей жизни, выдумывают Бог весть что. Воображение у людей развито, вот они и напридумали себе, что будто мы сидим на хлебе с водой и каше и что жизнь у нас еще суровее, чем в монастырях и пр. ...В общем, рассказывают какие-то ужасы. А на самом деле жизнь у нас самая простая и здоровая. Мы спим все 8 часов, разве что кому-то захочется посидеть подольше. Постели у нас хорошие и комнаты необычайно уютные, со светлой легкой мебелью. Моя комната — большая, просторная, светлая и уютная, все, кто здесь был,

просто очарованы. Я живу в отдельном доме, рядом с моим домом — больница с домовою церковью, дальше — домик доктора и лазарет для солдат, и дальше — дом священника — всего 4 дома. После обеда некоторые из сестер идут на прогулку, а после — занятия. Чай в четыре, ужин в 7.30, вечерние молитвы в моей *моленной* в 8, спать ложимся в 10. Теперь о лекциях: три раза в неделю читает священник, три раза — доктор, в промежутках сестры читают или готовятся. Пока, конечно, у них только практика с больными в больнице, и я только посылаю их в дома бедных собирать сведения о наиболее тяжелых случаях. Дело в том, что они прежде должны выучиться. Лекции священника в высшей степени интересны, можно сказать исключительно, и это благодаря тому, что он не только человек глубоко верующий, но и весьма начитанный. Он начал с Библии и думает закончить Историей Церкви и также специальным курсом, что должны будут говорить и делать сестры, чтобы помочь людям, страдающим морально. Ты знаком с [отцом] Митрофаном по Сарову, и у тебя сложилось о нем хорошее впечатление. В Орле его обожали, и сюда к нам, в нашу церквушку, многие приезжают издалека, чтобы обрести силу в его прекрасных простых проповедях и исповеди. Он человек широких взглядов, не какой-нибудь узколобый фанатик. Главное для него — безграничная любовь Божия и прощение. Это истинно православный пастырь, строго придерживающийся нашей Церкви. Для нашего дела это милость Божия, потому что он заложил правильную основу. Сколько людей он возвратил к вере, наставил на истинный путь, сколько людей благодарит меня за ту великую благодать, которую они получили, имея возможность приходить к нему. И здесь нет никакой экзальтации, ты ведь знаешь меня достаточно хорошо, знаешь, что я люблю спокойную, глубокую рели-

гиозность и не выбрала бы в настоятели фанатика никоим образом. Кое-кто из доброхотов, любящих от нечего делать совать нос в мои дела, боится, что от такой жизни у меня будет истощение, и я в итоге подорву свое здоровье, что я мало ем, мало сплю. Так вот, дорогой, если ты услышишь что-нибудь в этом роде, это неправда. Сплю я все 8 часов, ем с аппетитом и чувствую себя физически необычайно здоровой и сильной (от легких простуд и приступов ревматизма и подагры невозможно избавиться, вся наша семья страдает от подагры и ревматизма). Ты знаешь, что у меня никогда не было румянца на щеках и все глубокие чувства тотчас отражаются у меня на лице, и потому в церкви я часто кажусь бледной. Вы с Аликс тоже любите службу и знаете, какая это радость — хорошая служба. Я хочу, чтобы вы оба и все-все знали, что я, как это часто говорится и пишется, полна совершенным миром, а совершенный мир есть совершенное счастье. Мой милый Сергей почил в бозе, и столь многие из тех, кого он любил, ушли от нас, чтобы соединиться с ним. А мне Господь дал в этой жизни прекрасную работу. Хорошо ли я исполню ее или плохо — это знает только Он, но я буду стараться делать все, что от меня зависит, и, вложив свою руку в Его, пойду без страха вперед, сколько бы скорбей и упреков ни приготовил для меня мир. Постепенно моя жизнь обратилась в это русло, это не сиюминутная прихоть, и меня не может постигнуть разочарование, разве что я разочаруюсь в самой себе. Но и здесь у меня также нет никаких иллюзий, я не воображаю, будто бы чем-то отличаюсь от других. Я хочу служить

Источник 4/1994

Великая княгиня Елизавета Федоровна и
императрица Александра Федоровна.
Царское Село. 1898 г.

Богу и ради Бога страдающему человечеству, и в старости, когда мое тело уже не сможет больше работать, я надеюсь, Господь позволит мне тогда отдохнуть и помолиться за то дело, которое я начала. И тогда я отойду от этой суетной жизни и буду готовить себя к иной, великой обители. Пока же у меня есть и здоровье, и силы, а вокруг столько несчастных! И Сам Христос, наш Наставник, идет к страждущим, а помогая им, мы помогаем Ему. Все так добры, так желают помочь мне, но почему-то многим кажется, что труд, за который я взялась, не по моим силам. Но это вовсе не так! Я и физически, и морально сильна и глубоко-глубоко счастлива о Боже!

Простите, дорогие, что я не приехала на Рождество и на Пасху, но первые шаги — это настолько серьезно! Вы ведь не будете думать обо мне, что я забыла вас или что я черствая и эгоистичная, если я не буду приезжать на дни рождений. Я думаю, будет лучше побыть вместе с вами в те дни, когда нет праздников, и потом, возложив руку на плуг, не оглядываются назад, так ведь? И не думайте, что на меня кто-то влияет. Я пытаюсь найти правый путь и, конечно, буду делать ошибки. Я обнаружила, что люди, в своем желании сделать добро, мучают моего бедного батюшку, [требуя], чтобы он заставлял меня есть — но я ем и ем хорошо! чтобы он заставил меня съездить куда-нибудь и пр. ...Но я совершенно здорова и сильна как лошадь!

С тех пор, как мне сделали операцию, я забыла, что такое боль, моя нога на удивление здорова и почти не опухает от долгого стояния, когда от жары опухают обе ноги, — но едва ли найдется человек, с которым не происходит этого. Люди не видят меня в моей повседневной жизни, не видят того, что я внутренне совершенно спокойна, довольна и глубоко-глубоко благодарна Богу за это. Вместо того чтобы переживать за меня, они должны благодарить Бога за то, что Он счел меня достойной такого утешения, как эта моя работа, дающая мне столь полное и глубокое удовлетворение.

Если у тебя найдется минутка для ответа, пожалуйста, ответь мне и скажи, все ли тебе понятно. И еще, может быть, ты в своем английском письме черкнешь пару ласковых слов по-русски, чтобы я могла прочесть их батюшке, что ты в него веришь и уверен в том, что он сможет помочь мне в случае, если Господь попустит какие-нибудь испытания. Ведь я смотрю на вас с Аликс как на брата и сестру, а для него ты — Государь, и я чувствую, что его мучают тем, будто бы тебя мое поведение раздражает и ты считаешь, что это под его влиянием я отрезала себя от всех вас и извожу себя аскетической жизнью и тяжелой работой, в то время как ни одно из этих предположений не соответствует истине! Я у него исповедуюсь, он дает мне духовные наставления и оказывает мне огромную помощь. Его простая, чистая жизнь, одновременно скромная и высокая в своей безграничной любви к Богу и Православной Церкви, является для меня примером. Достаточно поговорить с ним всего несколько минут, как видишь, насколько он скромен и чист — Божий человек, действительно раб Божий и верный член Церкви. Он никогда не сталкивался с высшим обществом, и многие странные слабости, в частности любовь вмешиваться во все и пр. ...только сейчас коснулись его. Пара ласковых слов от тебя, его обожаемого Государя, устранили бы все эти неприятности, и, право, он их заслуживает!

Прости мне это длинное письмо! Оно предназначено для вас обоих, дорогие мои, я ведь так давно не видела вас, и, может быть, вам хочется узнать, как я живу сейчас. Если у вас есть какие-нибудь вопросы, пожалуйста, напишите.

Храни вас бог, дорогие!

Ваша нежно любящая старая сестра

Элла.

Там же. Л. 48—55об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет об уставе Марфо-Мариинской обители милосердия, утвержденном 20 ноября 1908 г. Обитель открылась 10 февраля 1909 г. Об обители и действовавшей при ней больнице см.: Розанов В. Великое начина-

ние в Москве //Новое время. 1909. 4—6 марта. С. 4; Максимова Л. Я принадлежу Москве // Московский журнал. 1991. № 2. С. 50—51.

2. Гордеева Валентина Сергеевна, казненная обители.

Великая княгиня
Елизавета Федоровна.
Дармштадт. 1903 г.

№ 8

Петергоф

30 июня 1909

Милый Ники

Всем сердцем моим я стремилась вчера быть с тобою, чтобы благодарить Бога за это идеальное путешествие.

После всех этих тяжелых лет какую безграничную радость ты, наверное, ощущал от того, что встретился с твоим народом, увидел его огромную любовь к тебе! То, что ты пережил, чувство, что твой тяжкий труд имеет и светлую сторону и что твой народ, несмотря на все тяготы, всегда будет любить тебя, своего Государя, своего Отца, должно было придать тебе вдвое больше сил. Я пишу это потому, что все это настолько сильно волнует меня, что я не могу не гово-

рить. Ведь ты знаешь, я — русская до мозга костей и ощущаю себя твоей подданной наравне со всеми остальными. Живя в Москве, видя и слыша то, что вижу и слышу каждый день я, вырастаешь в эту дорогую землю и желаешь работать ради нее и ради тех, кто живет на ней.

Я хотела бы рассказать о Кашине¹. Это было идеальное повторение Сарова², и все время мои молитвы и мысли были рядом со всеми вами. Была та молитвенная атмосфера, что так поразила нас тогда и что всякий раз возводит человека к Богу. Как я тебе уже говорила, паломники прибывали и прибывали, и все молились за тебя и благодарили за чай и сахар, который они получали бесплатно. Все были поражены идеальным порядком и тем, что можно было так легко подойти к мощам. Несчастные заблудшие грешники, которые, увы, существовали во все времена, пытались смутить крестьян, говоря, что им придется платить за доступ к мощам, что чаю не будет и что полиция будет перегораживать проходы. Но после того как они увидели своими глазами и передали другим, что слухи эти оказались лживыми, люди стали приходить с еще большим рвением, радостью и благодарностью, на какую способны лишь русские крестьяне. Сколько молитв вознеслось тогда за тебя! В каждом знаке внимания ко мне я ясно видела и слышала, что это предназначалось тебе. Если бы только ты знал, как мне хотелось, чтобы вы с Аликс и хотя бы кто-нибудь из детей были бы там!

Я должна кончать, потому что уверена, что каждую свободную минутку ты хотел бы отдать Аликс и детям. Какое это счастье, что вы снова вместе!

Храни вас всех Господь, милые!

Ваша любящая старая сестра

Элла

[P.S.] Мне сказали, что я побыла у них так мало, но долг есть долг, и если уж начал делать какое-то дело, то не следует сразу же устраивать себе отдых, тем более что я не устала. Ты можешь сказать, что мои помощники вполне могли бы поработать за меня. Они действительно все знают и делают лучше меня, я это чувствую. Но ведь это — моя работа, и все допущенные вначале ошибки должны будут лечь на мои плечи. А какую радость мы пожнем, если, Бог даст, все будет хорошо! Помолись о моей работе, чтобы Бог благословил ее и она стала на ноги и принесла пользу твоей стране. Пока я еще ничего такого не вижу, ведь я только что начала, но я счастлива положить это начало! Вы с Аликс знаете, как надо молиться, пожалуйста, помолитесь, дорогие!

Едва ли у меня будет время рассказать тебе все. Виктория³ все видела и сможет описать тебе до мельчайших подробностей. Как человек посторонний, она еще более лучше расскажет. Пока сделано немного, но всегда можно найти нечто, что дает представление.

Там же. Л. 44—47об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 12 июня 1909 г. в г. Кашине Тверской губернии состоялось торжество восстановления церковного почитания святой благоверной великой княгини Анны Кашинской. Об этих торжествах подробно пишет В. Ф. Джунковский в «Воспоминаниях» (ГА РФ. Ф. 825. Оп. 1. Д. 49. Л. 95—99).

2. Летом 1903 г. в Сарове состоялось про-

славление святого преподобного Серафима Саровского, причисленного в июле 1903 г. в лику святых. На прославление приехала вся императорская семья.

3. Виктория, принцесса Баттенбергская (1863—1950), урожденная принцесса Гессенская, старшая сестра великой княгини Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны.

№ 9

Дорогой мой Ники

Пользуюсь поездкой Валентина¹ в Петроград, чтобы послать тебе несколько строк по поводу тревожащего меня вопроса, а именно — что все военные госпитали переполнены военнопленными. Я создала женский комитет, во главе которого поставила графиню Олсуфьеву, для того, чтобы помочь улучшению военных госпиталей, которые, как тебе известно, всегда были хуже Красного Креста или частных госпиталей.

И тем более когда мы обнаружили, что военнопленным уделяется мало внимания, в частности со стороны их соотечественников, да и у наших руки не доходили, мои дамы начали помогать нашим и всячески стараться помочь раненым [военнопленным]. И всюду, где только можно, они помогали несчастным и, конечно, делали это от чистого сердца, но их доброта была так скверно истолкована! И все свалили на меня, будто бы я забочусь только о немцах и пр. ... — бессмысленно повторять все эти гнусности!! Так вот, когда военные госпитали оказались переполнены пленными, я временно закрыла мои комитеты, сохранив только те из них, которые занимались исключительно нашими отважными героями². Эти слухи обо мне — не главная причина, о которой я хочу сообщить тебе, дело в том, что Москва — столичный город, и то, что пленных содержат здесь в самых лучших зданиях, принадлежащих военным, вызывает весьма враждебное отношение. Нельзя ли больше не отправлять пленных в Москву? Люди приходят в ярость, когда видят, что их прекрасные здания используются под военные госпитали. Все 18 госпиталей заняты пленными, и только три — большой военный госпиталь, *Вдовий Дом* и новая больница для душевнобольных — нашими. Прости, что я пишу все это, но ты можешь ничего об этом не знать. Если бы ты сейчас захотел приехать и осмотреть военные госпитали, то ты бы обнаружил, что всего один или два — для русских, или, может быть, даже ни одного, и сотни — для пленных! Москва — город русский, и москвичи не в состоянии терпеть это. И я должна сказать, я с ними согласна, потому

что действительно здесь это не хорошо. Возможно, я в большей степени русская, чем многие из русских, потому что не могу ощущать себя космополиткой.

Прости эти каракули, написанные в страшной спешке. Погода великолепная. Я много работаю и чувствую себя превосходно. Сердцем и душой молитвенно с вами и нашими отважными героями. Храни их Господь!

Твоя Элла

30 апреля 1915

[P.S.] Пожалуйста, покажи это письмо Аликс. Графиня Олсуфьева просила денег, но сейчас нам не надо, и когда пленные пойдут, мы надеемся все устроить с благотворительностью и помощью. Комитет Аликс знает, что деньги нам не нужны.

Там же. Л. 120—123об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Возможно, Долгоруков Василий Александрович (Валя) (1868—1918), князь, генерал-майор Свиты, генерал-майор по гвардейской кавалерии, гофмаршал. Сопровождал семью императора в Тобольск и Екатеринбург.

2. О деятельности одного из комитетов,

учрежденных великой княгиней Елизаветой Федоровной см.: Краткий обзор деятельности комитета Ее Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, по 11 августа 1915 г. (ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 30. Л. 1—19).

№ 10

Милый Ники

Какая это радость для Аликс, что у тебя [появилась возможность] побыть с нею несколько дней! Как мне хочется хотя бы одним глазком взглянуть на вас, дорогие! Время летит так незаметно, что перестаешь различать дни и годы, все сливается в одном потоке молитвы и благотворительности. Подумать только, я тебя не видела вот уже почти полтора года! Как долго ты еще пробудешь в Царском? Если в понедельник ты еще будешь, можно я приеду прямо из Твери, где я должна быть в воскресенье на освящении храма в честь 300-летия нашего Дома? Я могла бы приехать рано утром в Петербург, зашла бы в *Казанск[ий]*, *Нерукотвор[ного] Сп[аса]*, в крепость и к О[тцу] *Иоанну*, потом заглянула бы к Маме¹ и к обеду — к тебе. Или, может быть, будет вернее, на случай, если тебе придется уехать раньше, приехать в эту пятницу, а в субботу выехать в Тверь? Будьте так добры, обдумайте все с Аликс и сразу же телеграфируйте мне ответ — пожалуйста!

Сегодня 25 лет, как я присоединилась к нашей возлюбленной Церкви. У нас была литургия и торжественный молебен в присутствии духовных лиц, которые благословили меня иконой, и членов Палестинского общества. Душой я была с Папой², Мамой, которая стала моей крестной, и Сергеем — людьми, помогавшими мне все эти годы, а через месяц будет уже 25 лет, как я в Москве. И все они растворяются в глубочайшей благодарности Богу, нашей Церкви и тем благородным примерам, которые я могла видеть в истинно православных людях. И я чувствую себя настолько ничтожной и недостойной безграничной любви Божией и той любви, которая меня окружала в России — даже минуты скорби были освещены таким утешением свыше, а незначительные недоразумения, естественные среди людей, были сглажены с такой любовью, что я могу только повторять: «Слава Богу за все, за все!»

Помолись за меня, мой дорогой, и благослови меня!

Твоя любящая старая сестра и смиренная подданная и друг

Элла

13 апреля 1916.

Там же. Л. 132—135.

1. Имеется в виду вдовствующая императрица Мария Федоровна.

2. Имеется в виду император Александр III.

№ 11

Слова св[ятой] Жанны д'Арк¹

«Когда я бываю раздражена тем, что не со всей готовностью верят в то, что я желаю сказать во имя Божие, я уединяюсь и молюсь Богу. Я говорю Ему, что те, к кому я обращаюсь, не верят мне с большей готовностью, и по окончании моей молитвы я слышу Голос, говорящий мне: «Дщерь Божия! Гряди! гряди! гряди! Аз воздвигну помощь тебе — гряди!» И когда я слышу этот Голос, я ликую. Се, я всегда могу слышать Его!»

Читая эти святые слова, вселяющие мужество, я позволю себе обратиться в духе старых времен к тебе, дорогой мой Ники. Я не могу понять, что значит твое молчание? Почему вы все, дорогие мои, молчите? Когда я написала в действительно резких выражениях, ты отнесся к этому снисходительно и ответил мне, что получили мое письмо. Может быть, ты счел меня слишком дерзкой и потому ничего не сказал мне при встрече? Но ведь я никогда не обманывала тебя! Возможно, временами я бывала резка, но всегда прямодушна, и я считаю трусостью умалчивать о том, что знаешь или чувствуешь, из боязни быть непонятой или причинить страдание. Я высказала Аликс все мои опасения, мою боль, которой переполнено мое сердце. Казалось, будто всех нас вот-вот захлестнут огромные волны, и в отчаянии я бросилась к вам — [людям], которых я так искренно люблю, — чтобы предупредить вас, что все классы — от низших и до высших, и даже те, кто сейчас на фронте, — дошли до предела!.. Она мне велела ничего не говорить тебе, раз уже я написала, и я уехала с чувством, встретимся ли мы еще когда-нибудь... Какие еще трагедии могут разыграться? Какие еще страдания у нас впереди?...

Когда я вернулась сюда, моя тайная скорбь возросла, и я поехала на прекрасную вечернюю и утреннюю службу к преподобному Сергию, и у его мощей молилась за всех, за всех, чтобы рассеялись черные тучи и вы бы увидели все как есть. Потом я поехала в Саров и Дивеево. Десять дней я молилась за всех вас, за твою армию, страну, министров, за слабых душою и телом, и в том числе за этого несчастного, чтобы Бог просветил его². Когда я вернулась сюда, я узнала, что Феликс³ убил его! Мой маленький Феликс, которого я знала еще ребенком и который всю жизнь боялся и муху обидеть, Феликс, который не желал быть военным, чтобы не пролить чьей-нибудь крови! И я представила себе, что он должен был пережить, прежде чем решиться на это, представила, как, движимый любовью к Отечеству, он решился спасти своего Государя и страну от того, от чего страдали все. Я отправила телеграмму Димитрию⁴, не зная, где мальчик, но ответа не получила. И с тех пор все покрыто каким-то молчанием*. Я не желаю знать подробности, говорят, многие замешаны и всех отправили в разные места. И слава Богу, что это так. Преступление остается преступлением, но это — особого рода и может быть расценено как дуэль и считаться актом патриотизма. А к таким поступкам должны применяться более мягкие законы. Может быть, ни у кого не доставало мужества сказать тебе о том, как на улицах городов люди целовались, как на Пасху, пели в театрах гимн и пр. ... — всех захватило одно чувство — наконец-то рухнула черная стена между нами и нашим Государем, наконец мы увидим, услышим, почувствуем его таким, какой он есть! И волна щемящей любви к тебе захватила все сердца. Бог даст, и тебе откроется эта любовь, ты почувствуешь ее и не упустишь этот великий момент, потому что шторм утих и гроза миновала! Если бы только ты знал, как все молят Бога со слезами скорби, чтобы Господь просветил тебя! Ники, дорогой, взгляни на вещи как они есть, ну поверь мне — слабой, ничтожной, смиренной, но все же — твоей верной подданной, поверь, что я тебе говорю правду! О, пусть бы сам преподобный Серафим⁵ явился тебе и наставил тебя на благо твоей страны, Церкви и дома! У тебя, верно, такая тяжесть на сердце, несмотря на всю твою глубокую веру в Бога, и, может быть, сердце твое болит и сомнение, что ты пра-

* В подлиннике зачеркнуто слово "тайны".

вильно понимаешь положение, стучится в двери твоего сознания. Так не закрывай же эту дверь, отвори ее, милый, и впусти свет вышней мудрости на благо всех! «Бог не искусством побеждает непогоды, но единым мановением укрощает бурю. Почему не вначале и не вдруг? Это Его обычай — не прекращать несчастий, лишь только наступили оне, но пусть возрастут, дойдут до крайности и большая часть людей станет терять надежду. Тогда Он начинает чудодействовать и производит необыкновенные дела, с одной стороны показывая собственную силу, с другой — упражняя терпение злополучных. Итак, не падай духом!» — это слова, сказанные Иоанном Златоустом тогда, когда [над ним стугились] черные тучи, вызвавшие нестроения и скорби в Церкви и среди христиан. Так пусть в новом 1917 году тучи рассеются и солнце воссияет над всей нашей возлюбленной Россией, и пусть победы — внутренние и внешние — принесут блистательный мир тебе, нашему возлюбленному Государю, и всем-всем твоим подданным, к которым принадлежу и я. Храни тебя Бог!

Бог в помощь!

Твоя преданная сестра

Элла

29 дек[абря]

1916

Там же. Л. 136—139об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жанна д'Арк (ок. 1412—1431), народная героиня Франции, в 1920 г. причислена католической церковью к лику святых. Возглавила освободительную борьбу французского народа во время Столетней войны.

2. Имеется в виду Распутин Григорий Ефимович (1864/65—1916), крестьянин села Покровское Тобольской губернии. В 1905—1916 гг. был одним из наиболее близких к семье императора Николая II людей; обладая даром экстрасенса, Распутин мог облегчать страдания больного гемофилией цесаревича Алексея (1904—1918), оказывал благотворное воздействие на здоровье императрицы, страдавшей неврастенией. Императрица Александра Федоровна ценила также духовные наставления и практические советы Распутина, которого почитала как «старца». Распутин был убит в ночь на 17 декабря 1916 г. в Петрограде во дворце князя Ф. Ф. Юсупова на набережной реки Мойки.

3. Юсупов Феликс Феликсович (1887—1967), князь, граф Сумароков-Эльстон, генерал-майор Свиты, женат на племяннице Николая II княгине Ирине Александровне

(1895—1970). Он был сыном близкой подруги великой княгини Елизаветы Федоровны — Зинаиды Николаевны Юсуповой. Подмосковные имения Юсуповых в Архангельском и великого князя Сергея Александровича в Ильинском находились рядом.

4. Дмитрий Павлович (1891—1942), великий князь, сын великого князя Павла Александровича и Александры Георгиевны, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка, принимал участие в убийстве Г. Е. Распутина, после чего был отправлен служить в Персию.

5. Преподобный святой праведный Серафим Саровский (1760—1833) принадлежал к числу наиболее чтимых в императорской семье святых.

Публикация кандидата исторических наук
Любови ТЮТЮННИК

Перевод
с английского и французского языков
Галины КОЛГАНОВОЙ

«Не отступившие от БОГА даже перед лицом смерти»

Московский Патриархат

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Москва 113184, Новосущинская ул. 23А, Тел. 233-31-21, Факс 292-65-11 for NIKAMOSCOW, box 8354
Новосуровский филиал Успенский, в. Мостки, Тел. счет 700502, код по ВЦ (р/о): 48; МФО 212166

ДОСТОЧТИМЫЙ ГОСПОДИН ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР!

Православный Свято - Тихоновский Богословский Институт, созданный по благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, организует работу по собиранию свидетельств о жизни и мученическом подвиге новых мучеников и исповедников российских, пострадавших за веру во Христа и верность Церкви.

Просим Вас опубликовать наше открытое письмо - обращение на страницах Вашего издания. Надеемся, что в ответ на наше письмо откликнутся люди знавшие праведников нашего времени, бывшие их духовными детьми и свидетелями их мученического подвига.

Текст письма прилагаем.

С уважением

Ректор Православного Свято - Тихоновского Богословского
Института
протоиерей Владимир Воробьев.

«Не стоит село без праведника» — гласит русская пословица. Кто эти праведники, если стоит еще наша Россия, пройдя через страшный XX век? Эти праведники — лучшие люди нашего народа, в которых горел неугасимый огонь веры, священники и епископы, монахи и простые верующие люди, крестьяне и рабочие, дворяне, купцы, фабриканты, учителя, военные, представители всех сословий, расстрелянные, посланные на мучения и смерть в лагеря, гонимые за веру в Бога и за верность

тому призыву и происхождению, которое им дано было Богом. Жизнь этих людей — это самые прекрасные страницы нашей истории, пример веры, верности и мужества нам и всем последующим поколениям. Этих людей, не отступивших от Бога даже перед лицом смерти, многие и многие тысячи. Почти все они уже покинули этот мир, но живы еще свидетели их жизни, которые могут рассказать о них, об их исповедническом подвиге и мученической кончине. Пройдет еще немного време-

Источник 4/1994

ни, и этих свидетелей не останется. Наше время последнее, когда можно записать и собрать бесценные свидетельства о жизни многих подвижников и исповедников XX века. Собрать, сохранить и сделать известными жизнеописания праведников — важнейшая задача нашего времени и наш долг перед Богом и людьми. Народ, не помнящий своего прошлого, не вправе надеяться на будущее. Жития наших новых святых — лучшее средство доброго воспитания детей.

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, созданный по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, обращается ко всем людям, кто может помочь собрать драгоценные воспоминания и материалы о жизни мучеников, исповедников и подвижников благочестия XX века. Мы обращаемся ко всем живым свидетелям, к людям старшего поколения, к работникам архивов и музеев, к учителям и школьникам, изучающим историю родного края, к студентам и молодежи с просьбой помочь нам собрать, сохранить и сделать доступными и известными примеры настоящей христианской жизни, необходимые для воспитания будущих поколений. Для нас важны все, даже самые маленькие подробности жизни подвижников, их фотографии и письма, с которых можно снять копии, любые другие свидетельства. Мы будем искренне благодарны за любое участие и помощь.

Адрес для писем:
105484 Москва а/я 17
«Подвижники XX века».

По всей России стояли храмы. Монастыри, церкви и часовни были в каждом городе и в каждом селе. Многие из них разорены и разрушены в страшные годы гонений XX века.

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт обращается к вам с просьбой собрать сведения о всех русских храмах. В вашем районе обязательно есть храмы. Действующие они или нет? Разрушены до основания или сохранены и отреставрированы? Кто их строил, в каком веке, в связи с каким событием? В честь какого праздника или святого освящен храм? Закрывался ли он? Когда? Кем? Какова судьба священнослужителей этого храма? Напишите, пожалуйста, нам об этом.

Что сейчас находится в стенах храма? Сохранились ли эти стены или осталось только место, где когда-то люди молились Бог? Если возможно, пришлите, пожалуйста, фотографии храмов. Обязательно укажите точный адрес храма с почтовым индексом.

Наш адрес для писем:
105484, Москва, а/я 17
«Храмы России».

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт высылает почтой опубликованные собрания материалов о судьбах мучеников, исповедников и подвижников благочестия Русской Церкви, о судьбах православных храмов России и другие православные книги, изданные в Москве.

Заявки присылайте по адресу:
105484 Москва, а/я 17
«Православная книжная экспедиция».

УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Известный полярник, основатель
Арктического института Р. Л. Самойлович
долгие годы, вплоть до своего ареста,
вел дневник.

*Предлагаем читателю
его фрагменты, относящиеся к первому
периоду освоения Шпицбергена.*

«В то время ШПИЦБЕРГЕН не Был Никому Известен»

*Фрагменты воспоминаний известного
полярника Р. Л. Самойловича*

Р. Л. Самойлович. 1928 г.

Имя известного в 1920—1930-е годы ученого-полярника Рудольфа Лазаревича Самойловича (1881—1940) долгие годы замалчивалось, так как в 1938 г. он был репрессирован сразу после возвращения из очередной экспедиции, и лишь после посмертной реабилитации интерес к его незаурядной личности вновь возрос. Публикуемые выдержки из его воспоминаний представляют собой лишь очень небольшую часть личного архива Р. Л. Самойловича, хранящегося в Российском государственном архиве экономики, куда он был передан из Всесоюзного арктического института в 1980 г. при активном содействии членов Географического общества СССР. Воспоминания доведены до 1915 г., то есть посвящены наименее известному периоду биографии Р. Л. Самойловича, когда большинство его знаменитых экспедиций — на Новую Землю (1921, 1923, 1924, 1925, 1927), по спасению экспедиции Нobile (1928) на ледоколе «Красин», к Земле Франца-Иосифа и Северной Земле (1929, 1930) на ледоколе «Седов», международная воздушная экспедиция на дирижабле «Граф Цепелин» (1931) и др. — еще не состоялись, а сам он еще не был ни доктором географических наук, ни создателем и директором Всесоюзного арктического института, ни вице-президентом Всесоюзного географического общества. Но тем не менее уже имел за плечами достаточно бурный и насыщенный отрезок жизненного пути.

Начав свое образование в Новороссийском политехническом институте (Одесса), Р. Л. Самойлович закончил Горную академию во Фрейбурге, а позднее — горное отделение Томского технологического института. Активный участник революционного движения, неоднократно арестовывавшийся и ссылавшийся, Р. Л. Самойлович в одной из последних своих ссылок (Архангельск, 1910) всерьез «заболел» Севером. Как специалиста по горному делу его пригласили принять участие в экспедиции В. Ф. Држевецкого на Шпицберген для разведки полезных ископаемых (1911). С тех пор он стремится туда снова и снова, принимает участие в экспедиции В. А. Русанова с высадкой на Шпицбергене (1912), а позднее, в 1913—1915 гг., сам организует и возглавляет «промышленные», как он их называет, экспедиции на Шпицберген. Этому периоду и посвящены публикуемые отрывки его воспоминаний. На переднем плане в них люди — большей частью простые рабочие с Урала, заново открывшие и осваивавшие Шпицберген для России в то непростое время. Их жизнь, взаимоотношения между собой и зимовщиками из других стран показаны как глазами Р. Л. Самойловича, так и их самих на страницах «Дневника зимовщиков», который он приводит в своих мемуарах. Публикация подготовлена при активной помощи старейшего сотрудника РГАЭ А. А. Новиковой, которой составитель выражает сердечную благодарность.

Открытие углей промышленного значения на Шпицбергене возбудило интерес среди промышленных кругов как в Петербурге, так и в Архангельске. На основании моего доклада было организовано промышленное общество, которое должно было заняться разведками, а в дальнейшем и эксплуатацией шпицбергенских углей. Я был приглашен правлением его в качестве горного инженера.

В следующем году, в 1913, была организована экспедиция, куда я был приглашен в качестве начальника, для производства горноразведочных работ на уголь. Один из архангельских предпринимателей — Агафелов — предоставил свой пароход для этой экспедиции. Это был тогда знаменитый корабль на Севере. Пароход «Мария» еще за 40 лет до того потерпел аварию и несколько лет находился на дне морском. Его извлекли, многие десятки лет он плавал, терпя нередко различные аварии, и этот пароход и был предоставлен для нашего плавания.

Обводы парохода и сам внешний вид его был таков, что его можно было отличить от тысячи других судов. Узкий, несуразный корпус, высоко возвышающаяся над морем длинная тонкая труба придавали ему своеобразный и несколько комичный вид. Машина его была чрезвычайно слабая по корпусу, так что нужно было удивляться, каким образом вообще еще этот пароход был способен двигаться по морю. Капитаном на корабле был Н. С. Власов, сравнительно молодой человек, вышедший в капитаны из буфетчиков.

В качестве помощника по горной части со мною отправился уральский штейгер Никитин. Около сорока горняков, приглашенных мною с Урала, частью в Петербурге, отправились со мною.

Выйдя из Архангельска, мы зашли в Норвегию для пополнения запасов и затем оттуда направились к северу, на Шпицберген. Как ни несуразен был пароход «Ма-

рия», однако, по сравнению с нашим судном «Геркулес», на котором мы с Русановым плавали за год до этого, он мне казался истинным дредноутом. Шутка ли сказать, в моем распоряжении была отдельная каюта и особая койка, что мне показалось настоящей роскошью по сравнению с тем «гробом» на «Геркулесе», в котором нам приходилось спать вместе с Русановым. Через 6 дней мы были уже у западного берега Шпицбергена, и я увидел на этот раз знакомые мне остроконечные вершины живописного архипелага. Я прошел прямо в Коаль-бей и здесь начал выгрузку лесоматериалов для постройки первого дома. Рабочих тем временем я переправил к месту выхода угля, где поручил штейгеру Никитину заложить штольню.

Так как пароход был предоставлен только для доставки экспедиции на Шпицберген, а затем для того, чтобы в конце осени снять ее и доставить обратно, то я для передвижений на самом Шпицбергене купил в Норвегии небольшой бот, всего в 10 т водоизмещения, с моторным двигателем в 12 л. с. И вот этот бот под командованием известного тогда на Севере капитана Дикина прошел благополучно из Александровска на Шпицберген, причем вся команда этого бота, включая капитана, состояла из 4 человек. «Груммант», так мною был назван этот бот, сослужил нам прекрасную службу. При помощи его я имел не только связь между Коаль-беем и нашим месторождением, но имел возможность посетить также другие угольные месторождения этого района.

Уральские рабочие, впервые побывавшие на море и попавшие в эту пустынную арктическую область, вначале чувствовали себя несколько подавленными, но когда были расставлены палатки и наладилась бытовая сторона жизни на Шпицбергене, они с каждым днем чувствовали себя все лучше и лучше и, наконец, в конце нашего пребывания, стали настоящими патриотами Арктики. Сама работа была очень интересная, уголь выходил на поверхность, штольня, заложенная мною на берегу ручья, быстро двигалась вперед. Пища, хотя состояла из консервов, была очень сытная, и вся работа спорилась прекрасно.

Нужно сказать, что для того, чтобы закрепить занятые под разведкой площади, необходимо было оставить на зиму несколько зимовщиков. Еще перед отъездом из Архангельска я был сильно озабочен подысканием соответствующих лиц. В то время Шпицберген не был никому известен, да и вообще зимовка в Арктике считалась весьма рискованным предприятием. Однако среди промышленников Долгоушеля нашлись два брата, которые охотно согласились отправиться на зимовку. Один из них, Федор, старший брат, был удалой промышленник на Севере, другой, Иван, здоровый, крепкий, молодой помор, лишь недавно вернулся с военной службы, где он служил во флоте. Они подверглись медицинскому освидетельствованию, и оба оказались вполне здоровыми.

Когда ко мне первый раз пришел Иван, я спросил его, что побуждает его отправиться на зимовку.

— Охота новые места посмотреть, — ответил он мне.

Я его спросил, женат ли он или холост?

— Женат. Женился неделю тому назад, — ответил он мне.

— Почему же ты отправляешься на Шпицберген? — спросил я его.

— Надоело быть женатым, — сказал он мне. Однако отпросился все же до выхода парохода съездить к себе в деревню с тем, чтобы я по пути зашел за ним на пароходе.

Я вспоминаю теперь, как мы подошли на «Марии» к устью реки Колуен, где было расположено село. Несколько продолжительных гудков, и мы заметили, как от берега отделился карбас, на котором маячили две фигуры, мужская и женская, то был Иван со своею женою. Оба, налегая на весла, быстро приближались к пароходу. Вот они подошли к трапу. Иван с какой-то котомкой в руках быстро взошел на пароход, его жена, молодая, красивая поморка, ловко последовала за ним. Глаза у нее были заплаканы, и я почувствовал, как ей трудно будет спуститься одной по трапу в свой карбас. Прощание, однако, было очень коротко.

— Прощай, Мария, — сказал Иван. — Отправляйся скорее домой, а то, пожалуй, против ветра тебе трудно будет одной грести, — и быстро обнял свою молодую жену. Та старалась сдерживаться, кулаками вытирала свои глаза, молча спустилась в карбас, отребла от парохода и ждала там, куда мы выбрали якорную цепь. Я послал ей на прощание длинный гудок и повернул к морю. Еще долго на горизонте маячила женская фигура, стоящая молча в одиноком карбасе, колыхавшемся на морских волнах.

Оба брата, Иван и Федор, были мастерами на все руки. Они были и хорошими моряками, прекрасными плотниками и оказались чрезвычайно полезными для нашей экспедиции. Пока мы производили разведку на уголь, постройка дома быстро

продвигалась вперед и через неделю он был уже совершенно готов. Как мне потом говорили норвежцы, этот дом оказался самым теплым на Шпицбергене. По русско-му обычаю мы поставили в единственной комнате этого дома большую русскую печь. Именно эта печь оказала немалую службу нашим зимовщикам. Как водится в наших северных губерниях, в этой печи они не только готовили пищу, пекли хлеб, но она им также заменяла баню и имела лежанку, где можно было после холода отлежаться и сушить свою одежду.

Разведки дали весьма ценные результаты. Оказалось, что общий запас угля превышает 4 млрд т. и что месторождение вполне заслуживает промышленной эксплуатации. Не обошлось также без столкновений с нашими соседями-американцами, которые считали, что вся площадь Шпицбергена принадлежит им, а значит в том числе и тот район, где мы производили разведки. Но я дал весьма недвусмысленно понять американцам, что их притязания ни на чем не основаны и во всяком случае этот вопрос подлежит разрешению не на Шпицбергене, а на международной конференции, которая должна была собраться в том году.

Дело в том, что Шпицберген в то время считался «ничьей землей», он никому не принадлежал и, следовательно, права на ту или иную территорию никем не регулировались. Именно в том году должно было состояться заседание международной комиссии, имевшей целью урегулировать притязания различных стран на Шпицберген.

Хотя база всех экспедиций находилась в Угольной бухте, но мне приходилось почти все время жить у угольных копей. Сначала уральские рабочие чувствовали себя не совсем уютно в ущелье долины Русанова, на дне которого тек быстрый и гремячий ручей, но когда расставили палатки, зажгли в них примусы, научили их пользоваться спальными мешками, они постепенно стали привыкать к окружающей обстановке и работать на славу. Разведка началась двойной выработкой, на левом берегу ручья была заложена первая штольня, а выше, на поверхности, тот же пласт был начат открытыми работами. Мой помощник, штейгер Никитин, помимо общего наблюдения за рабочими, производил также съемку окружающей местности...

Тогдашние газеты были полны сообщений о нашем походе, и шпицбергенские угли обратили на себя внимание; но тогдашнее правительство не учло того значения, которое мог иметь Шпицберген для наших северных окраин, поэтому мне с громадным трудом пришлось настаивать на необходимости посылки экспедиции в ближайшие годы. Но деньги на это обстоятельство никто не давал. И вот, сколотивши некоторую сумму, часть из остатков моего жалованья за прошлый год, а также из некоторых ассигнований, которые даны были архангельскими предпринимателями, пришлось организовать в 1914 г. совсем небольшую экспедицию, состоящую из нескольких рабочих, для посылки их на Шпицберген. Важно было прежде всего закрепить за собою те площади, которые были заняты в 1913 г.

Со своими двумя спутниками, которых я нанял в Архангельске, я отправился на одном из больших тогдашних пароходов «Василий Великий» сначала в Варде, а потом в Тромсе. Здесь я зафрахтовал небольшой норвежский куттер, который должен был нас доставить на Шпицберген. 20 июля показался Зюд-Кап Шпицбергена. Я уже третий раз приближался к этим берегам и все же не мог не прийти в восхищение от первобытной суровой прелести их. Одиноко и молчаливо высились они блестящими остриями своих вершин, уносящихся далеко к небу, и эта твердыня, так далеко заброшенная в океан, казалась странною, полною неведомых чудес и тайн неразгаданных. Маленькое судно вздрагивало всем своим корпусом, несясь к чудесному острову.

К ночи того же дня налетел довольно сильный шторм, море вспенилось, забурлило, могучие волны стали захлестывать судно. На судне начались обычные приготовления к шторму. Вся команда очутилась на палубе, стала крепить шлюпки, бочки, ящики. Паруса сронили. А ветер все крепчал. Наш небольшой корабль стал сильно клевать носом, и волны с силой потока рушились на палубу до самой кормы. В такие минуты, когда разгневанное море вот-вот должно было поглотить нашу маленькую скорлупу, меня охватывало какое-то радостное любопытство. Мне хотелось знать, чем кончится эта неравная борьба. Но я всегда был уверен за человека и потому никогда не испытывал ни малейшего признака страха.

Благодаря сильному попутному ветру мы в тот же день зашли в Бельзунд, чтобы взять воду. Установилась прекрасная солнечная погода, и отсюда мы пошли в Гринхарбург.

До отхода моего из Норвегии мною была получена печальная телеграмма о смерти Ивана, того самого, крепкого, здорового помора, младожена, который был взят

Р. Л. Самойлович в группе участников экспедиции ледокола «Русанов». Мыс Челюскин. 1932 г.

мною в прошлом году на Шпицберген. Оказалось, что он заболел почками и скончался на американских копях, в больнице, куда его брат доставил на нартах. О судьбе брата Федора я ничего не знал и с беспокойством думал, находится ли он в Угольной бухте жив и здоров?

В 9 часов того же вечера мы подошли на судне к Угольной бухте. Едва она открылась из-за мыса Старостина, я стал на капитанский мостик, чтобы руководить входом судна в бухту, в которой мои спутники-норвежцы еще не бывали. Не отрывая глаз от места, где должен был быть наш домик (за дальностью расстояния его

еще не было видно), я думал о судьбе бедного Ивана. Наконец-то судно настолько приблизилось к берегу, что можно было различить и дом, и небольшой сарай подле него. Капитан в бинокль увидел развевающийся флаг. «Значит, Федор жив и здоров», — подумал я. Когда подошли еще ближе, увидели, что Федор палит из ружья. Спустили скорее шлюпку и быстро подгребли к берегу. Федор стоял у воды, окруженный визжавшими собаками. С какой радостью он нас встретил! Сам не свой, он волновался, дрожал, что-то говорил, начинал фразу, не заканчивая ее. Одна рука была у него повязана белым бинтом. Оказалось, что доктор американских копей отнял у него средний палец на правой руке. В тот момент мне некогда было расспрашивать Федора, так как нужно было спешно разгружать судно.

Закончивши разгрузку, я дружески распрошался с норвежцами, затем я расспросил Федора о смерти его брата Ивана. Оказалось, что последний и раньше страдал отдышкой. Не мог поспевать за Федором в работе, но до смерти был совершенно здоров. В середине этого месяца обнаружилось, что у него начали пухнуть ноги. Большое содействие в деле оказания помощи Ивану оказали сотрудники норвежской радиотелеграфной станции. 1 апреля телеграфист Хольм, машинист Иогансен, повар Хансен и Стаксрут прибыли на лодке и в ту же ночь в специально приспособленном ящике на собаках увезли Ивана в Адвент-бей. Нужно сказать, что Федор, вернувшись от американцев, застал Ивана лежащим без движения на койке. 2 апреля Ивана привезли в больницу, а 3-го он внезапно скончался. Так закончилась жизнь еще совсем молодого промышленника, одного из двух русских, после многих десятков лет снова поселившихся на Шпицбергене. С этого времени Федор остался один. Худой и истомленный, он производил впечатление издерганного, измученного человека. В домике все было невероятно запущено. Грязь, посуда всюду немытая, ружья не в порядке. Федор вообще принадлежал к числу не очень чистоплотных, а оставшись один, на все махнул рукою.

Весь день мы провели в уборке и отдыхе после долгого пути из Архангельска. Со следующего дня мы начали подготовку для организации зимовки архангельским рабочим, бывшим со мною. Прежде всего нужно было озаботиться о доставке достаточного количества горючего с долины Русанова. Мы занялись этим путем подвоза его на шлюпке. Через 10 дней к нам подъехала моторная шлюпка из Гринхарбурга, в которой находился машинист Иогансен, тот самый, который оказал помощь нашим зимовщикам. Я обратился к нему, как к родному человеку. Есть что-то общечеловеческое, связывающее людей между собою на этом пустынном острове. Он за-

ехал вместе с норвежским промышленником, который в эту зиму промышлял на южном берегу Шпицбергена и убил 47 медведей. Промышленник был застенчивый и малоразговорчивый, он был совсем молодой, с милым, почти девичьим лицом.

На следующий день я снова посетил наши угольные разработки, в которых так много жизни было в прошлом году.

«Сколько рабочих было здесь прошлым летом, — думал я, — сколько волнений и тревог, и вот теперь, кроме небольшой штольни и полузасыпанных выработок, никаких следов кипучей деятельности не осталось».

На всей местности лежал отпечаток запустения и заброшенности. Ночью поползли тяжелые, низкие облака, окутали горы, закрыли море. Туман придавил землю. В ночь на 25 июля прибыл вторым рейсом норвежский бот, привезший нам дрова и остальную часть провизии. После пятичасовой разгрузки все было на берегу. На этом же боте я хотел отправить обратно Федора. Для некоторых дел я отправился вместе с Федором в Гринхарбург. В тот же день там получилась радиограмма о том, что на Шпицберген идет яхта «Иоланта», принадлежавшая, согласно сообщению, какой-то русской леди.

В тот же вечер, действительно, вошла в гавань чудесная, стройная, белоснежная яхта. Вскоре на быстроходном катере была переброшена группа пассажиров, состоящая из пяти человек. Они нам представились. Оказалось, это была известная тогда киевская миллионерша — Терещенко. Услышав русскую речь, я подошел и заговорил по-русски. На катере были удивлены и обрадованы. Пошли затем на станцию, где я их представил норвежцам. Разговор шел на самых различных языках: на немецком, английском, французском, ибо капитан был американец, врач — француз, норвежцы говорили по-немецки. Вскоре вся компания вернулась на яхту, взяв с меня и норвежцев слово приехать к ним обедать. Через полчаса был послан за нами мотор, и мы отправились на «Иоланту». Простые норвежцы немного волновались и все расспрашивали меня про обычаи русского великосветского общества. Я весьма мало был знаком с этими обычаями, но охотно и с небрежной самоуверенностью настоящего денди отвечал на их вопросы.

Мы поднялись по трапу и прошли в одну из чудесных кают. Сначала замечалась неловкость чуждых людей, впервые ближе встретившихся. Впрочем, светскость хозяев и умение поддерживать разговор на самые различные темы сглаживали шероховатости. Мы сели обедать в прекрасной столовой. Белоснежная скатерть, цветы, хрусталь, серебро, несколько чисто выбритых, безукоризненных лакеев, как все это было необычайно на Шпицбергене. Я был в своем грязном рабочем костюме, в русских сапогах и чувствовал себя отравителем. В обращении хозяйки чувствовалась сердечность, искреннее, хорошее гостеприимство — чудесное свойство русского человека.

В ту же ночь было получено известие о начале военных действий мировой войны, и яхта тотчас же исчезла со Шпицбергенских вод. Я был весь под влиянием известия о начавшейся войне. Однако текущая работа на Шпицбергене отвлекала мои мысли от мировых событий. Я чувствовал, что надвигаются события огромной важности, но они мне казались где-то очень далеко от меня.

Наши зимовщики были окончательно устроены. За них можно было быть совершенно спокойным. Они имели достаточно продовольствия и топлива. Я оставил на этот раз двух человек.

Меня лишь беспокоило, что покойный Иван был до сих пор не похоронен. Норвежцы обещали приехать за мною на моторе (у меня не было, кроме небольшой шлюпки, никакого способа передвижения), чтобы отправиться к американцам, где лежало тело Ивана, но долго не выполняли своего обещания. Пришлось на шлюпке поехать к американцам для того, чтобы похоронить там тело умершего Ивана Бурого. Предстояло на вслах пройти больше 30 км. Погода стояла тихая и спокойная, мы взяли с собою припасов на 3 дня, положили деревянный крест, приготовленный для могилы Ивана, на корму и отчалили от берега.

Перед отправлением я прикрепил к наружной стенке нашего дома записку с указанием, что я уехал к американцам и надеюсь вернуться на следующий день. Мы благополучно догребли до входа в Адвент-бей, но в заливе поднялся сильный противный ветер и больше полутора часов мы потратили, чтобы зайти в бухту. У входа в нее мы высадились на берег, так как дальше подвигаться было невозможно. Мы развели здесь костер, подкрепились, и так как на шлюпке дальше невозможно было двигаться из-за ветра, то пошли пешком по берегу. Не зная, как примут меня амери-

канцы, я решил держаться официального тона и прежде всего зашел в контору. Здесь я был приятно удивлен, встретивши немца Горнхауера — конторщика, с которым я познакомился еще два года тому назад, в бытность мою в Адвент-бее вместе с Русановым. Порядочный враль и хвастун, он старался быть очень любезным и действительно оказал мне большую услугу в качестве переводчика и посредника между мною и директором предприятия.

Прежде всего Горнхауер пригласил меня к себе на чашку кофе. Год тому назад он женился на норвежанке и жил на Шпицбергене по-семейному, вместе с женою. Он пошел вперед, предупредить жену о госте — русском инженере. Пришлось порядочно ждать, пока жена его принарядилась и убрала свою «столовую». Ведь гости на Шпицбергене были не часто. Наконец все было готово, и мы зашли в его квартиру. Три очень уютные, чистые комнатки, пианино, впрочем достаточно разбитое, фотографические снимки, несколько гравюр свидетельствовали о желании придать жилищу характер домовитости и уюта. Хозяйка дома с крупными формами в немецком вкусе при каждом слове невероятно закидывала глаза кверху и как-то особенно сжимала свои довольно большие красные губы. «Что делать, — подумал я, — на Шпицбергене так редко приходится видеть нового человека».

Здесь немцы сообщили мне ошеломившую меня новость: война разгоралась повсюду, со всеми ее ужасами и несчастиями. Россия, Англия, Франция — с одной стороны; Германия, Австрия, Румыния — с другой. Либава взята, Финляндия занята. Я ушам своим не верил, настолько эти известия были неожиданны. «Какие ужасные бедствия принесет эта война, — думал я, — сколько тысяч, сотен тысяч жизней будут загублены. Что делается в России, как ведут себя рабочие, крестьяне, солдаты?» Хотелось быть там, на родине, в самом центре необычайных событий.

После визита у немца я отправился с ним в контору. Он пошел доложить обо мне директору, и тот вскоре пришел ко мне. Он сразу же произвел на меня благоприятное впечатление. Молодое, симпатичное, бритое лицо, волосы ежиком. С грехом пополам объяснил я ему по-английски цель своего приезда. Тело Ивана, оказалось, лежало в особой избушке, служившей мертвецкой. Директор всячески пошел мне навстречу и был, против ожидания, чрезвычайно любезен. Что было ценно, его любезность была не формальна, не деланна, видно, что человек от души хотел мне помочь. Он предоставил мне лошадь, запряженную в высокую платформу, и сам с несколькими рабочими отправился в мертвецкую. Из нее мы переправили останки Ивана Бурого на шлюпке и пошли к месту нашей стоянки. Со стороны наша шлюпка представляла, вероятно, не совсем обычную картину с высоко развизавшимся черным гробом над нею. С трудом мы перенесли гроб к берегу, так как прибор был довольно сильный и шлюпку заливало водою. Быстро была вырыта могила и гроб был в нее опущен. Каждый медленно бросил несколько пригоршней земли на гробовую доску. Глухо ударялись они об нее.

«Прощай, Иван Евграфович», — сказал мой спутник, рабочий Брагин. Затем мы повернули обратно к своей шлюпке, поставили мачту, наладили снасти для паруса. Ветер был сильно попутный, и мы разом отчалили дружно от берега, налегли на весла и через 10 минут были уже в море. Лица у всех были повеселевшие, бодрые, как у людей, закончивших работу, давно беспокоившую их. Мы поставили паруса, кливера, подтянули шкоты, и шлюпка быстро понеслась вперед, так что вода кипела у форшт.

Несколько в отдалении, почти параллельно с нами, шел моторный бот американцев.

— Не взять ли его на буксир, — острили мои спутники.

— Смотрите, не будьте самонадеянны, еще придется поработать на веслах, — сказал я.

К несчастью, мое предсказание сбылось раньше, чем я думал. Через полчаса ветер стих; уныло сели мы на весла и мерно загребли.

— Мотора-то и не видать, — заметил Иван с усмешкой. Действительно, он едва виднелся небольшой черной точкой.

Лишь к утру мы были в Угольной бухте. Втянули шлюпку на берег, облегченно вздохнули и пошли к домику, вскипятили чайник, закусили, легли спать и проспали больше 12 часов подряд.

14 августа утром неожиданно пришел норвежский бот «Иохан Драге» для того, чтобы взять меня и двух рабочих для доставки в Норвегию. Я к этому не был подготовлен, ибо по условию за мною должны были прийти к 20 августа. Мы наскоро принялись собираться в дорогу. Не зная, можно ли было в тот момент пробраться в Рос-

Ледокол «Красин»
во льдах Карского моря.
1933 г.

сию, я хотел оставить двух уральцев до следующего рейса, но затем решил взять всех с собою, ибо без меня им было бы трудно добраться до границы. По прибытии в Гринхарбург капитан заявил мне, что еще около 5 дней нам придется здесь пробыть. Скрепя сердце я помирился с этой мыслью, как вдруг механик Иохансен обрадовал меня известием, что я вместе с ним могу отправиться на большом грузовом пароходе, который уходит через час в Норвегию и через два дня сможет доставить нас в Гамерфест.

В Угольной бухте я оставил двух рабочих, Ивана Брагина и Александра*, на зимовку. Их задачей было главным образом охранять то имущество, которое там было оставлено. Зимовщики не ожидали столь скорого отъезда и были очень опечалены, когда о нем узнали. Мы обнялись, пожали друг другу руки и сердечно распрощались. Я в третий раз покидал Шпицберген и с грустью смотрел на маленький домик, от которого мы постепенно удалялись.

В Европе бушевала война со всей своей ужасающей силой, и во мне не было уверенности, что я когда-либо снова попаду на Шпицберген...

Оставленные мною рабочие: Алексей Докучаев и Иван Брагин — во время своего пребывания на Шпицбергене в течение 1914—15 гг. вели дневник, который потом был мне передан. Он был, правда, весьма краток и не каждый день заполнялся, однако ввиду интереса, который представляют записки, ведшиеся первыми русскими рабочими на Шпицбергене, я приведу кое-что из этого дневника.

Общий вид лагеря экспедиции Чирихина. Новая Земля. 1926 г.

* Ошибка в рукописи. Второго зимовщика звали Алексей Докучаев.

Профессор Самойлович (справа) с командой ледокола «Красин».
Арктика. 1928 г.

На первой странице дневника значится надпись: «Дневник зимовщиков на Грумандте в 1914—15 гг. Алексея Докучаева и Ивана Брагина». Кроме записок в дневнике также проставлены температуры воздуха, наблюдавшиеся в то время, причем у авторов было только две графы: «тепло» и «холодно». Первая запись начата была июля 31, 1914 г. Под графиком «тепло» стоит «б», что означает 6° выше нуля.

«Р. Л. Самойлович и с ним рабочие Кабаков и Зелютин на почтовом боте «Иохан» сегодня отбыли в город Тромсе. Пока не ушли из виду, мы их провожали глазами. Я салютовал флагом, а Иван стрелял. Когда бот скрылся, мы зашли в квартиру и первым делом, чтобы проверить — нет ли коньяку. Коньяка не оказалось, и нашли одну бутылку красного вина и две бутылки лафиту. Одну бутылку сейчас же раскупорили. Не просекло. Давай другую. Также не подействовало. Пить не стали, оставили на черный день».

«Август, 1. На море тихо. Квартиру привели в порядок и пол вымыли.

Август, 6. $+5^{\circ}$. Ветер. На горах выпал снег.

14. $+6^{\circ}$. Ясно. Тихо. Иван ходил на охоту и прострелил собаке хвост за то, что она из-под носа прогонила оленя. Я делал плинтуса к потолку.

18. $+3^{\circ}$. Тихо. Туман. Пошли в Гринхарбург берегом. Идти не очень плохо, только с ручья скверно. Норвежцы приняли хорошо. Трудно объясняться разговором через словарь, но все-таки поняли обе стороны. Показывали все устройства в машинном отделении радиотелеграфа.

19. $+4^{\circ}$. Сплошной туман. На море слышны частые выстрелы из орудия (по-видимому, это был шум откалывавшихся от глетчеров айсбергов). Обрато из Гринхарбурга, чтобы избежать ручья, пошли возле самого моря, рассчитывая на отлив. В узких местах с трудом пробирались и дошли до того, что вперед идти нельзя. Вернулись обратно. Оказалось, и обратно нельзя — вода шла на прибыль. На бугор подняться тоже нельзя, высоко и опасно. Пришлось дожидаться отлива. Часа через три дождались и у первого ручья поднялись на гору и благополучно добрались до пашки (лодки). Ехавши через губу в пашке, заметили на нашем берегу: два человека идут берегом к нашей губе. Хотя они и заметили нас и зорко смотрели на нас, но ни на минуту не остановились и шли спешно к избе. Внутри нас прошло сомнение, что за люди спешат от нас. Благополучно пристали к берегу, втащили пашку, поднялись на бугор и нам представились два финляндца. Я все-таки обратил внимание на двери. Двери оказались по-старому, не открываны. Финляндцы у нас ночевали. По-русски говорить не умеют, но все-таки выяснилось, что парусное судно промышляло зверя. Когда и как оставили судно — понять не могли. Я колол дрова.

26. $+2 \frac{1}{2}^{\circ}$. Иван ходил на охоту. Ходили к Большому ручью. 1125 шагов.

Сентябрь, 7. $+1^{\circ}$. Ночью выпал снег. Три дня чувствовал боль в груди. Наварил сосновой хвой из омея и буду пить — это против цынги хорошо испытано.

Сентябрь, 8. —1°. Тихо, пасмурно. Дома сегодня праздник. Но что жалеть, и здесь жить очень хорошо. Пища хорошая, работы никакой, постель мягкая, одежда теплая. Кажется, жизни лучше и требовать нельзя. Да ведь нет же! Временем навалится такая скука, что кажется лучше бы не родиться. Для развлечения выйдешь на улицу и иногда по хорошей погоде дойдешь до откоса берега, чтобы волнами разогнать грусть. Но не тут-то было, чтобы осенние океанские волны рассеяли тоску. А наоборот, еще больше нагоняют кручину. А кроме как на море и глядеть некуда. На горы смотреть — сердце сжимается и возвращаешься в квартиру пить, есть. Но аппетита нет. Да и сыт, недавно ел ипил, и начнешь ходить по избе со светлыми или темными думами, или начнешь петь песни во все свое мужицкое горло, или птичьим напевом только для души. Но душа не чуёт, потому что мотив не тот, и что-то подсказывает, что там за горами в долине есть олени, или в ловушку за избой попал песец. Возьмешь книгу, сядешь к столу или лягешь на кровать — не читается, а думается, что там за горой в долине есть. Встанешь, оденешься, берешь ружье, патроны и с самыми светлыми мыслями мечтаешь, что, наверное, сегодня есть олени и, даст бог, быть может, убьешь. Мясо, шкура. А быть может, попал песец. Все это стоит деньги. Жалованье — 40 рублей в месяц. Хлеба дома не ем, до весны, даст бог, зверя довольно, и сделается на сердце очень весело, и скажешь вслух: этакий я молодец, что остался зимовать, и с такой мыслью пробежишь верст 12. Оленей нет и следов нет. И с последней надеждой идешь к ловушке за песцом, но и тут ничего. Ловушка стоит так же, как spravлена осенью. С поникшей головой идешь в квартиру обратно, а думы в голове: дурак, остался зимовать на острове, на котором англичан два человека, приговоренные судом к смертной казни, не остались, а вернулись на родину, чтобы лечь на плаху, а не умереть над пищей в теплой квартире от тоски на диком Груманде. Останешься у лодки, смотришь на волны, выкуришь трубку, наложишь другую, а думы не покидают. Грудь побаливает. Цынга. Иван умер, быть может, я умру. Может и с нами случиться. А дома оставил скучать жену, детей, хозяйство, частые сборищи с соседями, газеты, известия о войне и сто раз называешь себя дураком. Да и каждый, кто за деньги лишает себя всего светлого и дорогого сердцу. Стало темнеть, да и ветер немного холодный, боишься простынуть. Товарищ, хотя и болен ногою (нарыв пятый день), а поет песни, раздрающие душу. Заходишь в избу, песня утихла. Живем, цветом, наверное, дождемся и ягод.

Сентябрь 30. —4°. Ясно и тихо. Ходил на охоту и пробродил целый день. Мест обошел очень много, но нигде не видел ни одного следа: ни оленьих, ни песцовых, но все-таки на душе было весело, наверное, от вчерашней добычи песца.

6. —3°. Пасмурно. Тихо. Вечером пришли два норвежца Юхансен и Ноис с собаками Труфаст и Фрей. Труфаст женился на нашей собаке Альфе.

Октябрь, 12. —6°. Ясно. Тихо. Иван убил куропатку. Сегодня проснулся в 5 часов утра и лежал с книгой на кровати до шести. Потом встал, оделся, затопил печь, согрел самовар. Иван тоже в койке лежал с книгой. Когда я самовар подал на стол, Иван подошел к столу и налил по кружке чая, положил сахар, и сидим, болтаем ложечками, ничего не говорим. Да нечего и говорить, все переговорено. Работать тоже нечего. Все сработано. Не знаю, что думает Иван, а я со своей трубочкой навалился грудью на стол и смотрю на море и увидел, как прилетела куропатка и села на берег против самого окна. Поглядела по сторонам и опасности не предвидела. Начала спокойно кормиться не совсем занесенной снегом травкой. И представилось мне в воображении, что и этой куропатке тоже жить хочется, как и нам с Иваном. Только разница в том, что куропатке нужно найти пищу самой и самой искать, когда здесь зимой и дня не бывает. Но они все-таки живут. Значит, бог и их хранит. Быть может, бог не оставит и нас. У нас квартира, одежда, тепло, пищи всякой много, так бы и пригласил к себе куропатку, но она бы отказалась. Умнее нас, не променяла бы свои холодные и длинные ночи на наш теплый сытный ночлег. Она знает, что хорошая пища и теплые ночи лишают ее свободы. А мы, дураки, за деньги поменяли все светлое и все дорогое сердцу на живую могилу. Одна надежда на бога. Бог знает, что с нами будет, и живешь здесь какой-то особой жизнью. Хорошо знаешь, что делать нечего, а все как-то куда-то торопишься. Встаешь, спешишь, как будто боишься остаться, и ходишь, будто что-то важное потерял. Разговор какой-то грубый. Не знаю, что будет дальше, в настоящее время скверно. Вперед не поеду ни за что. Иван убил куропатку. Все может быть и с нами.

Ноябрь, 24. —26°. Ясно. Тихо. Я работал шкап, Иван пек хлеб.

Декабрь, 6. —3°. Пасмурно. Сильный ветер. Губу сломало, лед унесло.

Группа участников Ленского похода ледокола «Красин». 1933 г.

Р. А. Самойлович с группой участников экспедиции ледокола «Русанов» поднимаются на борт ледокола «Сибиряков». 1932 г.

Фотографии из Российского государственного архива кинофотодокументов

Источник 4/1994

Р. Л. Самойлович на борту ледокола «Красин» с членами своей семьи по возвращении в Ленинград. 1928 г.

Январь, 31. —28 $\frac{1}{2}$ °. Ясно. Тихо. Солнца еще не видал. В 12 часов дня сегодня заря была очень красная. От зари свет большой в квартире, можно читать без огня с 10 час. до 2 час.

Февраль, 1. —28°. Ясно. Тихо. Справили масленицу великолепно. Не знаем, в то ли число, так как календаря нет. Да, быть может, трехмесячная ночь день перекинула или день не скрыли и сами не знаем, сегодня ли.

Февраль, 3. —33 $\frac{1}{2}$ °. Тихо. Ясно. Ходили в Гринхарбург. Ходить очень скверно. Норвежцы приняли очень хорошо и изрядно угостили вином. Прием душевный.

Февраль, 10. —27°. Ясно. Тихо. Иван ушел к ловушкам в 9 часов и до сих пор не возвратился (5 час. вечера). Думаю, что ушел ночевать в Адвент-бей или увидел оленей. Иван в 6 часов вернулся с ношей оленьего мяса. Видел стадо оленей, убил только две штуки. Недостало патронов.

Февраль, 11. —26°. Ясно. Тихо. Ходили за убитыми оленями. Вперед по пути захватили норвежские сани, что нашел Яков Зелютин. Не доходя до убитых, заметили у бугора двух оленей, подошли очень близко. Иван стрелил мимо. Я тоже. Олени — умные, не убежали и подошли еще ближе. Еще стрелили по три раза и все промах. Иван ружье бросил, кричит: «Замерз, давай огня». Он знал, что руки очень слабы, то с дому принесли дрова и керосин. Пока раздували огонь, и олени ушли. Они убежали. Пока Иван грелся и отминал мороженные пальцы, я уложил старого оленя на сани и — домой. Но тут что-то черное заметили. Разглядели в бинокль, оказалось, три оленя. Иван остался у огня, а я пошел в обход за оленями, версты три. Этим отсек им ход вперед, и когда я стрелил, то их сбежалось 11 штук. Я стрелил еще 4 раза. Олени убежали к Ивану, и он подстрелил 3 штуки. Двух оленей тащить тяжело. Одного свалили, отправили[сь] с одним и то не могли до дому дотащить. За полверсты оставили весь воз, а сами едва порожняком попали. А тут, как на грех, норвежцы дожидают, три человека. Пришлось устаток забыть и угощать.

Февраль, 15. —16°. Тихо. Ясно. Еще приехали три норвежца из Сассен-бея. Промыслом очень довольны. Уловили 60 песцов белых, голубых 18 штук, оленей убили 60 штук. Мы подарили им маленького оленыша за доставку нам убитых из долин.

Февраля 18. —27°. Пасмурно. Тихо. Иван ходил на охоту, убил двух оленей.

Февраль, 20. —13°. Ходил за оленем, и еще Иван убил 5 штук. Я ходил в противоположную сторону и ничего не видел.

Март, 7. —24°. Ясно. Финляндцы ушли в Адвент-бей. Сейчас приходили не могли, за содержание и прием предлагали взять деньгами 20 крон. Мы отказались.

Март, 12. —18°. Ясно. Иван ходил на охоту. Норвежцы сегодня дома играли в шахматы и подбили наши патроны своей машинкой. Вечером пили пунш и много пели песен. Поют очень хорошо.

Март, 22. —17°. Тихо. Ясно. Не спали, в 12 часов пропели «Христос воскрес» и «Ангел вопияше». Потом похристосовались и пили кофе, а перед кофе виски, подаренное норвежцами. На столе был шоколад, конфеты, орехи, колбаса, масло, колобы, бисквит и целый окорок молодого оленя, которому и честь была лучше всего. Днем пришли два норвежца.

Март, 26. —10°. Тихо. Ясно. Из Бельзунда приехали три норвежца.

Июль, 23. +5°. Ясно. Тихо. 12 часов ночи. Иван собрался за зверем в пашке, и при спуске пашки на воду ружье выпало само и прострелило его правую ногу в самом ходиле навывлет. Ружье «Ремингтон». Я тут не был, а он говорит, что курок был опущен. Кое-как перевязали и в половине первого поехали в Адвент-бей к доктору. Приехали в 9 часов утра. Ивана хлороформировали. Рана не опасная, кость не задела.

25. Вернулся домой в 8 часов вечера, а во всей губе очень много льда.

Июль, 30. +3°. Ясно. Тихо. Ездил в Адвент-бей навещать Ивана и хотел ночевать, но получил телеграмму — запрос, желаем ли зимовать. В тот же день вернулся домой и не спавши, в 3 часа утра, пошел подавать ответ отрицательный. Ивану лучше.

Июль, 31. Подал телеграмму [в] Тромсе Самойловичу. Получил себе письмо от Р. Л. Самойловича и Ивану от жены.

Август, 7. Ночевал в Адвент-бее у Ивана. При мне делали Ивану две перевязки. Рана очень большая. Нога запухла. Сам не в силах и повернуться на бок. В 12 часов дня отправился в Коаль-бей. Дорогой очень много льдов. Лодку перетаскивал в четырех местах. В квартире кто-то был, оставлена норвежская папироска на столе.

Август, 8. +4°. Плохо надеемся вернуться домой, так как очень много льдов.

Август, 9. +8°. Сильный ветер. Пришел норвежский почтовый бот «Пеликан» и заявил, что при отправке бота из Тромсе, пришел человек на бот и убедительно просил вывести двух русских зимовщиков из Коаль-бея в Тромсе. Я спросил, какой человек и есть ли письменное приказание. Человек был норвежец, а письменного документа нет. Я отказал, что не поедем, а буду ждать последнего рейса, а капитан на это сказал, что не знает, попадет ли или нет последним рейсом в Гринхарбург, так как очень много льда, и взяли у меня адрес Самойловича в Тромсе. По получении ответа пойдет в Коаль-бей, а мне велели приготовиться совсем к выезду.

Август, 10. +11°. Пасмурно. Сильный ветер. Делал описание всех предметов, находящихся в Коаль-бее, и укладывался в дорогу.

11. +8°. Пасмурно. Сильный ветер. Масса льдов. Во льду видно три парохода около одного места. Второй день бот не пришел.

12. +7°. Пасмурно. Сильный ветер. Пароходы пробрались в Адвент-бей. Лед понесло из губы. Бот не пришел.

13. +9°. Пасмурно. Сильный ветер. Льдов без бинокля не видеть. Бот дожидать не стал, наверное, ушел в Тромсе. Сделал Ивану костыль и направился в Адвент-бей к нему. Но заметил, что из Адвент-бея в Коаль-бей идет моторный бот. Поджидал и действительно приехало четыре норвежца и сообщили, что почтовый бот из Гринхарбурга еще не отправился, а потому в Адвент-бей идти отложил дней [на] двенадцать.

Август, 16. +7°. Ветер. Пасмурно. Пошел в Адвент-бей проведать Ивана. Иван поправляется плохо».

Впоследствии оба зимовщика были вывезены со Шпицбергена одним из пароходов, пробравшимся туда. Иван Брагин, простреливший себе бедро, около 6 месяцев пролежал в больнице в Тромсе, здоровье его было подорвано на всю жизнь. С Алексеем Докучаевым нам придется встретиться еще раз в 1918 г.

РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 12. Л. 108—114, 124—134, 151—160.

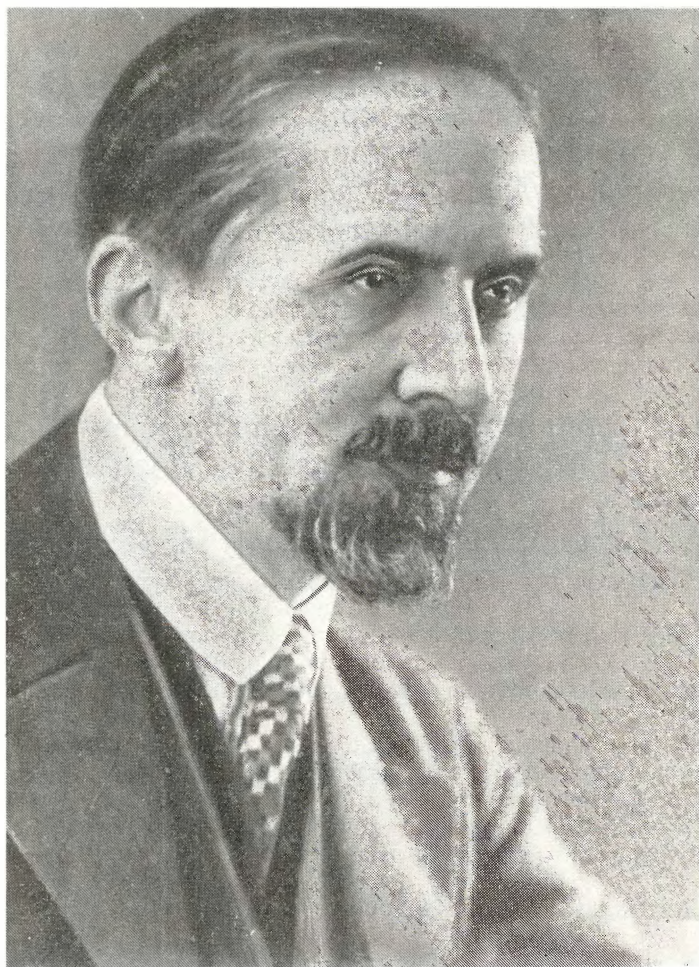
Публикация кандидата исторических наук
Татьяны СОРОКИНОЙ

ФОТОАРХИВ. РАРИТЕТЫ

Художник Иван Билибин — один из тех,
кому удалось вернуться в Россию
из послереволюционной эмиграции.
*Этому посвящено недавно найденное в архиве
письмо-автограф.*

Один из самых любимых народом
литературных героев — боец
Василий Теркин.
*Публикуемые фронтовые «агитки» представляют
образ раннего, еще лубочного, Теркина.*

«Пребывание Здесь — Нелепость и Громадная Ошибка»

И. Я. Билибин.

Русский художник Иван Билибин¹ — один из немногих, кто сумел вернуться на родину после долгих лет пребывания в эмиграции. Искренняя надежда быть полезным России заставила его написать письмо с просьбой о возвращении и пройти унизительную по своей сущности процедуру ее рассмотрения

высшим партийным органом. Очевидно, что Билибин рисковал: написанное без покаяния, сдержанно и с достоинством письмо художника могло не понравиться тем, кто решал его судьбу.

При публикации сохранены особенности стиля и орфографии автора.

Источник 4/1994

10/VI 1935

I. Bilibine

15, rue Boissonade

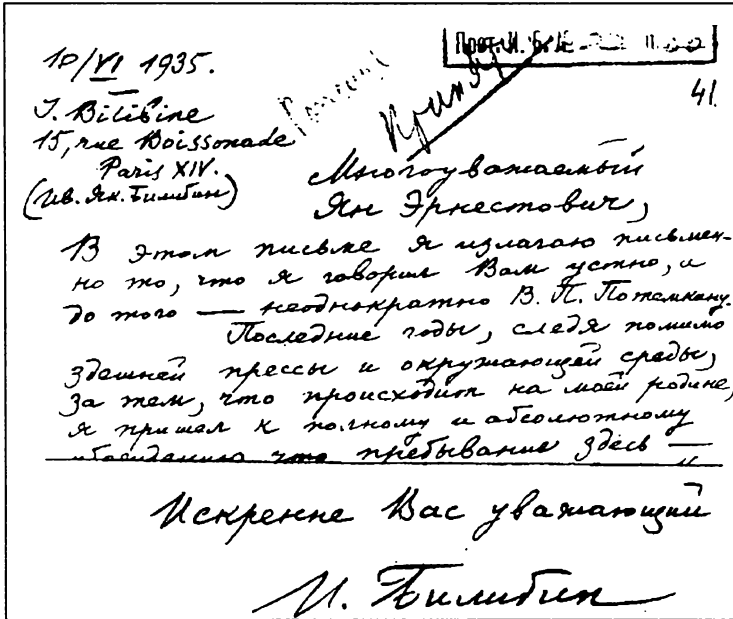
Paris XIV.

(Ив. Як. Билибин)

Многоуважаемый Ян Эрнестович²,

В этом письме я излагаю письменно то, что я говорил Вам устно, и до того — неоднократно В. П. Потемкину³.

Последние годы, следя помимо здешней прессы и окружающей среды, за тем, что происходит на моей родине, я пришел к полному и абсолютному убеждению, что пребывание здесь — нелепость и громадная ошибка. Не будучи никогда политическим деятелем, я попал в одну стихию, как мог бы, при других обстоятельствах,

попасть и в другую. Теперь же, видя необычайный и небывалый прежде рост своей родины, я мечтаю, по мере своих сил и возможностей, отдать свой труд по моей специальности своей стране и быть ей всячески полезным.

Нас здесь трое: я, художница А. В. Щекотихина Потоцкая⁴ и ее сын, учащийся во французском лицее. Она одинаково горячо желает вернуться на родину. В 1923 г. она получила командировку от Государств. Фарфорового Завода и, из-за болезненного состояния здоровья ее сына, осталась. Она — член общества «Мир искусства»⁵. Участвовала на Худож.-Декоративной Выставке 1925 г. в Париже в Советском павильоне, где ей была присуждена медаль за живопись по фарфору. Участница Салонов Тюлеры, Осеняго и Независимых Художников. Делала свои персональные выставки в галереях. В довоенной России работала в сотрудничестве с художником Н. К. Рерихом⁶ для театра. В Советском Союзе работала также для театра, как и здесь за границей. Вывезла ребенком своего сына, которого хотела бы сделать полезным гражданином для своей родины. Не натурализовала его. Сейчас он кончает французский лицей.

Лично я, находясь в эмиграции, все время определенно отмежевывался от политики. Я работал для французских издательств и театра. Обе эти отрасли и являются моею главной специальностью. Ведь и в довоенное время я приобрел свое имя в области народного искусства. Я иллюстрировал русские народные сказки и вообще, много работал для книги. Ездил в свое время неоднократно на север для

собирания этнографических матерьялов. В течение десяти лет преподавал в Школе Поощрения Художеств графическое (книжное) искусство и композицию.

Хотя я живу уже десять лет во Франции, я не натурализовался, не будучи в состоянии ассимилироваться не с моим народом.

Мы были бы счастливы, если бы Вы могли содействовать нашему возвращению на родину. Ведь мы работники по своей специальности; всегда таковыми были и таковыми останемся до смерти.

Я думаю, что как опытный специалист и мастер своего дела, я могу быть полезным. Я могу передать и другим то, что я знаю и что приобрел своим многолетним трудовым опытом.

Искренне Вас уважающий

И. Билибин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 45. Л. 41—42об. Рукопись.

На документе пометка, видимо сделанная рукой И. Сталина: «Разрешить. Принять». 9 сентября 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Разрешить въезд в СССР художнику Билибину И. Я. и Щекотихиной-Потоцкой А. В. с сыном».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Билибин И. Я. (1876—1942) — русский график-иллюстратор и театральный художник, член объединения «Мир искусства». В 1920—1936 гг. жил в Египте и во Франции. С 1936 г. профессор Академии художеств в Ленинграде.

2. Рудзутак Я. Э. (1887—1938) — с 1936 г. член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, заместитель председателя СНК и СТО.

3. Потемкин В. П. (1874—1946) — в 1934—1937 гг. полномочный представитель СССР во Франции.

4. Щекотихина-Потоцкая А. В. (1892—1967) — русский мастер росписи фарфора.

5. «Мир искусства» — русское художественное объединение. Официально оформилось в 1900 г. Включало петербургских и московских художников А. Бенуа, Л. Бакста, М. Добужинского, К. Сомова и многих других.

6. Рерих Н. К. (1874—1947) — русский художник, археолог, путешественник и общественный деятель.

«ЭТО ОН, Любимый Всеми»

А. Т. Твардовский. Москва. 1941 г.

Фото В. Малышева

Литературный лубок представляет собой один из краеугольных, условно говоря, камней русской словесности. Он находится в близком художественном родстве с ярмарочной пантомимой, сказкой, частушкой, иллюстрациями «Нивы». Очередная молодость лубочного

жанра пришлось на период финской кампании 1939—1940 гг. В это время наблюдалась явно выраженная тяга литераторов к неувядающему жанру, который с началом Великой Отечественной войны расцвел пышным цветом в заводских и армейских газетах. «Уголки юмора» этих изданий

Источник 4/1994

заполнились Мушкиными, Протйркиными и прочими народными героями. С ними — поначалу как равный среди равных — уживался и боец Красной Армии с боборыкинским именем (по одноименному роману) Василий Теркин. Этот Вася — ибо таков был первоначальный вариант имени — Вася Теркин появился в финскую кампанию. Группа литераторов, среди которых были Н. Тихонов, В. Сянов, Н. Щербаков, А. Твардовский, С. Ващенко и Ц. Солодарь, на страницах газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины» начала публиковать юмористические, продолжающиеся из номера в номер, повествования в картинках и стихах о похождениях героя в солдатской форме. В стихотворном, написанном Александром Твардовским, вступлении к коллективному «Теркину» была обозначена легко узнаваемая сегодня интонация. Под статью стихам о Васе Теркине, который вражеских поджигателей «бочками накрыл всех поодиночке и, довольный, закурил на

дубовой бочке», были также и рисунки В. Брискина и В. Фомичева.

Немногие помнят сегодня о том, что после Теркина времен финской войны и перед Теркиным «настоящим», которого с сентября 1942 года начал фрагментами печатать Александр Твардовский, одноименный литературный персонаж был воскрешен стараниями С. Маршака и художника В. Брискина. Уже через полтора месяца после начала войны в Москве на тогдашней ул. 25 Октября, в типографии «Красный печатник» начали издавать юмористические выпуски про похождения Васи Теркина работы С. Маршака. Сегодня мы публикуем выпуск первый, который сохранился в личном архиве москвича В. В. Полонского.

Через год читатели уже начисто забыли лихого персонажа Маршака-Брискина. Васю потеснил Василий Теркин из «Книги про бойца» Александра Твардовского.

Константин НОВИКОВ

Фотография из Российского государственного архива кинофотодокументов

1. Это кто в армейском шлеме,
в полной форме боевой?
Это он, любимый всеми,
Вася Теркин — наш герой.

А вокруг — обломки дота,
пачка финских эполет —
это васина работа,
это след его побед.

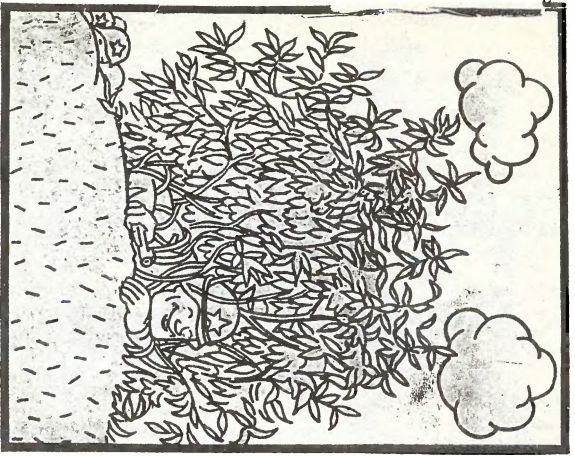
2. Только солнце золотоз
поднялось на горизонт,
Васю Теркина — героя —
пред собой увидел фронт.

Улыбнулся он знакомым,
храбрцам-фронтвикам.
— Здравствуй Вася! — гулким громом
прокатилось по полям.

3. Показал себя в разведке
Вася Теркин в тот же день —
срезал ивовые ветки
и заткнул их за ремень.

Рисунки В. Бриллима.

4. Он лежит и смотрит зорко,
встретить недруга готов.
Пять бойцов из-за пригорка
вместе с Васей ждут врагов.

Олеги С. Моршова.

5. Приближаются фашисты,
утомили их долгий путь.
Увидали куст тенистый
и решили отдохнуть.

Сели, вын/ли из сумки
нольца, брошки и часы,
две серебряные рюмки
и открыли колбасы.

6. Госидели, закусили
на пригорке шестером.
Вдруг поднялся наш Василий
вместе с ивовым кустом.

Пять фашистов перебито,
а последний свался в плен,
и доставили бандита
в глиняный штаб в деревню Н.

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

Когда пенсионера Н. С. Хрущева
вызвали в Комитет партийного контроля,
на Западе уже готовилось издание его мемуаров.
*В беседе с «контролерами» Никита Сергеевич уклоняется
от обсуждения этого щекотливого вопроса.*

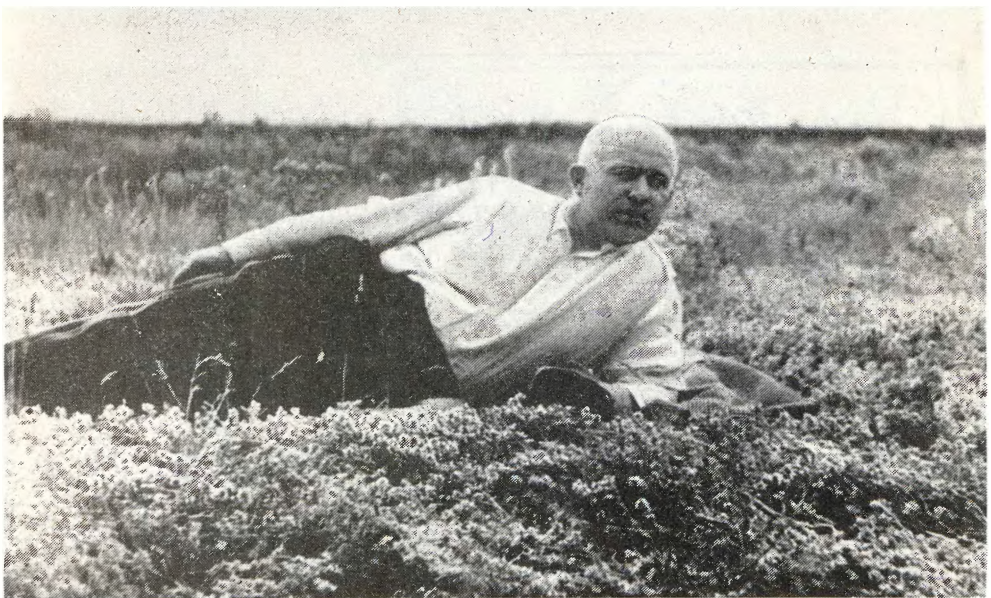
Массовое закрытие православных храмов
сопровождалось «утилизацией» их атрибутов.
*Церковные колокола превратились
в «мобилизационные запасы» меди и олова.*

Чем отличался партийный долг от заурядного доноса?
*Публикуем два письма
известных деятелей социалистической культуры.*

Один из «проектов века» — Дворец ленинизма,
высотой в километр.
Проект, к счастью, не состоялся.

«ГОТОВ НА КРЕСТ, Берите Гвозди и Молоток»

*Беседа с Н. С. Хрущевым
в Комитете
партийного контроля*

Н. С. Хрущев в Донецкой степи. 1944 г.

ЦК КПСС

По поручению ЦК КПСС, в связи с предстоящей публикацией в США и ряде других стран Запада «воспоминаний Н. С. Хрущева», 10 ноября т. г. в Комитете партийного контроля состоялась беседа с т. Хрущевым Н. С.

Во время этой беседы т. Хрущев вел себя неискренне, неправильно, уклонялся от обсуждения вопроса о своих неправильных действиях. Он утверждал, что никому не передавал свои мемуарные материалы для публикации. В итоге беседы согласился сделать заявление для печати.

Прилагаем стенографическую запись беседы с т. Хрущевым и заявление, им подписанное.

13.XI.70.

А. Пельше

Источник 4/1994

Стенографическая запись

беседы с т. Хрущевым Н. С. в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС
10 ноября 1970 года

Присутствовали: тт. Пельше А. Я.*, Постовалов С. О.**, Мельников Р. Е.***
и т. Хрущев Н. С.

т. Пельше — По поручению Политбюро мы пригласили вас в Комитет партийного контроля, чтобы вы дали объяснение по одному внешнеполитическому вопросу, связанному с вашими мемуарами, которые могут принести нашей партии и стране большой политический ущерб. Вы, возможно, в курсе дела, а может быть и нет. По сообщению нашего посла в США т. Добрынина, 6 ноября в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна «Тайм» официально объявили о том, что они располагают «воспоминаниями Н. С. Хрущева», которые будут вначале опубликованы в журнале «Лайф», начиная с 23 ноября, а затем выйдут отдельной книгой под названием «Хрущев вспоминает». Книга будет пущена в продажу 21 декабря. На днях по линии ТАСС получена информация о том, что информационные агентства и иностранная печать широко муссируют эти сообщения о предстоящей публикации в США и ряде других стран Запада, в частности, в Англии, ФРГ, Франции, Италии, Швеции «воспоминаний Н. С. Хрущева».

Вы помните, что некоторое время тому назад у нас с вами была беседа у Андрея Павловича Кириленко, во время которой вам было сказано, что путь создания ваших мемуаров, связанный с вовлечением в это дело широкого круга людей, является непартийным. И тогда вы были предупреждены, что такой путь не исключает возможности утечки материалов. Вы видите, эта утечка материалов произошла и в этой связи вы должны понять, что вы несете всю полноту ответственности за это дело.

Мы хотели бы заслушать ваше объяснение по этому вопросу и ваше отношение к этому делу. Может быть вы прямо скажете нам, кому передавали эти материалы для публикации за рубежом.

т. Хрущев — Я протестую, т. Пельше. У меня есть свои человеческие достоинства и я протестую. Я никому не передавал материал. Я коммунист не меньше, чем вы.

т. Пельше — Надо вам сказать, как они туда попали.

т. Хрущев — Скажите вы мне, как они туда попали. Я думаю, что они не попали туда, а это провокация.

т. Пельше — Вы в партийном доме находитесь.

т. Хрущев — Я никогда не был в Комитете партийного контроля. И в таком положении нахожусь впервые и в конце своей жизни, я уже не говорю деятельности. Деятельность моя окончена. И вы требуете от меня объяснения.

т. Пельше — Правильно.

т. Хрущев — Я вам объяснил.

т. Пельше — Вы ничего пока нам не объяснили.

т. Хрущев — Больше нечего объяснять. Никогда, никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то что я диктовал, я считаю это право каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что я диктовал. Не все можно опубликовать в данное время.

т. Пельше — Это ваше мнение. У нас с вами был разговор, что тот метод, когда широкий круг людей привлечен к написанию ваших мемуаров, не подходит, что секреты, которые вами излагались, могут попасть за рубеж. И они попали. Это теперь нас очень беспокоит.

т. Хрущев — Если вы помните, мне другое тогда было сказано. Мне сказали, чтобы я не писал и не диктовал. А я сказал, что это Николай I запрашивал шифровки. Я был удивлен, что в моей партии, которой я отдал жизнь, мы вернулись к николаевским методам.

т. Постовалов — Это неудачное сравнение. Неправильное.

т. Хрущев — Со мной поступили как с Шевченко.

* Пельше А. Я. — председатель КПК при ЦК КПСС.

** Постовалов С. О. — член КПК при ЦК КПСС.

*** Мельников Р. Е. — член КПК при ЦК КПСС.

- т. Постовалов** — Зачем такую параллель проводить.
- т. Хрущев** — Я против такой параллели.
- т. Пельше** — Вы тогда этот совет не восприняли.
- т. Хрущев** — Нет. Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я не доволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голя. Я завидую ему. Я был честным человеком, преданным. Как только родилась партия, я все время был на партийной работе.
- т. Пельше** — Это мы знаем. Вы скажите, как выйти из создавшегося положения?
- т. Хрущев** — Не знаю. Вы виноваты, не персонально вы, а все руководство. Если бы руководство было внимательным и разумным, оно бы сказало: т. Хрущев... Вы помните, т. Кириленко спросил: вы диктуете? Я ответил, — да. Я понял, что прежде чем вызывать меня, ко мне подослали агентов.
- т. Пельше** — То, что вы диктуете, знают уже многие в Москве.
- т. Хрущев** — Мне 77 год. Я в здравом разуме и отвечаю за все слова и действия. Я думал, что т. Кириленко даст мне людей, которым бы я диктовал.
- т. Пельше** — Почему вы раньше в ЦК не обратились? Когда вас вызвал т. Кириленко, уже было надиктовано много.
- т. Хрущев** — Откуда вы знаете? Вы говорите, что вы узнали по радио. Кто вам докладывает?
- т. Пельше** — Наш посол официально сообщил.
- т. Хрущев** — Это может быть провокация буржуазной прессы. Поскольку моя фамилия представляет сенсацию, может быть они создали материал на меня.
- т. Пельше** — Как выйти из этого положения?
- т. Хрущев** — Не знаю. Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом. Двое ворот, и вход и выход контролируются. Это очень позорно. Мне надоело. Помогите моим страданиям.
- т. Пельше** — Никто вас не обижает.
- т. Хрущев** — Моральные истязания самые тяжелые.
- т. Постовалов** — Вы говорите, что никому не передавали. Это очень важно в данной ситуации.
- т. Хрущев** — Я думаю, вы и т. Пельше отлично понимаете, что я никому не передавал и по своим убеждениям не могу передавать. Вы помните, т. Пельше, у т. Кириленко я сказал: если бы мне помогли.
- т. Пельше** — Вы этого не говорили. Вы сказали: когда я кончу, передам в ЦК.
- т. Хрущев** — Я этого не говорил. Тов. Кириленко предложил мне прекратить писать. Я сказал, — не могу, это мое право. Мы политические деятели. Я умру...
- т. Пельше** — Все умрем.
- т. Хрущев** — Председатель Верховного Совета, не помню его фамилии, умер.
- т. Пельше** — Игнатов?
- т. Хрущев** — Да, Игнатов. Неизвестно, кто раньше умрет. А он был дурак.
- т. Постовалов** — Дело не в этом, т. Хрущев.
- т. Хрущев** — Да, в этом.
- т. Постовалов** — Дело идет о серьезном положении, если материалы будут напечатаны. Они, наверное, будут напечатаны. А вы сами не знаете, как они туда попали.
- т. Хрущев** — Посла в США я очень хорошо знаю и очень его уважаю.
- т. Постовалов** — Тем более.
- т. Хрущев** — Он сообщил то, что сообщает печать. Я буржуазной печати никогда не верил, поэтому и говорю, что он сам ничего не знает. Может быть, своим вызовом сюда вы поможете мне скорее умереть.
- т. Пельше** — Мы не хотим, чтобы вы умирали. Живите на здоровье.
- т. Хрущев** — Я хочу смерти.
- т. Мельников** — Может быть, вас подвел кто-то?
- т. Хрущев** — Дорогой товарищ, я отвечаю за свои слова и я не сумасшедший. Я никому материалы не передавал и передать не мог.
- т. Мельников** — Кому вы доверяли материалы? Ва-ши доверенные могли передать?

т. Хрущев — Нет.

т. Мельников — Вашими материалами пользовался не только сын, но и машинистка, которую вы не знаете, писатель беспартийный, которого вы также не знаете, и другие.

т. Хрущев — Это советские люди, доверенные люди.

т. Мельников — Всякие люди есть. Могли вас и подвести.

т. Хрущев — Я не верю, что материал попал американцам. Это утка, ложь, фабрикация. Я в этом уверен.

т. Мельников — Но если они будут опубликованы, вы будете отвечать.

т. Хрущев — Вы меня не пугайте. Я 76 лет отвечаю за свои действия. Вы меня ничем не запугаете.

т. Мельников — Вы не стучите и не кричите. Вы находитесь в КПК и ведите себя как положено.

т. Хрущев — И вы ведите себя как положено. Я член партии покамест и не лишайте меня права.

т. Постовалов — С вами никто плохо не говорит. Вам сообщили обстановку, которая сложилась в связи с вашими мемуарами. А вы кричите и стучите по столу.

т. Хрущев — Это нервы, я не кричу. Разное положение и разный возраст.

т. Пельше — Какие бы ни были возраст и нервы, но каждый член партии должен отвечать за свои проступки.

т. Хрущев — Вы, т. Пельше, абсолютно правы, и я отвечаю. Готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни.

т. Пельше — КПК к смертной казни не приговаривает.

т. Хрущев — Практика была. Сколько тысяч людей погибло. Сколько расстреляно. А теперь памятники врагам народа ставят. Это меня радует и огорчает. Тому же Постышеву, Блюхеру, Станиславу Викторовичу Коссиору.

т. Пельше — Это лишний разговор.

т. Хрущев — Это прямой разговор, он относится к нашей теме. Я тогда сказал т. Кириленко, вам и т. Демичеву, что стоял и стою на решениях 22 съезда партии и пока живу, буду сторонником этих решений. Убийц надо разоблачать. Они умерли, но если сейчас поднимать на пьедестал убийц, то может быть кое-кому гоже понравится повторить. Я против этого. На 20 съезде партии я в отчетном докладе о культе личности ничего не сказал, а в процессе съезда решили об этом сказать отдельно. Материалы по этому вопросу были подготовлены комиссией под председательством т. Пospelова. Но тогда получилось, что один доклад отчетный, а другой о Сталине. Если бы было два докладчика, то это могло породить разные мнения. Я согласился сделать и второй доклад.

т. Пельше — Этот доклад известен. Партия из этого сделала выводы. Но как выйти из того положения, которое сегодня сложилось?

т. Хрущев — т. Пельше, лучший выход из положения — это не создавать вокруг Хрущева то, что создано, а создать ему условия, на которые он имел право. Я считал и говорил, что в 65 и даже в 60 лет надо освобождать первые места для более молодого поколения.

т. Пельше — Но вы же не ставили этого вопроса.

т. Хрущев — Ставил.

т. Пельше — Не знаю.

т. Хрущев — Вы не знали потому, что другое положение занимали. Когда исполнилось Мжаванадзе 60 лет, я говорил ему: вас надо передвинуть председателем президиума Верховного Совета Грузии.

т. Пельше — Но не это является темой нашего разговора сегодня.

Если вы считаете, что это провокация агентства «Тайм», то вы могли бы сделать об этом заявление?

т. Хрущев — Меня никто не спрашивает.

т. Пельше — Вы могли бы заявить, что никаких мемуаров не писали...

т. Хрущев — Этого я не могу сказать, я диктовал.

т. Мельников — Вы их не написали?

т. Хрущев — Они еще не закончены. Я заболел.

т. Постовалов — Незаконченные мемуары не могли у вас заполнить агентства.

*Н. С. Хрущев
на отдыхе под Москвой.
1962 г.*

т. Хрущев — Как известно, в любом государстве авторы должны заключать договор с издательствами, которые и получают право на публикацию их материалов. Другого права нет.

т. Постовалов — Поэтому и надо из создавшегося положения найти выход. Нельзя ли так вам именно и действовать. Дать ответ врагам на их действия. Все это будет правильно и здраво.

т. Хрущев — Каждый сумасшедший считает, что он

не сумасшедший. Я не считаю себя сумасшедшим. Может быть вы по-другому оцениваете мое состояние.

т. Постовалов — Значит, по-здоровому и надо решать вопрос.

т. Хрущев — Я говорю, что в моих воспоминаниях есть такие сведения, которые являются секретными и которые не могут быть опубликованы ни при моей жизни и еще неизвестно когда после моей смерти. Хотя, вы знаете, вообще секретов не бывает. В створе по убийству Павла участвовал его сын Александр. И о том, что он убийца, знали все...

т. Постовалов — То, что вы написали, не является секретом?

т. Хрущев — Но время опубликования этих материалов должна была бы определить партия.

Наверное, многие верят, например, что войну в Корею начали американцы. Я то знаю, что Ким Ир Сен ее начал. Я находился в это время у Сталина. Но этого не надо объявлять сейчас.

*Н. С. Хрущев
на отдыхе под Москвой.
1963 г.*

Н. С. Хрущев
на охоте.
1964 г.

т. Мельников — Но вы же диктуете об этом.

т. Хрущев — Я диктую, потому что при мне это было. Я знаю об этом. Это мое право.

т. Постовалов — А если будет напечатано об этом?

т. Хрущев — Я говорю, этого не может быть, с моей точки зрения.

т. Пельше — Ваша диктовка проходила через многие руки на лентах и машинке и вы не можете дать гарантию, что она каким-то образом не попала туда, куда не следует. Вы отвечаете за то, что вы диктуете.

т. Хрущев — Это другой вопрос, т. Пельше. Вы хотите сказать, что я не должен писать.

т. Пельше — Вы за свои проступки должны отвечать.

т. Хрущев — Делайте, что вам положено.

т. Пельше — Если вы считаете, что делаете все в интересах нашей страны, то было бы целесообразно сейчас сделать заявление о том, что вы никаких материалов не писали и никому не передавали и что готовящаяся публикация ваших мемуаров является клеветой, фальшивкой.

т. Хрущев — Я повторяю, я хочу умереть честным человеком. То, что я написал, я никому не давал. Это точно.

т. Мельников — Но если они напечатают, это будет фальшивка?

Н. С. Хрущев с внуками Никитой Хрущевой (слева) и Никитой Аджубеев.
1964 г.

т. Хрущев — С моей точки зрения, да. Вы тоже понимаете. Зачем так разговаривать, подцеплять и ловить меня на крючок. Я старый, кому я нужен. Никакой крючок на меня не действует. Поэтому я вам говорю, Зиновьев...

т. Пельше — Это вопрос другой.

Дайте нам ответ по существу поставленного перед вами вопроса. Надо сделать так, чтобы иностранцы в ближайшее время не опубликовали ваши воспоминания.

т. Хрущев — Я этих воспоминаний не знаю. Откуда они и что это за воспоминания.

т. Пельше — Речь идет о ваших воспоминаниях.

т. Хрущев — Вы говорите на основании заявления посла.

т. Пельше — Но 23 ноября, т. е. через 13 дней, они будут в печати. Сейчас они находятся в типографии.

т. Хрущев — Никто, и я этих мемуаров не видел.

т. Постовалов — Каково будет ваше отношение, если они появятся?

т. Хрущев — Вместе с вами возмущаюсь.

т. Постовалов — Этого мало.

т. Хрущев — Я готов заявить, что никаких мемуаров ни советским издательствам, ни заграничным я не передавал и передавать не намерен. Пожалуйста, напишите.

т. Постовалов — Если они написаны в черновике, ведь нельзя сказать, что они написаны.

т. Хрущев — Таких документов нет. Поэтому я считаю, что мои материалы изъяли. Эти методы нарушают ленинские нормы и порядки жизни партии. Я протестую, т. Пельше. Я прошу вернуть мои материалы.

т. Пельше — Напрасно протестуете. Вы говорите, есть материалы, которые нельзя публиковать. А если они гуляют по Москве?

т. Хрущев — Где они гуляют? Это говорит о том, что мы возвращаемся к сталинским шифровкам.

т. Пельше — Вам никаких шифровок не вручают.

т. Хрущев — Это материал мой и никто не имеет права брать его. Это николаевское время. Это полицейская расправа. Это возмутительная вещь.

т. Пельше — Возмутительная вещь. Ваши секретные материалы имеют широкое хождение и вы за это несете партийную и государственную ответственность.

т. Хрущев — Я готов на крест, берите гвозди и молоток.

т. Пельше — Эти фразы не нужны.

т. Хрущев — Это не фразы. Я хочу этого. Русские говорят: от сумы и тюрьмы не откажешься. Я всегда в другом положении был и за всю свою политическую деятельность в порядке допрашиваемого в партийных органах никогда не был.

т. Постовалов — Здесь вы находитесь не как допрашиваемый, а на беседе. С вами идет разговор о том, как быть. И вы напрасно говорите, что это утка пущена. Ведь материалы находятся уже в редакции. Вы можете поверить послу.

т. Хрущев — Посла Добрынина я очень уважаю. Это самый умный посол за границей.

т. Постовалов — Поэтому надо думать, и прежде всего вам, какие в связи с этим нужно сделать заявления, а их придется делать, если вы говорите, что возмущаетесь.

т. Хрущев — Я только одно скажу, что все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усиленных нет, наоборот есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова. Мне жена Жукова позвонила и говорит: «Георгий Константинович лежит больной и лично не может говорить с вами, но он просит сказать ваше мнение о его книге. Вы, — спросила она, — читали?» Я говорю, не читал, но мне рассказывали люди. Я сказал, отвратительно и читать не могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков честный человек, военный, но сумасброд. Жуков описывает эпизод, как был убит Ватугин и что в это время и я там был.

т. Постовалов — Вы же сказали, что не читали книгу.

т. Хрущев — Но мне рассказали.

т. Пельше — Как же вы можете судить о книге, которую не читали.

т. Хрущев — Описан эпизод такой.

Н. С. Хрущев в кругу семьи. 1963 г.

т. Пельше — Вы не знаете, как он описан.

т. Хрущев — Вы как следует разговаривайте со мной. Я не болванка, чтобы дергать меня за ниточку. Я человек и имею свои достоинства. Вы пользуетесь своим положением. Но пока бьется мое сердце, я буду защищать человеческие достоинства.

т. Постовалов — Вы интересы партии должны защищать.

т. Хрущев — То, что я пишу, не расходится с интересами партии.

т. Постовалов — Речь идет не о Жукове.

т. Хрущев — Тов. Пельше не дал закончить мысль. Обрывать — это сталинский стиль.

т. Пельше — Это ваши привычки.

т. Хрущев — Я тоже заразился от Сталина и от Сталина освободился, а вы нет.

т. Пельше — Это вы не знаете.

т. Хрущев — Я имею право говорить.

т. Пельше — Я тоже имею право говорить.

т. Хрущев — Я не читал и читать не буду, противно. Я жене Жукова говорю, — как Жуков мог написать такой эпизод о гибели Ватутина? Будто Ватутин выскочил из машины и пулеметом прикрыл мою машину. Я говорю, Ватутин был ранен в пах, выскочить не мог, а самое главное в этом деле то, что Хрущева там не было. И во втором издании это уже исправлено. А вы сказали, что я говорю неправду.

т. Пельше — Давайте думать, как исправить дело.

т. Хрущев — Вы сейчас сильнее меня и можете это сделать.

т. Пельше — По дипломатической линии не можем.

т. Мельников — Вы, т. Хрущев, можете выступить с протестом, что вы возмущены.

т. Хрущев — Я вам говорю, не толкайте меня на старости лет на вранье.

т. Пельше — Речь идет о том, что нужно сделать, чтобы уменьшить политический ущерб.

т. Постовалов — А мемуары были?

т. Хрущев — Я не могу сказать, что я не диктовал.

т. Мельников — Надо вам решать.

т. Хрущев — Сейчас материал этот надо вернуть.

т. Пельше — Это вопрос другой.

т. Хрущев — Я хотел обратиться к тов. Брежневу, а меня вызвали к вам. Ведь КПК орган репрессивный. Когда здесь сидел Шкирятов, сколько людей прошло...

т. Постовалов — Не то вы говорите. Ваш материал, как вы говорили, такой, который нельзя печатать много лет. А если он будет напечатан, какое возмущение это вызовет у советских людей.

т. Хрущев — Я возмущен.

т. Постовалов — Вокруг этого разговор идет. Каково ваше отношение?

т. Хрущев — Мое отношение самое партийное.

т. Постовалов — Таким оно и должно быть. Самое крайнее возмущение должно быть.

т. Хрущев — Согласен на любое. В моей деятельности я пользовался острым словом и умел пользоваться.

т. Постовалов — И его надо применить сейчас, чтобы помешать публикации.

т. Хрущев — Согласен. Это верно.

т. Постовалов — Если вы говорите, что возмущены до предела, то вам надо выступить по-этому вопросу.

т. Мельников — Пока материал не опубликован, это могло бы сыграть какую-то роль.

т. Хрущев — Вы поймите, ведь документа никакого нет и я ничего не видел.

т. Постовалов — Вы тассовский материал тоже не видели?

т. Пельше — Когда уже собираются печатать материал, вы должны сказать, что я не собирался ничего писать и печатать.

т. Хрущев — Я пока нигде не читал.

В былые времена, мы, не будучи членами ЦК партии, я был секретарем Бауманского райкома, получали тассовский материал. Члены партии приходили и читали для ориентации о позиции наших врагов. Когда я был секретарем райкома партии в Донбассе, получали «Социалистический вестник». Ленин умер, но дух Ленина жил тогда.

т. Постовалов — Выходит, что вы нам не верите о том, что собираются делать с вашим материалом?

т. Хрущев — Вы сами ничего не видели.

т. Постовалов — Достаточно, что они передают по радио и телевидению. Против этого надо возмущаться.

т. Хрущев — Я возмущен.

т. Пельше — Нам сегодня стало известно, что американский журнально-издательский концерн «Тайм» располагает воспоминаниями Хрущева, которые начнут публиковаться там. Это факт. И вы должны сказать свое отношение к этому. Из сообщений видно, что американская печать, а также германская и английская раздули вокруг этого ажиотаж. Хотелось бы, чтобы вы определили свое отношение к этому делу, не говоря о существовании мемуаров, что вы возмущены этим и что вы никому ничего не передавали. Это в какой-то степени уменьшит интерес к публикации материалов и разоблачит ее организаторов.

т. Хрущев — Пусть запишет стенографистка мое заявление.

Из сообщений заграничной печати, главным образом, Соединенных Штатов Америки и других буржуазных европейских стран, стало известно, что печатаются мемуары или воспоминания Хрущева. Я возмущен этой фабрикацией, потому что никаких мемуаров никому я не передавал — ни издательству «Тайм», ни другим кому-либо, ни даже советским издательствам. Поэтому считаю, что это ложь, фальсификация, на что способна буржуазная печать.

т. Пельше — Если мы вам поможем в этом и предложим каналы, через которые можно было бы довести об этом до сведения американской печати, вы согласились бы использовать эти каналы?

т. Постовалов — Учитывая ваше возмущение.

т. Пельше — Допустим, к вам пришел бы корреспондент, вы могли бы ему повторить это?

т. Хрущев — Да. Если хотите пресс-конференцию могу провести. У меня еще хватит пороховницы и достоинств защитить честь своего мундира, честь нашей страны и партии.

Я знаю и повторяю вам, что ряд положений, которые имеются в этих диктовках, правдивы и за них я абсолютно ручаюсь.

т. Постовалов — Каким-то путем все же это утекло и вам надо подумать об этом.

т. Хрущев — Я возлагаю ответственность на тех товарищей, которые в этом деле не хотели мне помочь. Хотели окриком действовать, а это не приводит к добру.

т. Постовалов — Легче всего возложить ответственность на кого-нибудь.

т. Хрущев — Товарищи, которые со мной разговаривали, возложили ответственность на меня. Вы помните, т. Пельше, разговор у т. Кириленко. Записи тогда не было. Я сказал, если бы мне помогли, дали бы машинистку, ЦК получил бы эти материалы.

т. Пельше — То есть с самого начала вы действовали нелегально.

т. Хрущев — Не пугайте меня нелегальщиной. Нельзя упрощенно подходить.

т. Пельше — Что, разве бы вам не дали машинистки, если бы вы с самого начала обратились в ЦК?

т. Хрущев — Меня вызывали в ЦК.

т. Пельше — Это было в 1968 году.

т. Постовалов — А писать вы раньше начали.

т. Хрущев — Я тогда только что начал писать. И сразу же ко мне пришел молодой человек и я сразу догадался, что его приставили ко мне...

Никакого секрета подпольной диктовки не было и нет. Мне не помогли, не создали условий. Я думал, что это дело долгого времени и к диктовке долгое время возвращаться не буду. А знаете вы, сколько людей, которые встречаются со мной, спрашивают: «Вы записываете?» Я говорю — нет. «Вы должны записывать, как это ценно для нас». Не подумайте, что я хочу себя переоценить. Мы жили в одно время. Я около Сталина был. Это будет иметь большую ценность для поколений.

т. Постовалов — ЦК имеет партийные журналы. Есть ИМЛ. Они изучают и освещают историю партии. Мемуары — это совершенно другое дело.

т. Хрущев — Писал Попов историю. Хорошая история. Умный человек в Коминтерне работал. Сталин расстрелял. Поспелов — подхалим. Писал под диктовку Сталина. История все время обновляется, потому что ее пишут люди. Мемуары — это сугубо личное дело. И эту точку зрения вы у меня никогда не отберете. В мемуарах человек излагает свою точку зрения. Пишет о времени, в котором он жил.

т. Постовалов — Вы должны сохранять тайну.

т. Хрущев — Мне прямо сказали, не смейте писать. Я с этим не согласен.

т. Пельше — О том, что вы начали писать мемуары, вы должны сообщить в ЦК.

т. Хрущев — Я не сообразил. Вы тогда, т. Пельше, были и знаете, что я просил.

т. Пельше — Такой четкой просьбы у вас не было.

т. Хрущев — Как я мог просить, когда мне отказали. Я этого не мог представить. У меня нет дорожки органа, как ЦК. Я хочу закончить свою жизнь преданным ЦК и как могу служить на пользу своей партии, которой я отдал столько лет.

Правда, когда было 50 лет партии, выдавали медали хорошим людям, заслуженным людям. У меня спрашивали: «Вы получили? Ну получите». А я не получил.

т. Пельше — Это другой вопрос.

т. Хрущев — Это отношение к людям, отношение к членам партии, которые прошли большой путь — путь гражданской войны, Отечественной войны, восста-

новления разрушенного, путь пятилеток. Когда я на Украине был первым секретарем, сколько сил отдал. В Москве и Московской области не меньше отдал сил. А почему разное отношение? Об этом вы сами подумайте. Я не хочу называть вещи своими именами. Я возмущен не потому, что не дали, а потому, что нет объективности, а есть субъективность.

Я хотел бы обратиться к вам, как председателю Комитета партийного контроля, чтобы вы встали на защиту честного члена партии.

т. Пельше — Мы еще будем разбираться с вопросом, о котором идет сегодня речь.

т. Хрущев — Не пугайте меня, я не боюсь. Сейчас у меня не жизнь, а страдание. Я завидую де Голлю. Здоровый был мужик. У меня сейчас тяжелая жизнь.

т. Мельников — А что тяжелого?

т. Хрущев — Когда уйдете на пенсию, тогда узнаете, что это адские муки.

т. Пельше — Всем это предстоит. Все уйдут на пенсию.

т. Хрущев — Меня лишили прав члена ЦК. Перестали приглашать на пленумы. Разве это достойно. Я звонил Малину. Говорит — не могу. Все на пенсии. Шверник тоже на пенсии, лежит трупом. Но к нему совершенно другое отношение. Почему к нему одно, а ко мне другое отношение. Что я меньше других сделал для партии? Это создает для меня особые условия. Поживите моей жизнью.

Ничем вы меня не припугнете.

т. Пельше — Мы вас не собираемся ничем пугать.

т. Хрущев — Ничем. Потому, что все сейчас тяжело для меня.

т. Постовалов — Это вы не серьезно говорите.

т. Хрущев — Попробуйте. Узнаете.

т. Постовалов — Это несерьезный разговор.

т. Хрущев — т. Пельше, сколько казнили людей. Сколько у меня друзей казнили, вернейших членов партии. Сколько сейчас казнил Мао Цзэ-дун врагов культурной революции. Мао Цзэ-дун и Сталин.

т. Постовалов — Зря такую параллель проводите.

т. Хрущев — Сталин и Мао Цзэ-дун.

т. Постовалов — Не об этом сейчас разговор.

т. Хрущев — Три месяца отсидел в больнице на Грановского. Три месяца пролежал. Теперь начал ходить. Не знаю, что будет после приема у главного партийного врача. Что вы, т. Пельше, скажете про меня. Я вас не буду обсуждать ни при каких случаях.

Я смотрю — знакомое лицо. Где вы работали?

т. Мельников — В Узбекистане.

т. Хрущев — Я хочу сказать о базе, с которой снабжаются люди, получая лечебное питание. Я считаю, что это приносит огромный вред. Наши семьи, я тоже пользуюсь этим снабжением, не знают действительного положения вещей. Взять такой пример, что люди даже не могут купить укропа. Это просто плохая организация торговли. В магазинах нет необходимых вещей. Нет мяса.

т. Пельше — В Москве есть.

т. Хрущев — Люди говорят: «Может верблюд добраться с Дальнего Востока до Москвы? Нет, не может — съедят».

т. Постовалов — А разве при вас не рассказывали таких анекдотов.

т. Хрущев — После меня прошло 6 лет. После смерти Сталина наша страна оказалась в тяжелом положении в оборонном отношении. Сейчас другое положение. Мы должны уделять больше внимания товарам народного потребления. Вот купите себе шапку. Вы ее не купите.

т. Постовалов — Вы по рассказам говорите. Я вот купил себе шапку, правда, не пыжиковую, а обыкновенную.

т. Хрущев — Что мне сказать. У нас очень много недостатков.

т. Пельше — Увеличилось потребление мяса на душу населения. Увеличилась заработная плата. Денег у народа стало больше. Жить стали лучше.

т. Хрущев — У вас рабочий день в 6 часов кончается? Ваша задержка не по моей вине.

т. Постовалов — Опять, зачем на других перекладывать.

т. Пельше — Если бы вы уважали свой ЦК, то сразу же сообщили бы о своем решении писать мемуары.

т. Хрущев — ЦК лишил меня права присутствовать на пленумах. Сталин этого не позволял. Сталин прямо действовал — арестовывал как врага народа. Это факт. Я как член ЦК в годовщину Октября хотел прийти к Мавзолею, заказал машину, а мне «раб божий» сказал, что я вам не рекомендую туда ехать. Как это можно?

т. Пельше — Вы пожаловались бы.

т. Хрущев — Опять я виноват.

т. Пельше — Я не знаю, что вам сказали.

т. Хрущев — Я умер, а ваша совесть не может примириться с этим. Вера Засулич сообщила царскому суду, что она убила... Суд заслушал ее и оправдал. А ведь это был царский суд. Интересная вещь. Мне трудно объяснить, как это могло случиться.

т. Постовалов — Там все написано.

т. Хрущев — Как мог суд оправдать? Вы сами не юрист?

т. Постовалов — Нет.

т. Пельше — Партийный работник.

т. Хрущев — Партийными работниками бывают и юристы.

Я еще хочу спросить, как человек и член партии, как могли мы с такой мощью Египет, позволить его разбить?

т. Мельников — Борьба продолжается, Египет не разбит.

т. Хрущев — Тогда вы от меня ничего не слышали и мне ничего не говорили.

В 1956 г. мы были очень слабы в оборонном отношении. Я помню то самое тяжелое время в отношении Кубы. Мы выиграли сражение без боя. Мы правильно решили вопрос. Мне часто задают вопросы об агрессии Израиля. Я говорю, что я сейчас не все знаю, я — пенсионер.

т. Пельше — Беседу на этом закончим.

Запись вели СОЛОЗОНОВА и МАРКОВА.

З а я в л е н и е

Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н. С. Хрущева. Это — фабрикация и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать.

Н. Хрущев

10.XI — 1970 г.

Фотографии из Российского
государственного архива
кинофотодокументов.

«Кто Нашел СТОЛЫПИНА?»

П. А. Столыпин.

До сих пор остается загадкой и является предметом дискуссии история возвышения П. А. Столыпина¹. Казалось, что определенную роль сыграли родственные связи. Но на основании достоверных свидетельств можно утверждать, что после занятия им поста губернатора это не играло решающей роли в служебной карьере.

Автор публикуемого письма Евстратий Павлович Медников (1853?—1914) — фигура довольно интересная в истории политического сыска России. В 1881 г. он начал свою службу в Московском охранном отделении в качестве агента наружного наблюдения — филера. Впоследствии становится правой рукой небезызвестного Зубатова² и организа-

тором летучего филерского отряда, автором методики службы наружного наблюдения. Многие высокопоставленные представители политического сыска были с ним в дружеских отношениях. Как глава филерского отряда, Медников со своими подчиненными объездил всю Россию, был хорошо осведомлен о широком круге российских общественных и государственных деятелей, особенно на губернском уровне. Несмотря на свое невысокое образование, он неплохо разбирался в людях, к его мнению прислушивались не только сослуживцы, но и более высокое начальство.

Публикуемое письмо было послано Ивану Федоровичу Манасевич-Мануйлову, который в разное время подвизался как секретный сотрудник, чиновник

Департамента духовных дел, журналист, политический авантюрист. Он имел широкие, порой сомнительные связи, был вхож в высокие сферы, хотя и не всегда с парадного крыльца. И приводимое письмо подтверждает это. Сам Столыпин, безусловно, не подозревал о роли этих людей в его судьбе, но нет оснований не верить автору письма, так как, действительно, вскоре после этой «подсказки», а именно в октябре 1905 г. на совещании у председателя Совета министров С. Ю. Витте с общественными деятелями, впервые обсуждалась кандидатура Столыпина. Хотя возможно, что Столыпин заметили и выдвинули и вне связи с упоминаемой рекомендацией, тем более что не он один выдвигался в министры из губернаторов.

**Москва
9-3-907**

Дорогой
Иван Федорович.

Чувствую громадный запас восторга по поводу открытия Г[осударственной] Думы. Тот восторг заключается вот в чем. Год с несколькими месяцами, мы с Вами вели разговор о моей поездке по Волгским³ городам и в особенности мы с Вами говорили о Саратове, а главное, о саратовском губернаторе и его молодецких чрезвычайно смелых походах во время всероссийских 905 г. еврейских погромов, как он смело, даже бесстрашно один прекратил погром, как мы восхищались им, а главное его умом и смелостью. Следовательно мне припомнилось сегодня как мы с Вами решили его выкопать из провинциального города в Питер! Кто же автор ныне знаменитого русского Премьер-Министра, конечно два малюсеньких чинушка, один наподдал, а другой подхватил, прозвонил, рассказал кому надо, были нужные, умные и честные люди! Хорошо помню Ваш разговор с графом Витте про Столыпина. Как без колебания была послана телеграмма прибить Столыпину [в] Петербург, свидание его с графом Дурново⁴, а затем скоро и министром стали! Я этим, дорогой мой, хочу Вам сказать, как бывает судьба зависящая от неизвестных лиц, которые сделали человеку, чего он сам никогда о сем и не думал и [в] уме не держал. Ведь если бы рассказать, кто собственно нашел Столыпина, кому ни на есть, да разве кто может этому поверить, нет, а на самом деле мы с Вами сделали Столыпина министром, а А. А. Макарова⁵ товар[ищем] министра. Если бы не был Столыпин министром, то конечно, А. А. не был бы и товарищем министра, а скоро может Макаров будет и министром? Сердце мое полно восторга за Столыпина и Макарова, а главное я восторгаюсь Вашему и своему смелому в свое время шагу, как хватило духу об этом говорить, да еще и заинтересовать графа. Вот чему я рад до смерти, что мы с Вами спасли Россию. Будь другой министр, какой хочешь, все равно бы перетрусил и сдался бы давным давно.

Эх жаль, что нет покойного Федорова⁶, куда бы было лучше! Вот за границей-то прославляют Петра Аркадьевича, по-моему, он до Бисмарка⁷ доедет скоро. Как, дорогой мой, складываются обстоятельства! А тут просил за 10 лет пенсию ликвидировать, отказали? Вот, что значит замалчивать! Надо бы кричать во все горло. Эх скромность, скромность, где ты!

С мужиками у меня ничего не вышло, разошлись в цене, вот не знаю, что и

делать, строиться или все бросить, а жаль, ведь все туда убито. На днях поеду на хутор, а потом в 20-х числах марта приеду к Вам [в] Питер. Вот, что хотел, Вам написать и Вам это напомнить.

Это в жизни бывает только один раз, такие случаи не встречаются в истории. Крепко Вам жму руку. Крепко Вас целую.

Ваш весь *Е. Медников*.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 26. Л. 61—62. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Зырянов П. Н. Петр Столыпин — политический портрет. М., 1992. С. 29.

2. Зубатов Сергей Васильевич (1864—1917) — секретный сотрудник Московского охранного отделения с 1886 г., с 1896 г. начальник Московского охранного отделения, в 1902 г. был переведен в Петербург, где возглавил Особый отдел Департамента полиции. Один из организаторов политического сыска России. Однако не был понят своими коллегами, уволен со службы, выслан из столицы, в первые дни февральской революции застрелился.

3. Так в тексте.

4. Дурново Петр Николаевич (1844—1915) — министр внутренних дел (23.10.1905—22.04.1906).

5. Макаров Александр Александрович (1857—1919). С приходом Столыпина, как хорошо ему знакомый, был назначен в 1906 г. товарищем министра внутренних дел. С 20.09.1911 г. по 16.12.1912 г. министр внутренних дел.

6. Федоров — неустановленное лицо.

7. Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815—1898) — первый канцлер Германской империи (1871—1890).

*Публикация
кандидата исторических наук
Зинаиды ПЕРЕГУДОВОЙ*

«Для Пополнения Запасов Меди и Олова»

Годы первых пятилеток ознаменовались не только началом индустриализации промышленности и массовой коллективизацией сельского хозяйства, но и широким наступлением на церковь. К 1931 году в СССР была создана законодательная основа, направленная на максимальное ограничение роли и влияния церкви в общественной и духовной жизни народа. Особенно сильные притеснения выпали на долю православия. Достаточно вспомнить незаконное изъятие церковных ценностей, вскрытие святых мощей,

суды над священниками. Затем началось массовое закрытие, а то и уничтожение самих церковных храмов. В Российском архиве экономики в фонде Госплана СССР сохранились документы о попытке использовать церковные колокола для получения меди и олова. Скупая информация представленных документов свидетельствует о том, к чему приводила политика воинствующего материализма, когда духовные ценности превращались в металлолом. До недавнего времени публикуемые документы являлись секретными.

№ 1

Докладная записка в Комитет резервов при СТО* об использовании колокольной бронзы

КОМИТЕТУ РЕЗЕРВОВ при СТО.

Копия: Сектору Оборона Госплана СССР.

29.X.1933 г. № 3/7821 с

По вопросу: о переработке колокольной бронзы на медь и олово, для пополнения мобзапасов.

Учитывая незначительность мобзапасов по электролитной меди, особенно же по олову, а также незначительность добычи олова внутри страны, необходимо для пополнения мобзапасов по меди и олову переработать в 1934 году колокольную бронзу, путем разложения на медь и олово.

Госфонд колокольной бронзы является единственным источником для покрытия дефицита по олову по мобплану, как нами и построено обеспечение мобплана.

Метод разложения колокольной бронзы на медь и олово разработан Гинцветметом совместно с заводом им. Молотова Главцветметобработки.

По максимальному варианту завод им. Молотова может переработать до 34 тыс. тонн колокольной бронзы.

Ввиду того, что метод разложения колокольной бронзы проверен только в полузаводском масштабе, существенно необходимо освоить его в заводском масштабе переработкой значительных количеств металла. Вследствие чего считаем необходимым переработать в 1934 г. 5. 000 тонн колокольной бронзы.

Ввиду того, что нет производственных данных, как по выходам годного металла, так и стоимости передела, грубо ориентировочно предполагается, что пере-

* Совет Труда и Оборона.

работка 5000 тонн колокольной бронзы дает около 4000 тн. меди и 500 тн. олова. На переработку бронзы потребуется 975. 000 руб., из тех соображений, что передел тонны меди будет стоить 200 руб. и олова 250 руб. На непредвиденные расходы предусмотрено 50 тыс. рублей, сюда же включена консультация Гинцветмета.

На основании вышеизложенного просим Вас войти в Правительство с ходатайством об отпуске из Госфонда пяти тысяч тонн колокольной бронзы и денежных средств в сумме 975. 000 рублей на переработку металла.

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА ГВМУ*

/Крожевский/

Ст. инженер:

/Колпаков/

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1768. Л. 41. Подлинник.

№ 2

Ведомость наличия колокольного фонда

НАЛИЧИЕ КОЛОКОЛЬНОГО ФОНДА.

Районы	Количество колоколов в штуках	Общий вес в тоннах
Р.С.Ф.С.Р. — всего	368.788	33.763

В том числе по областям и краям:

1. Ленинград с приг. районами	888	726
2. Северно-Кавказский край	4.882	1.977
3. Иваново-Пром. область	8.819	6.450
4. Крымская АССР	142	19
5. Северный Край	5.575	1.957
6. Москва	687	558
7. АССР Немцев-Поволжье	478	122
8. Горьковский край	10.114	5.198
9. Башкирская АССР	907	300
10. Московская область	13.108	8.581
11. Ленинградская область	8.406	2.871
12. Западно-Сибирский край	4.845	984
13. Средне-Волжский край	3.149	1.204
14. Нижне-Волжский край	1.999	1.118
15. Бурято-Монгольск. АССР	168	29
16. Киргизская АССР	48	17
17. Татарская АССР	299	217
18. Уральская область	3.856	1.400
19. Карельская АССР	326	18
20. Казакская АССР	92	17
21. Западная область		
22. Ц.Ч.О.		
23. Восточно-Сибирский край		
24. Д.В.К.		

Сведений не представили.

Районы	Количество колоколов в шугах	Общий вес в гоннах
У.С.С.Р. — всего	14.514	3.368
В том числе по областям:		
1. Винницкая область	4.767	768
2. Киевская область	3.406	520
3. Днепропетровская область	975	291
4. Одесская область	1.387	319
5. Харьковская область	2.814	1.018
6. Донецкая область	961	376
7. А.М. ССР	204	77
Б.С.С.Р. — всего	2.008	2.942
В том числе по областям:		
1. Краснопольский район	49	10,8
2. Шкловский район	137	21,1
3. Лельчицкий	35	2,4
4. Брагинский	30	2,1
5. Доевский	50	8,0
6. Тереховский	147	29,4
7. Тодочинский	136	17,9
8. Старобинский	28	2,0
9. Климовский	30	4,7
10. Оршанский	77	12,6
11. Кормянский	58	8,5
12. Костюковический	110	12,4
13. Пропойский	47	7,0
14. Хойницкий	60	10,4
15. Любаньский	20	0,9
16. Туровский	27	5,3
17. Логайский	27	2,2
18. Чечерский	43	5,2
19. Городецкий	109	16,7
20. Городокский	41	5,1
21. Дзержинский	33	1,7
22. Уваровичский	41	5,4
23. Кличевский	58	1,4
24. Чашорицкий	60	22,4
25. Семенский	48	5,3
26. Кр. Слободский	32	6,7
27. Минский	72	13,6
28. Смолевичский	38	3,0
29. Ветковский	129	16,1
30. Жлобинский	86	17,9
31. Дриссенский	26	0,7
32. Бельничский	40	3,4
33. Бешенковичский	84	11,9
ВСЕГО по РСФСР, УССР и БССР:	385.310	37.425,0

Экономист С.О.

(Абанин)

Там же. Л. 38—39. Подлинник.

Источник 4/1994

*Снятие колокола с церкви
в Охотном ряду.
Москва, 1925 г.*

*Колокол, снятый с колокольни Кафедрального собора в Рязани
для отправки на медеплавильный завод.*

Источник 4/1994

Фотографии
из Российского
государственного
архива
кинофото документов

*Снятие церковных колоколов
и отправка их
на металлургические заводы.
Москва, 1925 г.*

Источник 4/1994

№ 3

Сводка государственного треста «Металлом» о заготовке колокольной бронзы в 1933 г. и плане заготовок на 1934 г.

ГОСПЛАН СССР

Сектор Оборона.

29.I.1934 г. № 32с

В соответствии с протоколом заседания от 21 Декабря 1933 года § 3, настоящим сообщается Вам заготовка колокольной бронзы по районам Треста «МЕТАЛЛОМ» за 1933 г. и план на 1934 год (в тоннах).

Районы		Исполнение 1933 года	План 1934 г.
1. Центральный Комбинат	(Москва)	2.110	1.900
2. Сев. Западный «	(Ленинград)	751	700
3. Юго-Западный «	(Харьков)	200	280
4. Южный «	(Днепропетр.)	256	206
5. Уральский «	(Свердловск)	657	750
6. Кавказский «	(Ростов-Дон)	445	600
7. Юго-Восточн. «	(Сталинград)	1.469	1.385
8. Волжский«	(Горький)	1.581	1.000
9. Сибирский «	(Новосибирск)	156	170
10. Д. Восточная К-ра	(Владивосток)	—	5
11. Ср. Азиатск. «	(Ташкент)	2	5
ВСЕГО по СССР		7.627	7.000

НАЧ. СПЕЦСЕКТОРА

/Песков/

РУКОВОДИТЕЛЬ ПЛАНОВОЙ ЧАСТИ

/Валк/

Там же. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 2158. Л. 2. Подлинник.

*Публикация
Виктора МУХИНА*

«Считаю Долгом Сигнализировать...»

Принцип партийности советского искусства в годы правления КПСС был одним из главных критериев оценки творчества и идейной зрелости художника. В этих

условиях понятие партийного долга нередко ставилось выше соображений нравственности. Свидетельством этому служат публикуемые ниже документы.

№1

Дорогой Никита Сергеевич!

За последние год-полтора в советском изобразительном искусстве тоже наметилась линия правого уклона.

Это линия на уход от больших, общественно значимых тем, на уход от отражения в искусстве задач, которые ставит перед народом наша партия, от тем рабочего класса, колхозного крестьянства и т.п.

Вопросами изобразительного искусства все время занимался и занимается заместитель министра культуры и личный друг быв. министра Александрова¹ — В. С. Кеменов², который под демагогическими лозунгами «свободы творческих индивидуальностей» и «разнообразия жанров» фактически увел часть наших художников от работы над значительными темами нашей жизни, нацеливая их на изображение всяких пустяков, удовлетворяющих мелочные и обывательско-мещанские вкусы.

Естественно, что на такой «призыв» откликнулись художники политически малограмотные или профессионально малоквалифицированные.

Художники-реалисты по этому неверному пути конечно не пошли.

Однако художники-реалисты не получали от министерства культуры поддержки в процессе творчества, поэтому в идейно-тематическом отношении нынешняя художественная выставка, против прошлых лет, явилась шагом назад.

На ней демонстрируются этюды, головки, бюстики, портреты близких и т.д. Значительных произведений там почти нет.

В печати («Комсом. правда», «Советск. культура», «Вечерн. Москва», журнал «Огонек» и др.) стали появляться статьи, прямо охаивающие тематические произведения и их создателей. Наоборот, произведения эстетские, явно формалистические, восхвалялись вместе с их авторами (кстати, политическое лицо некоторых из них до сих пор является сомнительным, напр. Эрзя³, Коненков⁴ и др.).

Тов. Кеменов конечно ни разу не опротестовал указанных выше статей, не опротестовал и травли художников-реалистов. Наоборот, он своей практической деятельностью сам встал на путь эстетства, на путь ущемления сторонников большого искусства соц. реализма.

Был совершен еще один в морально-этическом отношении неблаговидный поступок:

Г. Александров принял все меры к тому, чтобы его друг В. С. Кеменов попал в список лиц, баллотирующихся в действительные члены Академии художеств СССР. А сам Кеменов, находясь на посту зам. министра культуры, прекрасно понимая, что он фактически является «хозяином» академии, не нашел в себе партийного такта, чтобы снять свою кандидатуру с баллотировки, хотя ему отлично известно, что все, сделанное им по теории искусства, недостаточно для того, чтобы стать академиком.

Более того, среди художников усиленно бытуют слухи и разговоры о том, что Кеменов, Иогансон⁵ и ряд др. собирались на квартире художника Кончаловского⁶ (беспартийного и эстета) и там, до партгруппы академии, предопределяли выборы. В частности, Кеменов тоже был избран.

У меня, как у коммуниста и художника-реалиста, возникает большое сомнение, имеет ли В. С. Кеменов, при всем сказанном, основания оставаться далее руководителем советского изобразительного искусства.

Я считаю своим партийным долгом сигнализировать Вам о положении дел в искусстве и просить сделать свои выводы по существу поставленных здесь вопросов.

С глубоким уважением и партийным приветом
Скульптор

22.03.55 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 45. Л. 181—182 об. Рукопись.

Е. Вучетич⁷

На документе пометы: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС, а также министру культуры СССР т. Михайлову. Указание тов. Н. С. Хрущева 26.3.55 г. В. Лебедев» и «В архив. В. Чернуха 10.X.55».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александров Г. Ф. (1908—1961) — с марта 1954 по март 1955 г. министр культуры СССР.

2. Кеменов В. С. (1908—1988) — с апреля 1954 по декабрь 1955 г. заместитель министра культуры СССР.

3. Правильно Эрзя (Нефедов) С. Д. (1876—1959) — русский скульптор, в 1926—1950 гг. жил в Аргентине.

4. Коненков С. Т. (1874—1971) — русский скульптор, народный художник

СССР, в 1924—1945 гг. жил в США.

5. Иогансон Б. В. (1896—1973) — русский живописец, народный художник СССР, в 1953—1958 гг. вице-президент Академии художеств СССР.

6. Кончаловский П. П. (1876—1956) — русский художник, народный художник РСФСР.

7. Вучетич Е. В. (1908—1974) — русский скульптор, народный художник СССР.

№ 2

В ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Мы, группа деятелей социалистической культуры, серьезно обеспокоенные положением и дальнейшими судьбами советской литературы и искусства, считаем своим партийным долгом обратиться в ЦК КПСС со следующим заявлением.

Осуждение XX съездом КПСС культа И. В. Сталина и связанных с ним вредных последствий, нанесших огромный вред делу коммунизма, встречено всеми честными художниками с огромным удовлетворением и единодушным одобрением. Советские литераторы, художники, композиторы, актеры и другие деятели социалистической культуры справедливо видят в решениях XX съезда КПСС свою боевую программу служения народу, великому делу Ленина. Они отчетливо сознают, что быстрейшая ликвидация вредных последствий культа личности создает благоприятные условия для дальнейшего успешного развития советской литературы и искусств, для расцвета нашей социалистической культуры.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в результате того, что обсуждение решений XX съезда КПСС в творческих организациях было пушено на самотек, там подняли голову остатки разгромленных в свое время партией различных мелкобуржуазных, формалистических группировок и течений. Эти элементы выступают сейчас в тоге борцов за поправленную правду. Они пытаются здоровую дискуссию о путях ликвидации последствий культа личности на фронте культурного строительства превратить в демагогическую политическую демонстрацию против самих основ ленинской политики партии в области литературы и искусств. Именно

такой характер носили многие собрания писателей в Москве, Ленинграде, Киеве, художников в Москве и Ленинграде, творческая дискуссия московских художников «О традициях и новаторстве», обсуждение романа Дудинцева¹ «Не хлебом единым» и другие.

Эти элементы, используя беспринципность и недальновзорность руководителей отдельных печатных органов: «Новый мир» (редактор К. Симонов²), журнал «Театр» (редактор Н. Погодин³), журнал «Искусство» (редактор К. Ситник⁴), газета «Советская культура» (бывш. редактор Н. Данилов⁵) ведут со страниц этих изданий ничем неприкрытую атаку на линию партии в вопросах литературы и искусства, на основы нашего марксистско-ленинского воззрения, на социалистический реализм, на партийное и государственное руководство литературой и искусством.

Эти элементы берут под сомнение правильность известных решений партии по идеологическим вопросам, пытаются реабилитировать формализм, поднимают на щит различных его идеологов. В связи с этим нельзя не отметить той недостойной возни, которая ведется сейчас в ВТО, Союзе художников, на страницах «Литературной газеты» вокруг имени Всеволода Мейерхольда⁶.

Реваншистские элементы создают в творческих организациях обстановку идеологического террора, ведут разнузданную травлю литераторов и художников, которые поставили свое творчество на службу партии и народу. Эти демагогические элементы не брезгают ничем для того, чтобы оскандалить тех деятелей советской культуры, которые всегда самоотверженно боролись за линию партии, за социалистический реализм. Они объявляют таких художников прислужниками культа, обливают их творчество грязными помоями, науськивают на них молодежь.

Мы не можем не отметить того бесспорного и прискорбного факта, что эти элементы в литературе и искусстве, возглавляемые Ильей Эренбургом⁷ и Константином Симоновым, проявляют сейчас бешеную активность, организованность. В то же время как здоровые силы в литературе и искусстве, дезориентированные молчанием партийной печати, ошибочными действиями Министерства культуры СССР, которое организует выставки различных формалистов (выставки Эрзе⁸, Гончарова⁹, Пикассо¹⁰), всячески поощряет формалистов в театральном искусстве, их наскоки на Художественный и Малый театры, проявляют недопустимую пассивность. Мы не можем не отметить, что официальные представители ЦК КПСС, МК КПСС и других партийных органов, присутствовавшие на различных собраниях художественной интеллигенции, предпочитают отмалчиваться, не дают боя демагогическим наскокам на линию партии, чем поощряют и окрыляют реваншистские элементы.

Реваншистские и мелкобуржуазные элементы, активно орудуя сейчас в литературе и искусстве, всячески стремятся создать обстановку политической и творческой нервозности, отвлечь литераторов и художников от стоящих перед ними творческих задач, разобщить силы советской литературы и искусства. Особое наше беспокойство вызывает тот факт, что эти элементы в своей беспринципной борьбе пытаются использовать жизненную и политическую неопытность нашей молодежи.

Все вышеизложенное вызывает у нас большую тревогу и поэтому мы обращаемся в Президиум Центрального Комитета с просьбой принять необходимые меры, направленные к улучшению партийного руководства литературой и искусством. С этой целью мы просим Президиум ЦК КПСС рассмотреть наши следующие предложения:

1. Мы просим Президиум ЦК КПСС принять нас в самое ближайшее время для беседы в ЦК о положении в литературе и искусстве.

2. Нам представляется целесообразным, если бы Президиум ЦК рассмотрел безотлагательно меры, необходимые для дальнейшего укрепления партийного руководства творческими организациями. Мы, например, считали бы целесообразным направить в творческие организации как центральные, так и местные авторитетных партийных работников для работы в этих организациях в качестве организационных секретарей, а также секретарей партийных организаций. Следует также принять меры к решительному очищению аппарата центральных и местных творческих организаций от сомнительных, околослужебных элементов.

3. ЦК КПСС должен поручить отделу культуры ЦК и местным партийным органам взять под свой неослабевающий контроль ход подготовки к всесоюзным съездам творческих организаций с тем, чтобы не допустить проникновения на все-союзные съезды демагогических элементов.

4. На наш взгляд назрел вопрос о решительном укреплении руководящими кадрами литературно-художественных журналов. Мы просим ЦК КПСС послать туда проверенных партийных журналистов, которые обеспечили бы проведение выдержанной партийной линии этими изданиями.

5. Мы просим Президиум ЦК КПСС рассмотреть вопрос о возможности созыва партийного совещания при ЦК КПСС по назревшим проблемам литературы и искусства с тем, чтобы обсудить с партийных, марксистско-ленинских позиций стоящие перед литературой и искусством задачи, сплотить все здоровые силы литературы и искусства на борьбу за линию партии.

Деятели советской культуры всегда ощущали заботу партии о социалистической культуре, они всегда встречали у руководителей партии и Советского правительства необходимую помощь и поддержку. Ленинское руководство партии обеспечило нашей литературе и искусству создание великих ценностей, которые навсегда вошли в сокровищницу мировой культуры. Мы надеемся, что и сейчас партия поможет советским литераторам и художникам преодолеть недостатки в наших творческих организациях, активизировать их, повысить мобилизующую роль советской литературы и искусства в борьбе за построение коммунизма.

23.11.56 г.
Москва "

23.11.56 г.
Москва

Ф. Панферов
М. Царев
Ф. Гладков
В. Бакшеев
А. Герасимов
П. Соколов-Скала
Заир Азгур
А. Свешников

А. Новиков
П. Лебедев
Ваню Мурадели
Михаил Вершинин
М. Исаковский
Вера Пашенная
С. Бабаевский
К. Юон

Тарасова
М. Бубеннов
Е. Вучетич
Сергей Васильев
Сергей Смирнов
А. Лактионов
Т. Семушкин
Алексей Марков¹¹

АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 191. Л. 161—166. Подлинник.

На первой странице письма помета: «В архив 8.11.57. В. Чернуха». К письму приложена справка с указанием подписавших письмо и припиской: «По поручению товарищей передан Е. Вучетич. Тел. Д-0-36-23».

1. Дудинцев В. Д. (р. 1918) — писатель.
2. Симонов К. М. (1915—1979) — писатель, редактор журнала «Новый мир».
3. Погодин (Стукалов) Н. Ф. (1900—1962) — драматург, главный редактор журнала «Театр».
4. Ситник К. А. — главный редактор журнала «Искусство».
5. Данилов Н. Н. — до октября 1956 г. главный редактор «Советской культуры».
6. Мейерхольд В. Э. (1874—1940) — режиссер, репрессирован.
7. Эренбург И. Г. (1891—1967) — писатель.
8. Эрзя (Нефедов) С. Д. (1876—1959) — скульптор.
9. Гончаров А. Д. (1903—1979) — график.
10. Пикассо П. (1881—1973) — французский живописец.
11. Азгур З. И. (р. 1908) — скульптор, народный художник БССР.
- Бабаевский С. П. (р. 1909) — писатель.
- Бакшеев В. Н. (1862—1958) — живописец, народный художник СССР, академик АХ СССР.
- Бубеннов М. С. (1909—1983) — писатель.
- Васильев С. А. (1911—1975) — поэт.
- Вершинин М. М. — поэт.
- Вучетич Е. В. (1908—1974) — скульптор, народный художник РСФСР, академик АХ СССР.
- Герасимов А. М. (1881—1963) — живо-

писец, народный художник СССР, президент АХ СССР.

- Гладков Ф. В. (1883—1958) — писатель.
- Исаковский М. В. (1900—1973) — поэт.
- Лебедев П. И. — искусствовед, член-корреспондент АХ СССР.
- Лактионов А. И. (1910—1972) — живописец, член-корреспондент АХ СССР.
- Марков А. Я. (р. 1920) — поэт.
- Мурадели В. И. (1908—1970) — композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР.
- Новиков А. Г. (1896—1984) — композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР.
- Панферов Ф. И. (1896—1960) — писатель, главный редактор журнала «Октябрь».
- Пашенная В. Н. (1887—1962) — актриса, народная артистка СССР.
- Свешников А. В. (1890—1980) — хоровой дирижер, народный артист РСФСР, ректор Московской консерватории.
- Семущкин Т. З. (1900—1970) — писатель.
- Смирнов С. В. (р. 1913) — поэт.
- Соколов-Скаля П. П. (1899—1961) — живописец и график, народный художник РСФСР, академик АХ СССР.
- Тарасова А. К. (1898—1973) — актриса, народная артистка СССР.
- Царев М. И. (1903—1987) — актер, народный артист СССР.
- Юон К. Ф. (1875—1958) — живописец, народный художник СССР, академик АХ СССР.

«Колоссальный ЗОЛОТОЙ ШАР, поднятый могучими пилонами»

Среди многочисленных проектов и предложений, поступавших в разные годы в ЦК КПСС об «увековечении памяти В. И. Ленина» и создании величественных символов «грядущей победы коммунизма», безусловно, одним из наиболее примечательных был проект Дворца ленинизма в Москве. Из письма коллектива авторов этого проекта,

направленного в конце 1972 года в адрес секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, с обоснованием необходимости строительства Дворца ленинизма вырисовывалась грандиозная картина: рядом с Кремлем должно было вырасти фантастическое сооружение высотой почти в один километр. Правда, проект не получил одобрения.

Глубокоуважаемый Андрей Павлович!

В преддверии полувекового юбилея нашего государства у каждого советского человека рождается желание достойно отметить знаменательную дату.

В представлении всего человечества Москва давно стала не только столицей Страны Советов, но и столицей мирового коммунизма, колыбелью и хранилищем ленинских идей. Это ее новое историческое назначение все еще не нашло своего воплощения в архитектурно-пластических формах застройки города. Сооружение рядом с Кремлем здания, способного стать идейным и архитектурным центром столицы, стало насущной задачей нашего времени. Коллектив авторов, участвовавших в открытом конкурсе на проект эскиз-идеи Музея В. И. Ленина, хотел бы предложить Вашему вниманию эскиз-идею Дворца Ленинизма как художественно-пластическое выражение демократического, всенародного характера учения Ленина, всепобеждающей силы ленинских идей, образ, способный стать символом новой Москвы — столицы мирового коммунизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала право человеку на труд, и труд в советском государстве стал для каждого неотъемлемой и самой дорогой частью жизни. Гражданская война, годы военного коммунизма, первых пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны определили для нашего народа необходимость труда самоотверженного, героического. Подвиг в труде стал для советского человека явлением естественным и привычным.

Однако современная фаза развития научно-технической революции, как ее определяют решения XXIV съезда Партии, предполагает новое качество труда — ведущую роль в нем творческого начала. Этот принцип един и для рабочих, и для тружеников деревни, и для представителей интеллигенции, будь то инженерно-технические работники, ученые или деятели культуры.

В свое время строительство Комсомольска-на-Амуре, в позднейшие годы Братской ГЭС явились замечательными школами самоотверженности и трудового подвига, на примере которых учился и воспитывался весь народ. Сегодня сооружение в столице нашей родины величайшего в мире здания — памятника величайшему человеку нашей планеты, здания, в котором идейные, художественные, конструктивные, наконец, собственно строительные задачи представляют вершину творческих возможностей человека на современном этапе развития всего человечества, может явиться и выражением всенародного долга перед памятью Ильича и грандиозной школой воспитания творческого, подлинно коммунистического отношения к труду.

Достижения современной советской инженерной мысли и строительной техники позволяют соорудить конструкцию практически любой сложности и любой высоты. Каждая задача в строительстве Дворца Ленинизма будет, по существу, новой задачей, но уникальное ее разрешение для каждого рабочего на стройке или на предприятии-поставщике, для каждого конструктора, архитектора, инженера, художника или дизайнера будет осмыслена и согрета самым дорогим и заветным, что есть у каждого советского человека, — именем Ленина, задачей создания исключительного и действительно достойного ленинских идей памятника.

Такая стройка века может помочь сделать еще один яркий шаг к коммунизму, служа наглядной иллюстрацией ленинских слов: «Мы еще придем к коммунистическому труду».

Идея торжества бессмертного учения Ленина решается в образной архитектурно-пространственной композиции, раскрывающей всемирный характер его победы.

Ориентированный на Кремль и Красную площадь встает в перспективе Замоскворечья колоссальный золотой шар, поднятый пятью могучими знаменами-пилонами. Высота сооружения — 1.000 метров. Диаметр выполненного в стальной конструкции шара — 700 метров. Каждый пилон представляет собой самостоятельное здание общественного назначения, в два раза превосходящее по высоте самое высокое здание США.

Видимое из всех точек города, в любое время суток искрывается золотыми лучами, это сооружение является грандиозным, единственным в своем роде памятником-апофеозом учения В. И. Ленина, художественно-пластически воплощающим идею победы коммунизма во всем мире. Обращенный ко всем сторонам света, ко всем народам, Дворец Ленинизма выражает тем самым всенародный демократический характер ленинского учения и будет восприниматься как символ новой Москвы — столицы мирового коммунизма и может стать коммунистическим символом планеты Земля.

Гигантский золотой шар как бы парит над Москвой на высоте 200 метров на знаменах-пилонах. Каждый из пяти пилонов — по числу континентов нашей планеты — образуется из множества сливающихся воедино стягов освобожденных народов земли, символизирующих всемирную победу коммунизма.

В пяти пилонах имеется в виду разместить все находящиеся в Москве научно-исследовательские учреждения, связанные с разработкой истории, вопросов теории марксизма-ленинизма, современного международного рабочего и революционного движения, Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Академию общественных наук, Высшую Партийную Школу, Университет марксизма-ленинизма, учебные заведения сети партийного просвещения, фондовые библиотеки общественных наук и т. д. Все они получают идеально отвечающие условиям их работы помещения, которые не будут нуждаться в модернизации в ближайшие сто лет. Все эти учреждения вместе с Музеем В. И. Ленина составят единый научно-идеологический центр мирового коммунистического движения.

Здание Дворца Ленинизма сочетает глубокую идейность с высокой техничностью и целесообразностью.

Центральная его часть — шар — вмещает три гигантских взаимосвязанных помещения. Нижнюю половину шара занимает зал всенародных собраний на

100.000 мест. Свободно располагающиеся трибуны зала, как и вся его конструкция, обеспечивают идеальные условия для проведения разнообразных массово-политических мероприятий. Зал оснащен всеми самыми современными техническими вспомогательными средствами для этих целей — телевизионными установками, кино, стереофоническим звуком, новейшей системой радиофикации, циркорамой.

Оболочка шара, имеющая в сечении 20 метров, позволяет рационально разместить систему скоростных лифтов, монорельсовых дорог, экскурсионных подвижных тротуаров, благодаря которым участники собраний будут доставляться непосредственно на нужные трибуны. Здесь же находятся подсобные помещения, связанные с техническим обслуживанием центральной части дворца, фойе, буфеты, комнаты отдыха, обзорные площадки и т. д.

Над залом всенародных собраний, на его своеобразном по форме потолке, находится гигантская роспись, представляющая Ленина на фоне земного шара, в пламени революции и победной поступи коммунизма. Роспись как бы парит над тысячами людей. Ленин, коммунистическая партия Советского Союза как авангард коммунистических партий всего мира — такова идея росписи, которая должна вызывать у зрителей радостное торжественное чувство полной победы ленинизма на нашей планете.

Как сердце народа возникает в верхней части зала всенародных собраний зал съездов Партии. На его расположенных в виде серпа и молота трибунах могут разместиться 25.000 человек. Система безопасных монорельсовых дорог позволит делегатам быстро попадать на нужные трибуны.

Внутри оболочки зала съездов, имеющей в сечении 60 метров, спроектированы залы для пленарных заседаний, приемов, пресс-конференций, комнаты отдыха, кинозалы и т. д.

Как мозг Партии возникает в верхней части зала съездов хранилище реликвий и памяти вождя — Музей В. И. Ленина.

Скоростные лифты поднимают посетителей в I Ленинский зал. Отсюда движущаяся лестница-пандус последовательно доставляет их в следующие залы.

Ленинская экспозиция заканчивается траурным залом. Сквозь золотистое стекло потолка светится небо и под ним по всему периметру помещения разворачиваются грандиозные монументальные росписи — похороны Ленина народами России и застывшие в скорби народы всего земного шара. В центре зала — платиновый куб, на котором лежит партбилет Ленина.

Следующей идет группа помещений постоянной выставки, посвященной победам и свершениям ленинизма. Достижения советской науки, техники, сельского хозяйства, победное шествие пятилеток, подвиг народа в Великой Отечественной войне, завоевание космоса, воспитание нового человека — все доказывает и утверждает правоту и величие дела Ленина.

Планировка экспозиционных помещений исключает встречные потоки и обеспечивает непрерывно развивающийся зрительный ряд, активно включающий посетителей в процесс восприятия и глубокого переживания увиденного.

Предлагаемое архитектурное решение Музея В. И. Ленина создает идеальные условия для развертывания невиданной по размаху величественной экспозиции-эпопеи жизни Ленина и победного шествия коммунизма. Экспозиционное помещение занимает весь внутренний объем шара. В оболочке шара, имеющей сечение 12 метров, рационально рассредоточены все подсобные и административные помещения — фондохранилища, библиотеки, кинозалы, лектории, залы для научных заседаний, реставрационные мастерские и т. д. Круговое расположение обеспечивает наиболее удобную связь экспозиционных помещений с фондохранилищами и другими службами и вместе с тем дает возможность посетителям сразу попадать в нужный зал.

В экспозиции музея предполагается широкое использование всех новейших технических средств воздействия на зрителя — телевидение, кино, стереофони-

ческий звук, показ видеозаписей, широкая радификация, цвет, свет. В экспозиции активная роль отводится монументальной живописи.

Музей рассчитан на обслуживание 100.000 посетителей в день.

Пилоны представляют собой здания высотой более 800 метров, состоящие из отдельных многоэтажных зданий, расположенных вдоль опорных конструкций центральной части Дворца — шара. Несмотря на изолированность друг от друга, пилоны имеют хорошую взаимосвязь через центральную часть Дворца, осуществляемую посредством многочисленных лифтов и монорельсовых дорог, и являют собой единое архитектурное целое.

Здания выполняются в стальной конструкции и стекле. Планировка отдельных их частей зависит от конкретного назначения и комбинируется из типовых конструкций. Во всех помещениях предусматривается полный комфорт для работы современных научно-исследовательских учреждений.

На вершинах пилонов располагаются вертолетные площадки.

В подземной части Дворца Ленинизма находятся помещения технического обслуживания здания и пульты автоматического управления его хозяйством. Там же располагается гараж на 50.000 автомашин и путепроводы от кольцевой дороги, окружающей Дворец.

В непосредственной близости от пилонов проектируется кольцевая автострада, которая разгрузит от транспорта территорию под Дворцом и создаст хороший обзор здания.

Территория, ограниченная кольцевой автострадой, планируется как Парк Памяти Ленина. Здесь имеется в виду разместить многочисленные произведения монументального искусства, посвященные Ленину и революции. В сохраняющихся памятниках архитектуры могут быть развернуты экспозиции, посвященные историко-революционному прошлому нашей страны. Проектируется размещение целиком перенесенных из других городов историко-революционных памятников — зданий, где жил и бывал Ленин, происходили партийные конференции, памятные собрания и т. д. В результате общее архитектурное решение Дворца Ленинизма, как и всей прилегающей к нему территории, позволит образно раскрыть величие ленинских идей.

Корреспондируя с Кремлем, но ни в чем не подавляя его благодаря достаточной удаленности и самому положению в низине Замоскворечья, Дворец Ленинизма явится наглядным утверждением живой связи исторического центра нашей страны с великим настоящим и будущим Москвы — столицы мирового коммунизма.

Размещение на магистральной оси улица Горького — Красная площадь — Большая Ордынка с последующим выходом на Ленинский проспект органически включает Дворец в ансамбль города. Предлагаемое место постройки обеспечивает Дворцу Ленинизма обособленное пространство в пределах Садового кольца — Москвы-реки, решая одновременно архитектурно-планировочную проблему Замоскворечья.

Строительство Дворца связано с минимальным сносом зданий — только в пределах площади пилонов. Строительство же пилонов, как и шара, будет вестись посредством монтируемых на земле и доставляемых вертолетами конструкций. Подземный гараж предполагается строить по типу метрополитена.

Проектирование Дворца Ленинизма с полной разработкой его внутреннего решения и оформления интерьеров, как и практическое его строительство, авторский коллектив архитекторов, художников, скульпторов, дизайнеров считает возможным осуществить за 4—5 лет.

Авторский коллектив исходит из того, что участие специалистов в строительстве Дворца Ленинизма не должно отмечаться никакими специальными материальными благами. Сам факт участия в строительстве послужит высшей наградой для каждого советского человека.

Создание подобного памятника В. И. Ленину — наглядный пример превос-

ходства социалистической системы в ее соревновании с капитализмом. Свойственный государству Ленина дух неостывающего подвига и дерзаний найдет свое новое воплощение в самом новаторском инженерном, конструкторском и художественном решении — стройке века.

архитекторы: *Гриценко В. П., Гольшико Р. Ф., Панкин А. Ф., Осипова О., Крамаренко Г. С.*

искусствовед *Молева Н. М.*

художники: *Белютин Э. М., Преображенская В. И., Тер-Гевондян Т. Р., Шмелева И. Н., Филиппова М. В., Матвеева Н. С., Левянт Н. З., Мартынова В. П., Миронов Б. В., Ельшевский Н. Н., Шестаков А. И., Мязина Т. А., Радкевич Е. А., Пискарева Т. М., Гершман В. И., Немчинова О. В., Некрасова С. Р., Ларищев Г. И., Строчилин А. В., Зубарев В. К., Крюков А. Г.*

Планшеты проекта находятся в Дирекции Центрального Музея В. И. Ленина.
12 декабря 1972 года

На документе имеется помета: «Тов. Кириленко А. П. ознакомился. В архив. 19. 09. 1973 г.».
ЦХСД. Ф. 5. Оп. 64. Д. 15. Л. 124-133.

*Публикация
кандидата исторических наук
Михаила ПРОЗУМЕНЩИКОВА*

«Пока у руководства Слунтяй Дубчек, ПОРЯДКА НЕ БУДЕТ»

Герой одной из песен В. Высоцкого, легкоатлет-стайер, жалуясь на то, что его постоянно обгоняет соперник, обиженно повторяет: «А еще говорили: Сэм Брук — наш кенийский друг!» Все мы помним, что в соревнованиях недавнего времени неизменно присутствовал высмеянный поэтом идеологический подтекст: если советским спортсменам противостояли спортсмены из социалистических стран, то это были обязательно «встречи друзей», даже если они далеко не всегда проходили в дружеской обстановке. Но, пожалуй, самым ярким примером полного несовпадения идеологических установок с реальным положением дел стали встречи советских и чехословацких хоккеистов. Матчи между двумя самыми сильными (в отсутствие на чемпионатах мира канадских профессионалов) сборными командами СССР и ЧССР привлекали в 60—70-е годы внимание болельщиков еще и потому, что они все больше приобретали политический характер. Особенно заметно это

стало проявляться во второй половине 60-х годов, когда любой успех сборной ЧССР в матчах с советской командой рассматривался в Чехословакии как национальный подвиг. Со своей стороны, в ЦК КПСС также очень внимательно следили за тем, что происходит на ледовых аренах: информация о поединках чехословацких и советских хоккеистов и реакция на них в ЧССР были объектом изучения высших должностных лиц в Советском Союзе. При этом, несмотря на неоднократные призывы представителей посольства СССР в Праге и советских спортивных руководителей о максимально возможном сокращении контактов между двумя странами в отдельных видах спорта (прежде всего по хоккею), советское партийное руководство, наоборот, требовало проведения различных «товарищеских» матчей, которые бы свидетельствовали о дружбе народов двух стран. «Большой хоккей» и «большая политика» все теснее переплетались друг с другом.

№ 1

Секретно

ЦК КПСС*

тов. БЛАТОВУ А. И.²

28 марта с. г. сразу же после окончания хоккейного матча между командами СССР и ЧССР³ по всем крупным городам Чехословакии, где имеются советские войска, начались массовые факельные шествия и демонстрации молодежи. Сбор демонстрантов начинался организованно и быстро, по заранее разработанному плану.

В г. Усти-на-Лабэ (65 км северо-западнее Прага) толпа до 2.000 человек окружила управление военного коменданта гарнизона, перевернула и сожгла находившиеся на площади легковую и грузовую автомашины, три мотоцикла, разбила все стекла в окнах, выломала все двери и оборвала провода связи. В бесчинствах принимали участие военнослужащие ЧНА.

* Имеется помета: «Тов. Колесникову С. И.¹ А. Блатов. 30.III».

В г. Млада-Болеслав (40 км северо-восточнее Прага) толпа хулиганов, численностью до 1.000 человек, среди которых было 40—50 военнослужащих ЧНА, в течение трех часов осаждала ворота военного городка 275 мсп 18 мсд. Хулиганы бросали в ворота и по окнам казарм камни. В результате были легко ранены в голову два советских военнослужащих и выбито более 200 оконных стекол. Эти действия сопровождалась угрозами в адрес советских военнослужащих и выкриками: «Оккупанты», «Захватчики», «Фашисты». Хулиганы бросали взрывпакеты, пускали ракеты и сделали несколько очередей из автоматов. Перед КПП 275 мсп 18 мсд был вывешен черный флаг. У ворот КПП этого полка одним из хулиганов был нанесен удар ножом помощнику дежурного по КПП младшему сержанту Ефремову. Нож застрял в складках шинели, не ранив Ефремова.

В г. Теплице (70 км северо-западнее Прага) толпой бесчинствующих хулиганов была окружена советская военная комендатура и выбиты почти все оконные стекла.

В г. Трутнов (110 км северо-восточнее Прага) свыше 3.000 человек окружили военный городок 914 ап, пытались проникнуть в казармы, скандировали оскорбительные выкрики и бросали взрывпакеты.

В г. Оломоуц (60 км северо-восточнее Брно) у здания штаба 28 ак и военного госпиталя собралось более 2.500 человек с антисоветскими лозунгами: «Русские уходите домой», «Оккупанты» и др. Поврежден автомобиль, разбиты стекла в десяти окнах. Демонстрацию возглавляли военнослужащие ЧНА.

В г. Градец-Кралове (90 км восточнее Прага) на улицы вышло до 20.000 демонстрантов. Толпа собралась у памятника танка советским воинам, надругалась над ним и пыталась сжечь. Перед советской комендатурой скандировали антисоветские лозунги.

В г. Острава (130 км северо-восточнее Прага) в антисоветской демонстрации приняло участие около 10.000 человек. Демонстранты перевернули автомашину у советского госпиталя, разбили стекла и фары, порезали резину.

В г. Гавличкув-Брод (90 км юго-восточнее Прага) до 5.000 человек, собравшихся перед зданием военной комендатуры, выкрикивали антисоветские лозунги и били стекла в окнах.

Во время хоккейного матча командующий и член военного совета ЦГВ находились с советской военной делегацией ПрикВО во главе с генералом Бисяриным в 104 мсп 19 мсд ЧНА в г. Тахов, где их принимал командующий Западным ВО ЧНА генерал Шадек. Находясь на ужине, они слышали, как весь личный состав полка после каждой забитой шайбы исполнял гимн ЧССР. По выезде из городка после окончания матча было отмечено, что все окна казарм были раскрыты, раздавались выкрики, свист, пускались ракеты, рвались взрывпакеты. Под машину командующего ЦГВ был брошен взрывпакет.

На вопрос, как Вы оцениваете положение в стране, Шадек с раздражением ответил: «В стране творится бардак и пока у руководства находится этот слюнтяй Дубчек, никакого порядка не будет».

По имеющимся данным, антисоветские демонстрации и манифестации продолжались и 29 марта с. г.

П. ИВАШУТИН

30 марта 1969 года

Исх. № 150921

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 61. Д. 359. Л. 246 - 248.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колесников С. И. — заведующий сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС.

2. Блатов А. И. — заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям

с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

3. 28 марта 1969 г. советская сборная на чемпионате мира и Европы проиграла и

второй матч команде ЧССР со счетом 3:4 (в первом круге турнира было поражение 0:2). Матч проходил в крайне нервной обстановке и имел явный политический подтекст в связи с вводом войск пяти государств на территорию Чехословакии летом 1968 г. В этих условиях, по свидетельству специалистов, «выдержка и корректность наших ребят были достойны самой высокой оценки» («Известия». 1969. 29 марта), хотя им и пришлось весь матч быть в роли догоняющих (шайбы у сборной СССР забросили А. Фирсов,

В. Харламов, А. Рагулин). Несмотря на то что эта победа открывала сборной ЧССР путь к золотым медалям, она все же получила только бронзу. В последний день шведы выиграли у чехословацкой команды 1:0 (блестяще сыграл знаменитый шведский голкипер Холмквист), а наша команда победила канадцев (4:1) — в результате у трех сборных стало по 16 очков, и в соответствии с действовавшими тогда правилами они заняли места, исходя из лучшей разницы забитых и пропущенных шайб: 1. СССР. 2. Швеция. 3. ЧССР.

№ 2

Секретно.

5 июня 1978 года
№ 212
Посольство СССР
в Чехословакии

Экз. № 2

Об итогах пражского чемпионата мира и Европы по хоккею (информация)

С 26 апреля по 14 мая с. г. в Праге проходил хоккейный чемпионат мира и Европы, ставший крупным спортивным и общественно-политическим событием в жизни ЧССР. В нем приняли участие команды СССР, ЧССР, Швеции, Канады, Финляндии, США, ФРГ и ГДР.

Время проведения пражского чемпионата совпало с политически важным периодом юбилейного 1978 года, когда чехословацкая общественность отмечала успешное завершение совместного космического полета, Первомайские праздники и 33-ю годовщину освобождения страны от фашизма Советской Армией.

Известно, что встречи советских и чехословацких спортсменов являются своего рода барометром политических настроений определенной части населения страны, особенно пражан, и что стадионы и спортивные площадки в Чехословакии не раз становились открытой трибуной для выражения националистических и антисоветских настроений. Прежде всего это относится к встречам хоккеистов.

Развернутая задолго до начала чемпионата кампания западной пропаганды имела своей целью подогревать страсти вокруг матчей советских и чехословацких хоккеистов и выдать возможные инциденты как «проявление пассивного сопротивления чехословацкого населения против оккупации».

Как уже информировало посольство, эти обстоятельства учитывались чехословацкими товарищами при подготовке чемпионата и его организационно-пропагандистском обеспечении. Была создана специальная комиссия ЦК КПЧ во главе с членом Президиума ЦК КПЧ, первым секретарем Пражского горкома партии А. Капеком; вопрос о подготовке чемпионата рассматривался также на секретариате ЦК, были приняты специальные меры по линии МВД, более организованно, чем в прошлые годы, распространялись билеты на отдельные матчи. Проводилась воспитательная работа с чехословацкими спортсменами и зрителями.

25 апреля в посольстве СССР состоялась дружеская встреча, на которой присутствовали ответственные работники ЦК КПЧ, руководители Чехословацкого союза физкультуры, тренеры, советские и чехословацкие хоккеисты; 1 мая советские спортсмены приняли участие в манифестации чехословацких трудящихся, 9 мая — в возложении венков к мемориальному комплексу на горе Витков и на Ольшанском кладбище, где похоронены советские воины, погибшие при освобождении Праги. Над нашей командой взял шефство коллектив одного из крупнейших пражских заводов «ЧКД-Прага». Наши спортсмены были в гостях у рабочих завода, несколько раз выезжали с экскурсиями за пределы Праги.

Благодаря проделанной друзьями большой организационной и идейно-воспитательной работе, чемпионат прошел в целом на хорошем уровне. Важный вклад в это внесла советская команда, которая извлекла уроки из первой встречи с командой ЧССР и проявила свои высокие спортивные и морально-волевые качества, особенно в заключительной части чемпионата. Большую поддержку оказывали нашей команде советские туристы, присутствовавшие на ее играх.

Следует, однако, отметить, что еще в период подготовки, а также в ходе чемпионата со стороны некоторых работников Чехословацкого союза физкультуры и средств массовой информации имели место попытки использовать его для разжигания нездоровых страстей. В частности, было выпущено несколько спортивных плакатов двусмысленного содержания с целью подвести сознание чехословацкого болельщика к мысли о том, что в Праге советскую команду ждет поражение. По рекомендации посольства эти плакаты были изъяты, а по указанию Чешского управления по печати (ЧУТИ) был изъят из продажи журнал «Вояк» («Солдат»), в котором была помещена фотография чехословацкой команды 1969 года*.

Несмотря на меры, принятые по линии партийных и государственных органов, в ходе чемпионата, и прежде всего заключительной части, проявился ряд негативных моментов. Все игры советской команды сопровождались явно недружественным отношением к ней подавляющего большинства чехословацкой публики. Это особенно было видно во время встреч советских и чехословацких хоккеистов, когда отдельные подстрекатели пытались создавать во Дворце спорта напряженную антисоветскую атмосферу (оскорбительные выкрики «русаки», призывы «бейте их» и т. д.). По наблюдениям посольства, эти настроения проявлялись даже среди школьников, присутствовавших на играх нашей команды. Во время отдельных матчей советской команды работники безопасности удаляли с трибун до 200 наиболее распоясавшихся болельщиков.

Чехословацкая публика, особенно молодежь, открыто проявляла свои симпатии к командам США, Канады, ФРГ не только в их матчах с командой СССР, но и в матчах, не имевших принципиального значения для турнирного положения команды ЧССР, что является еще одним подтверждением наличия прозападных настроений среди чехословацкой молодежи.

Особенно заметно проявились антисоветские настроения среди чехословацкой публики во время последней игры сборных СССР и ЧССР, а также после нее. Следует также отметить неспортивное поведение некоторых игроков сборной ЧССР, пытавшихся в обоих матчах с командой СССР провоцировать наших игроков, оскорблять их и своим поведением на льду обострить антипатии публики к нашей команде. В этих трудных условиях советские хоккеисты проявили выдержку, бойцовские качества и дисциплину, что и предопределило их заслуженную победу, которую они буквально вырвали у противника.

В последнем матче чехословацкая общественность рассчитывала на победу сборной ЧССР, имевшей лучшее турнирное положение. Кроме того, победа команды ЧССР на пражском чемпионате мира стала бы третьей победой подряд и была бы символичной, поскольку во время чемпионата чехословацкому хоккею исполнилось 70 лет.

Публика явно не ожидала победы сборной СССР и встретила ее весьма неодобрительно. Многие ответственные партийные и государственные работники после этого матча открыто избегали бесед с работниками посольства об итогах чемпионата, некоторые из них демонстративно воздерживались от поздравлений.

Провозглашение нашей команды чемпионом мира и Европы было встречено холодно, даже на правительственной трибуне, где присутствовал Л. Штроугал. Значительная часть зрителей во время торжественного церемониала вручения наград освистывала нашу команду и восторженно приветствовала команду Канады, занявшую третье место. После окончания матча с автобуса советской команды на глазах работников милиции был сорван флаг СССР.

* В 1969 году, как известно, после победы чехословацких хоккеистов над советской сборной в Праге проходили крупные антисоветские демонстрации, сопровождавшиеся хулиганскими действиями: разгромом помещения представительства «Аэрофлот» и др. — *Прим. документа.*

На торжественном вечере во Дворце съездов, где присутствовали команды-участницы и вручались награды, советской команде как чемпиону мира не было уделено соответствующего внимания, и она находилась несколько в обособленном положении. Только Гимл и Прохазка официально поздравили команду СССР с победой. Вся церемония вручения золотых медалей и призов отдельным нашим игрокам проходила на английском и немецком языках без перевода на русский язык. Никто из тренеров и игроков чехословацкой команды, в отличие от канадцев, шведов, финнов и др., не подошел к нашей команде и не поздравил ее с победой.

Средства массовой информации ЧССР в основном объективно освещали ход чемпионата, однако, что касается победы команды СССР, то прослеживаются отдельные попытки приуменьшить ее значение и даже поставить ее под сомнение. В печати, в выступлениях чехословацких тренеров и руководителей федерации хоккея ЧССР (Гут, Андришт и др.) делался акцент на низкое качество судейства на чемпионате и, в частности, в последнем матче. Так, например, газета «Праце» 15 мая опубликовала слова капитана команды ЧССР И. Глинки, заявившего, что «мы забили голы, которые не были засчитаны судьями». При этом он сослался на две острые ситуации у ворот сборной СССР в заключительном матче. «Руде право» от 16 мая с. г. в своем отчете об итогах чемпионата уделила советской команде гораздо меньше внимания, чем канадцам, шведам и финнам.

Посольство считает, что победа нашей команды на пражском чемпионате имеет большое политическое значение, поскольку она предотвратила возможные более открытые и острые проявления национализма и антисоветизма. По наблюдениям посольства, после завершения чемпионата обстановка в Праге и в других городах страны была спокойная.

15 мая с. г. в посольстве СССР в ЧССР состоялась дружеская встреча работников посольства с нашей командой, где совпосол тепло поздравил советских хоккеистов с заслуженной победой.

Итоги пражского чемпионата с точки зрения реакции болельщиков на выступления советской команды, отношения к ней чехословацких спортсменов, части работников союза физкультуры и средств массовой информации свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторые положительные сдвиги, друзьям предстоит еще немало сделать в плане организационной и идейно-воспитательной работы при проведении в будущем подобных соревнований в Праге, чтобы атмосфера на них носила спортивный характер и отвечала уровню развития советско-чехословацких отношений. По нашему мнению, это следует иметь в виду при направлении в ЧССР спортсменов СССР, добиваясь того, чтобы их спортивные и морально-волевые качества позволяли им в нелегких условиях достойно представлять советский спорт. Кроме того, необходимо более тщательно подходить к выбору времени проведения спортивных соревнований в ЧССР, чтобы они не совпадали с политически важными мероприятиями в стране.

Второй секретарь
Посольства СССР в ЧССР

В. Филиппов

Третий секретарь
Посольства СССР в ЧССР

Е. Медведев

Атташе
Посольства СССР в ЧССР

А. Удальцов

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 310. Л. 23—27.

Публикация
кандидата исторических наук
Михаила ПРОЗУМЕНЩИКОВА

От Никиты Сергеевича лично...

14 ноября 1955 г.

Товарищам
СУСЛОВУ М. А.
АРИСТОВУ А. Б.
БЕЛЯЕВУ Н. И.
ПОСПЕЛОВУ П. Н.

Я хочу передать вам те указания, которые получены были от Президиума или от Никиты Сергеевича лично по вопросам, включенным в повестку дня Секретариата¹, для того, чтобы эти указания были учтены при решении указанных вопросов...

3. Об учреждении премий имени В. И. Ленина за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства.

В Президиуме был обмен мнениями, что существующее положение, когда у нас имеется два типа Сталинских премий (премии международные и внутренние) и нет премий имени В. И. Ленина, является неправильным. Признано было целесообразным подготовить вопрос об учреждении премий имени Ленина за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства.

В этой связи надо на заседании поручить т.т. Кириллину², Поликарпову³, Несмеянову⁴, Топчиеву⁵, Кафтанову⁶, Хренникову⁷ разработать вопрос о введении Ленинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства. Конкретно надо подготовить:

1. Проект постановления ЦК по этому вопросу.
 2. Положение о Ленинских премиях.
 3. Состав Комитета по присуждению Ленинских премий.
 4. Сообщение в печати об учреждении Ленинских премий и о порядке рассмотрения вопроса о присуждении Ленинских премий в 1956 году.
 5. Заказать художникам знак лауреата Ленинской премии.
- Вопрос этот затягивать не следует. Надо разработать его в течение двух недель. Признано было целесообразным, чтобы в апреле 1956 года, то есть в день рождения Ленина, уже состоялось первое присуждение Ленинских премий⁸.
- Что касается Сталинских премий, то в силе останется существующее положение о присуждении Сталинских премий в декабре каждого года лучшим борцам за мир...

7. Об отвлечении студентов высших учебных заведений, учащихся школ и инженерно-технических работников на сельскохозяйственные работы.

По этому вопросу надо поручить т.т. Громову⁹, Чураеву¹⁰, Дорошенко¹¹ и Мыларшикову¹² подготовить развернутое постановление Секретариата, категорически запрещающее впредь отвлечение студентов и школьников на сельскохозяйственные работы, в том числе на работы по уборке картофеля и технических культур. Но предварительно надо поговорить по этому вопросу с руководителями среднеазиатских республик с тем, чтобы по привлечению учащихся на уборку хлопка записать такие формулировки, которые учитывали бы своеобразие положения с этим делом в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане...

Дополнительно надо поставить на Секретариате вопрос о Гимне Советского Союза¹³. Товарищи Аристов и Поспелов слышали по этому поводу обмен мнениями на Президиуме. Кроме того, дополнительно во время демонстрации обменивались мнениями по этому вопросу. Мне кажется, было бы правильно на Секретариате, указав, что Гимн Советского Союза никто не поет, так как трудны слова и еще более трудна музыка, поручить комиссии в составе т.т. Поликарпова, Суркова¹⁴, Хренникова и еще тех, кого это будет признано целесообразным, разработать вопрос о порядке подготовки нового Гимна Советского Союза.

Тут возможно объявление закрытого конкурса на слова и музыку (открытый конкурс объявлять неудобно, так как это сразу опорочит существующий Гимн) или деловая работа Союза советских писателей и Союза композиторов без официального объявления конкурса. При всех вариантах надо учесть возможность отбора музыки из существующего музыкального фонда страны. Так, например, указывалось, что огромной популярностью в народе пользуется песня «Широка страна моя родная». Здесь доходчивый и простой мотив. Надо подумать и о возможности использования или приспособления для Гимна Советского Союза существующих музыкальных произведений наших композиторов.

Вот те замечания и указания, которые я считал необходимым вам передать.

Д. Шепилов¹⁵

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 89. Л. 42—49. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Замечания были даны к заседанию Секретариата ЦК КПСС, состоявшемуся 19 ноября 1955 г. (протокол № 93). На заседании рассматривались вопросы подготовки XX съезда КПСС, частичных изменений Устава КПСС, Всемирного фестиваля молодежи и студентов и т.д.

2. Кириллин В. А. (р. 1913), советский ученый, академик. В 1943—1953 гг. работал в Московском энергетическом институте, главный редактор журнала «Теплоэнергетика». С марта 1954 г. заместитель министра высшего образования СССР, заместитель председателя Высшей аттестационной комиссии. С октября 1955 г. зав. отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС. С декабря 1962 г. заведующий подотделом науки и учебных заведений и заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС. В 1963—1965 г. вице-президент АН СССР. В 1965—1980 гг. зам. председателя СМ СССР, председатель Госкомитета СССР по науке и технике.

3. Поликарпов Д. А. (1905—1965), член КПСС с 1924 г. В 1939—1944 гг. работал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзном комитете по радиовещанию при СНК СССР, в 1950—1954 гг. зам. директора, директор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. В 1954 г. секретарь Московского городского комитета КПСС. С 1955 г. заведующий отделом культуры ЦК КПСС. В 1962—1965 гг. заведующий подотделом ли-

тературы и искусства и заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС. В 1944—1946 гг. и 1955 г. секретарь правления Союза писателей СССР. С 1955 г. депутат ВС СССР. С 1961 г. кандидат в члены ЦК КПСС.

4. Несмеянов А. Н. (1899—1980), советский химик-органик, академик, член КПСС с 1944 г. С 1943 г. директор Института органической химии АН СССР. С июля 1946 г. вице-президент Международного союза химии. С января 1947 г. председатель Комитета по Сталинской премии в области науки и изобретательства. С декабря 1947 г. ректор МГУ им. Ломоносова. Академик-секретарь отделения химических наук АН СССР. С мая 1951 г. по 1961 г. президент АН СССР. Одновременно с марта 1954 г. директор Института элементоорганических соединений АН СССР. Председатель Комитета, а с ноября 1961 г. член Президиума Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при СМ СССР. С сентября 1963 г. академик-секретарь Отделения общей и технической химии АН СССР, член Президиума АН СССР. Лауреат Государственной и Ленинской премий.

5. Топчиев А. В. (1907—1962), советский химик, академик, член КПСС с 1932 г. С июня 1943 г. директор Московского нефтяного института им. Губкина. С июня 1947 г. заместитель министра высшего образования СССР по кадрам. Зам. председателя ВАК при Министерстве высшего обра-

зования СССР. С февраля 1949 г. главный ученый секретарь Ученого секретариата Президиума АН СССР. С 1958 г. вице-президент АН СССР. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

6. Кафтанов С. В. (1905—1978), член партии с 1926 г. С 1937 г. в аппарате ЦК КПСС. С августа 1938 г. работал во Всесоюзном комитете по делам высшей школы при СНК СССР. Его председатель. С 1946 г. министр высшего образования СССР. С января 1947 г. по январь 1953 г. зам. председателя Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства. Председатель ВАК при Министерстве высшего образования СССР. С апреля 1954 г. по май 1959 г. первый заместитель министра культуры СССР. С мая 1959 г. по январь 1962 г. председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР. С 1962 г. ректор Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева. Профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1939—1952 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б).

7. Хренников Т. Н. (р. 1913), советский композитор и общественный деятель, народный артист СССР. Член КПСС с 1947 г. С 1948 г. генеральный, а с мая 1958 г. первый секретарь правления Союза советских композиторов СССР. Профессор Московской консерватории. Член Центральной ревизионной комиссии с 1961 г. С 1976 г. кандидат в члены ЦК КПСС. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

8. Ленинские премии — одна из высших форм поощрения в СССР за выдающиеся достижения в области науки, техники, литературы, искусства, архитектуры. Учреждены в 1925 г. как премии им. В. И. Ленина. В 1935—1957 гг. не присуждались. Вопрос о Ленинских премиях обсуждался в ноябре 1955 г. — марте 1956 г. на заседаниях Секретариата ЦК КПСС. 3 марта 1956 г. были утверждены документы о Ленинских премиях. Возобновлено присуждение в 1957 г. один раз в два года ко дню рождения В. И. Ленина.

9. Громов Е. И. (р. 1909), член партии с 1932 г. В 1940 г. секретарь Титовского райкома Новосибирского обкома ВКП(б). С ноября 1948 г. заместитель, а с апреля 1953 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ВКП(б). С августа 1954 г. до мая 1958 г. зав. отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Посол в ВНР. С декабря 1960 г. до августа 1970 г. работал в МИД СССР. В августе 1970 г. ушел на пенсию.

10. Чураев В. М. (р. 1904), член КПСС с 1929 г. В 1939—1944 гг. первый секретарь райкома, второй секретарь Харьковского гор-

кома КП(б) Украины. В 1944—1950 гг. первый секретарь Харьковского обкома и горкома КП(б) У. В 1951—1952 гг. инспектор ЦК КПСС. В 1952—1954 гг. зав. подотделом, зам. зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС. В 1954 г. первый заместитель, а с февраля 1955 г. заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. В 1959—1961 гг. зав. отделом парторганов ЦК КПСС по союзным республикам. В 1962—1963 гг. первый заместитель председателя Комитета партгосконтроля Бюро ЦК КПСС по РСФСР при СМ РСФСР. В 1965—1966 гг. первый зам. председателя КНК РСФСР, а в 1967—1981 гг. заместитель председателя Комитета народного контроля СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1956—1959 гг., член ЦК КПСС в 1966—1971 гг. С 1981 г. на пенсии.

11. Дорошенко П. Е. (р. 1907), член КПСС с 1939 г. С 1940 г. начальник Кировоградского областного земельного отдела, заведующий сельскохозяйственным отделом Кировоградского обкома КП(б) У. С марта 1950 г. заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б) У. С мая 1945 г. первый секретарь Винницкого обкома КПУ, с августа 1955 г. по август 1959 г. зав. сельхозотделом ЦК КПСС по союзным республикам. С августа 1959 г. до мая 1963 г. первый секретарь промышленного обкома КПУ. С декабря 1964 г. первый секретарь Кировоградского обкома КПУ. С апреля 1965 г. по январь 1971 г. министр сельского хозяйства УССР. С января 1971 г. на пенсии.

12. Мыларщиков В. П. (р. 1911), член КПСС с 1931 г. В 1941 г. секретарь Волоколамского райкома ВКП(б) по кадрам. С марта 1942 г. по февраль 1948 г. первый секретарь Волоколамского райкома Московского обкома ВКП(б). С августа 1948 г. заведующий сельскохозяйственным отделом Московского обкома ВКП(б), с ноября 1951 г. секретарь и член бюро Московского обкома ВКП(б). С сентября 1952 г. по октябрь 1953 г. слушатель курсов переподготовки секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик при ЦК ВКП(б). С октября 1953 г. инспектор ЦК КПСС, с февраля 1954 г. по апрель 1959 г. заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по РСФСР. В мае 1959 г. направлен в распоряжение Кустанайского обкома КП Казахстана в качестве директора треста совхозов. С июля 1959 г. директор спецтреста картофеля-леовощеводческих совхозов Московской области. С марта 1962 г. по январь 1964 г. первый зам. министра производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов РСФСР.

13. Вопрос о Гимне Советского Союза начиная с 19 ноября 1955 г. периодически рассматривался Секретариатом ЦК КПСС.

Был объявлен закрытый конкурс, выделены на его проведение 665 тыс.руб., затем проводился открытый конкурс. Текст Гимна Советского Союза был одобрен Секретариатом ЦК КПСС 11 мая 1977 г. Исполнен 31 августа 1977 г. в 19 часов.

14. Сурков А. А. (1899—1983), советский поэт, общественный деятель. Член КПСС с 1925 г. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1956—1966 гг. Член ЦРК КПСС в 1952—1956 гг. Лауреат Сталинской премии.

15. Шепилов Д. Т. (р. 1905), член партии с 1926 г. С 1926 г. в органах юстиции. С 1929 г. на научной работе. В 1931—1933 гг. учился в Институте красной профессуры. В 1933—1935 гг. начальник политотдела совхоза. С 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б). С 1946 г. на научной работе. С 1941 г. в Советской Армии, генерал-майор (1945). В 1946—1947 гг. редактор газеты «Правда». С 1947 г. в аппарате ЦК ВКП(б): первый зам. начальника Управления пропаганды и агитации, зав. отделом, инспектор. В 1952—1956 гг. главный редактор газеты «Правда»,

одновременно в 1955—1956 гг. и в феврале—июне 1957 г. секретарь ЦК КПСС. Член ЦК КПСС в 1952—1957 гг. В 1956—1957 гг. министр иностранных дел СССР. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1956—1957 гг. С 1957 г. директор, зам. директора Института экономики АН Киргизской ССР, с 1960 г. в отделе внешних сношений Главного архивного управления при СМ СССР. С 1982 г. на пенсии. Депутат Верховного Совета СССР в 1950—1958 гг.

На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС снят с поста секретаря ЦК и выведен из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК за несовместимую с ленинскими принципами партии фракционную деятельность. 21 февраля 1962 г. МГК КПСС исключил его из партии за активную антипартийную фракционную раскольническую деятельность. 18 февраля 1976 г. восстановлен в партии.

Публикация
Зои ВОДОПЬЯНОВОЙ

Некто Шифрин

Совершенно секретно

№ Ст-169/18с от 31.VII.1979 г.

Выписка из протокола № 169 § 18с Секретариата ЦК КПСС

Об антисоветской сионистской провокации в Тель-Авиве

Согласиться с соображениями по этому вопросу, изложенными в записке Отдела внешнеполитической пропаганды и Международного отдела ЦК КПСС от 26 июля 1979 года (прилагается).

Секретарь ЦК

Секретно

Приложение

к п. 18с, пр. № 169

ЦК КПСС

Об антисоветской сионистской провокации в Тель-Авиве

На днях в Тель-Авиве одна из сионистских организаций провела пресс-конференцию, на которой было заявлено, что в Советском Союзе «находятся в лагерях и тюрьмах десятки тысяч детей политзаключенных». Организатором пресс-конференции был выехавший в свое время из Советского Союза некий Шифрин.

Журналистам сначала представили девятилетнюю девочку по имени Л. Шерман, которую будто бы «отняли у родителей и содержали в тюрьме за то, что ее мать попросила визу в Израиль». Девочка произнесла заученную фразу о том, что «ее били и били больше всех только потому, что она еврейка». После этого было сказано, что девочка «больше не будет делиться кошмарными воспоминаниями». Затем выступила выехавшая из СССР Э. Шерман с «описанием жизни в лагерях», заявив в конце, что она была освобождена благодаря вмешательству американского сенатора Г. Джексона.

Распространением материалов в связи с этой сионистской провокацией занялись агентство Франс Пресс и французский журнал «Пуэн». Были предприняты

Источник 4/1994

попытки раздуть кампанию на основе этих сообщений, однако широкого распространения она не получила.

Сообщается, что Шифрин намерен в скором времени выпустить книгу, которая, как он объявил, будет предназначена для туристов, «желающих посетить Советский Союз в Международный год ребенка и накануне Олимпиады».

В связи с этой гнусной провокацией совпосольство во Франции выступило с опровержением, передав свое заявление и в агентство Франс Пресс. По согласованию с КГБ СССР был также распространен комментарий ТАСС по зарубежным каналам, включая Францию (материал был передан в том числе и в газету «Юманите»). Со статьей, дающей отпор сионистской вылазке, выступила газета «Советская Россия».

Французские друзья в беседе в Международном отделе ЦК КПСС обратили внимание на то, что будто бы нами не ведется должной контрпропаганды по этому конкретному вопросу, и считают необходимым это сделать.

В настоящее время в АПН совместно с КГБ СССР подготовлены материалы, которые разоблачают провокационную деятельность организатора этой пресс-конференции Шифрина, содержат факты, показывающие, что приведенные в Тель-Авиве «сведения» представляют собой злонамеренный вымысел.

Для разъяснительной работы по линии совпосольства во Франции, в том числе с французскими друзьями, КГБ СССР предполагает подготовить также материалы, раскрывающие действительный смысл этой подрывной сионистской акции с т. н. детскими концлагерями.

Для ведения контрпропагандистской работы совпосольству, а также нашим французским друзьям можно рекомендовать шире использовать выпущенную в Советском Союзе «Белую книгу», разоблачающую подрывную деятельность сионистских организаций.

Советская печать, в том числе и в материалах на зарубеж, систематически ведет пропаганду о действительном положении советских детей и о политике нашей страны по воспитанию подрастающего поколения и охране его здоровья. Чтобы не привлекать к сионистской пресс-конференции внимания, считаем нецелесообразными какие-либо дополнительные публикации в нашей печати.

С КГБ СССР (т. Андроповым) и МИД СССР (т. Корниенко) согласовано.

Отдел внешнеполитической
пропаганды ЦК КПСС

Международный отдел
ЦК КПСС

26 июля 1979 года

Прогрессивный отдых

Совершенно секретно

№ Ст-206/32гс от 10.IV.1980 г.

Выписка из протокола № 206 § 32гс Секретариата ЦК КПСС

О приглашении в Советский Союз в 1980 году на отдых и лечение руководителей прогрессивных организаций соотечественников за рубежом

1. Принять предложение президиума Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина») о приглашении в 1980 году на отдых и лечение в Советский Союз сроком до 30 дней руководителей прогрессивных организаций соотечественников за рубежом согласно прилагаемому списку.

Разрешить президиуму общества «Родина» по согласованию с Международным отделом ЦК КПСС вносить в случае необходимости отдельные изменения в персональный состав приглашаемых лиц.

2. Прием и обслуживание приглашаемых возложить на общество «Родина», а лечение и предоставление путевок в санатории и дома отдыха — на Четвертое главное управление при Министерстве здравоохранения СССР.

3. Принять к сведению, что расходы по приему и обслуживанию приглашаемых лиц будут производиться за счет средств, ассигнованных обществу «Родина» на 1980 год.

Секретарь ЦК

Служебные квартиры за валюту

Секретно

ЦК КПСС

Об обращениях представителей руководства Компартии Испании, Компартии Греции, Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) и Итальянской компартии

Представители руководств Компартии Испании, Компартии Греции, Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) и Итальянской компартии обратились в ЦК КПСС с просьбами предоставить помещения для проживания и работы в г. Москве президентов, директоров или уполномоченных торговых фирм «САТЕКС» (Испания), «ВЕК» (Греция), «Дельта» и «ЛОЭЛ» (Кипр) и «Европа консулт» (Италия), работающих под контролем указанных партий (шт-ма из г. Мадрида, спец. № 355 от 5 апреля 1990 года, шт-ма из г. Афины, спец. № 154 от 5 апреля 1990 года, шт-ма из г. Никосии, спец. № 291 от 10 апреля 1990 года, прилагаемое письмо руководства ИКП).

Считали бы целесообразным удовлетворить просьбы представителей руководства КПИ, КПГ, АКЭЛ и ИКП и разрешить Управлению делами ЦК КПСС выделить из своего фонда служебных квартир для указанных целей четыре трехкомнатные квартиры фирмам «САТЕКС», «ВЕК», «Дельта» и «ЛОЭЛ», «Европа консулт» с оплатой в инвалюте.

Просим согласия*.

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС

К. Брутенц

Управляющий делами ЦК КПСС

Н. Кручина

25 апреля 1990 года

06Л-296с

Гастроли и поездки отменяются

Совершенно секретно

№ Ст-196/10с от 5.11.1980 г.

Выписка из протокола № 196 § 10с Секретариата ЦК КПСС

О сокращении культурных обменов с США

1. Согласиться в основном с предложениями Отдела культуры ЦК КПСС и Министерства культуры СССР о мерах по сокращению культурных обменов с США на ближайшее время. В связи с этим:

приостановить намечавшиеся ранее на 1980 год гастроли в США художественных коллективов и исполнителей, а также поездки официальных делегаций в области культуры и направление выставок из музейных собраний;

признать возможным в отдельных случаях и на приемлемых для нас условиях: направлять в США писателей, критиков, искусствоведов и других деятелей культуры для участия в международных мероприятиях, проводимых в США, для чтения лекций и выступлений; содействовать постановке в США советских пьес; направлять тиражные выставки информационно-пропагандистского характера; продолжать обмен изданиями и информацией; осуществлять, в случае необходимости, поездки специалистов в области грамзаписи и других видов технического оснаще-

* Имеется помета: «Согласиться. А. Яковлев. Разумовский. Лигачев. Медведев. Гиренко. Купцов. Манаенков».

ния культуры; при этом улучшить подбор участников поездок, использовать их для разъяснения позиций СССР в международном культурном обмене.

2. Разрешить советским ведомствам и творческим организациям, в случае нашей заинтересованности и в зависимости от конкретно складывающейся обстановки, продолжать деловые контакты с фирмами, организациями и учреждениями США в сфере книготорговли и книгоиздательства, библиотечного дела, охраны авторских прав, кино, телевидения и радиовещания.

3. Поручить МИД СССР в оперативном порядке рассматривать по согласованию с отделами ЦК КПСС возникающие у ведомств и организаций вопросы культурных связей с США на ближайшее время, а в необходимых случаях вносить предложения в ЦК КПСС.

4. Министерству культуры СССР, ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, Московскому горкому КПСС провести необходимую разъяснительную работу с мастерами искусств и участниками художественных коллективов, которым планировались зарубежные поездки, обеспечить им условия для творческой занятости внутри страны.

Секретарь ЦК

АРХИВЫ СПЕЦСЛУЖБ

За что в ГУЛАГе сидели иностранцы?
*Об этом повествует
только что рассекреченный документ.*

«Железный Феликс» своеобразно относился
к сионистским организациям.
*Его записки найдены
в бывшем Центральном партийном архиве.*

О группе разведчиков «Красная капелла»
написано немало.
*Исследователь Л. Е. Решин
обнаружил документы, раскрывающие
доселе неизвестные причины ее провала.*

«ПЕРЕСМОТРЕНЫ Приговоры в Отношении Иностранцев»

№ 1

Совершенно секретно

Товарищу БЕРИЯ Л. П.

По Вашему поручению нами изучен вопрос о порядке и условиях применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии к осужденным иностранцам, содержащимся в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях и колониях, а также в лагерях для осужденных военных преступников из числа бывших военнопленных.

Докладываем Вам.

I. Об осужденных иностранцах, содержащихся в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях и колониях.

В местах заключения содержится всего 13711 осужденных иностранцев (в том числе 294 бывших военнопленных), из них по Указу Президиума Верховного Совета СССР об амнистии подлежат освобождению 1680 человек, в том числе:

иранцев	—	478 человек
японцев	—	231 »
греков	—	137 »
финнов	—	44 »
афганцев	—	48 »
австрийцев	—	14 »
датчан	—	1 »
испанцев	—	7 »
норвежцев	—	1 »
американцев (США)	—	1 »
сирийцев	—	1 »
египтян	—	1 »
турок	—	24 »
югославам	—	5 »
граждан Корейской Народно-Демократической Республики	—	295 »
граждан Китайской Народной Республики	—	195 »
граждан Германской Демократической Республики	—	83 »
граждан Румынской Народной Республики	—	44 »
граждан Польской Народной Республики	—	39 »
граждан Венгерской Народной Республики	—	12 »
граждан Чехословацкой Республики	—	15 »
граждан Болгарской Народной Республики	—	3 »
граждан Монгольской Народной Республики	—	1 »

Персональные списки осужденных иностранцев, подлежащих освобождению из мест заключения, прилагаются*

Не подлежат освобождению из мест заключения по амнистии 12031 осужденный иностранец. Часть из них подпадает под п. 4 Указа об амнистии, предусматривающий сокращение наказания наполовину.

Ознакомившись с данными об этой категории осужденных иностранцев и учитывая, что многие из них совершили преступления в период Великой Отечественной войны, отбыли значительный срок наказания и не представляют в настоящее время большой опасности для нашего государства, считаем возможным дополнительно освободить из мест заключения 2123 человека, в том числе:

А. По статьям 17, 19 — 58 п. 1 УК РСФСР (пособничество изменникам Родины) по статье 58 п. 3	—	43	человека
(способствование ведению войны против СССР) по статье 58 п. 14 (контрреволюционный саботаж, в том числе за незаконное хранение оружия в оккупационных зонах Германии и Австрии) по закону № 10 Контрольного Совета в Германии (о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности) по статье 58 п. 10 (антисоветская агитация) по статье 58 п. 12 (недоносительство органам власти)	—	56	»
	—	378	»
	—	556	»
	—	396	»
	—	61	»

Б. Иностранцев в количестве 633 человек, независимо от срока наказания, осужденных за вооруженное ограбление (57), убийство (89), изнасилование (20), контрабанду (1), спекуляцию (50), хищения социалистической собственности (320), кражи личного имущества (88), разглашение государственной тайны (8).

Справка с цифровыми данными о национальном составе иностранцев, которые по нашему мнению могут быть дополнительно освобождены из мест заключения, прилагается.

На остальных иностранцев в количестве 9908 человек, осужденных за шпионаж, террор, диверсии, вредительство, за зверства, учиненные над советскими гражданами, участие в антисоветских заговорах, повстанчество и политический бандитизм, за активную борьбу против революционного движения и СССР, нами истребованы из мест заключения личные дела с судебными приговорами для рассмотрения вопроса о возможности освобождения отдельных из них от дальнейшего наказания.

Предложения по этому вопросу будут доложены дополнительно.

II. Об осужденных бывших военнопленных и интернированных

В лагерях для осужденных военных преступников из числа бывших военнопленных содержится всего 18754 человека. Из этого количества по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии будет освобождено 217 человек, персональный список которых прилагается.

Вносим предложения:

а) освободить из мест заключения бывших военнопленных и интернированных в количестве 268 человек, осужденных за хищения и нарушения лагерного режима, срок наказания которых по амнистии сокращен наполовину (список прилагается*);

б) дополнительно освободить 4765 человек бывших военнопленных и интернированных, осужденных по Указу от 19 апреля 1943 года за менее тяжкие военные преступления, в том числе:

офицеров, осужденных за принадлежность к «СА» и нацистским партийным организациям без других конкретных обвинений	—	309	человек
офицеров войск «СС», осужденных за принадлежность к этим войскам также без других конкретных обвинений	—	585	»
офицеров, чиновников и рядовой состав полиции, работавших на территории Германии, которые не совершили преступлений против СССР	—	443	»
офицеров и чиновников военных судебных органов по рассмотрению дел на военнослужащих германской армии	—	188	»
солдат, осужденных по Указу от 19 апреля 1943 года за изъятие имущества у советских граждан и за принадлежность к войсковым частям, отдельные солдаты и офицеры которых совершали злодеяния против советского народа	—	2475	»

* Приложения не поступали.

чиновников хозяйственных команд, производивших изъятие на территории СССР сельскохозяйственных товаров и промышленного оборудования	— 282	»
бывших военнопленных, осужденных за преступления, совершенные в лагере	— 483	»

Справка о национальном составе дополнительно амнистируемых бывших военнопленных и интернированных прилагается;

в) освободить от отбытия наказания 11 бывших немецких генералов (4 генерала в отставке, правительственный советник, 3 врача, радиокomentатор и др.), осужденных по Указу от 19 апреля 1943 года, и двух бывших японских генералов, осужденных по ст. 58—6 УК РСФСР, ввиду их преклонного возраста и болезненного состояния (список этих генералов прилагается*).

III. Об осужденных советскими военными судами иностранцах на территории Германии и Австрии

Советскими военными судами за границей (в Германии и Австрии) осуждено 11814 человек иностранцев, которые содержатся в местах заключения в Германской Демократической Республике, Венгрии и Австрии.

Из этого количества должно быть освобождено по амнистии 322 человека.

Считаем целесообразным рассмотреть вопрос о дополнительном амнистировании осужденных иностранцев, не подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, содержащихся в местах заключения на территории указанных выше стран, в количестве 11492 человек, после истребования и рассмотрения на них судебных приговоров.

Таким образом из общего количества 44279 иностранцев, осужденных советскими судами к лишению свободы и отбывающих наказание, подлежит освобождению из мест заключения по Указу об амнистии — 2219 человек и, если будут приняты наши предложения о дополнительном амнистировании, — 7169 человек, а всего — 9388 человек или 21,2% к общему количеству заключенных иностранцев по приговорам советских судебных органов.

На 21400 осужденных иностранцев, содержащихся в местах заключения, не подпадающих под действие Указа об амнистии, нами истребованы судебные приговоры для рассмотрения вопроса о возможности их амнистирования. Предложения будут доложены дополнительно.

Полагаем необходимым разработать дополнительные указания, согласованные с Министерством иностранных дел СССР, о порядке освобождения осужденных иностранцев и направлении их к местам постоянного жительства.

Просим Вашего решения.

*Круглов
Горшенин
Сафонов
Федотов
Долгих*

10 апреля 1953 года.

№ 2

Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

Т. МАЛЕНКОВУ Г. М.

В местах заключения Советского Союза содержится 32465 иностранцев, осужденных советскими судами к лишению свободы, в том числе 19048 бывших военнопленных и интернированных. Кроме того, 11814 иностранцев, осужденных военными трибуналами Советской Армии за границей, содержатся в местах заключения в Германской Демократической Республике, Венгрии и Австрии.

Из общего количества 44279 иностранцев, осужденных советскими судами к лишению свободы, 2219 человек подлежат освобождению из мест заключения по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии.

Учитывая, что многие иностранцы были осуждены в период Великой Отечес-

твенной войны за маловажные преступления и в настоящее время не представляют серьезной опасности для нашего государства, — вносим предложение создать межведомственную комиссию, которой поручить в месячный срок пересмотреть судебные приговоры в отношении иностранцев, осужденных к лишению свободы, освободить и отправить на родину тех из них, дальнейшее содержание которых под стражей не вызывается необходимостью.

Записка по этому вопросу, подготовленная т.т. ГОРШЕНИНЫМ, САФОНОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, ФЕДОТОВЫМ и ДОЛГИХ, прилагается.

Представляем проект постановления ЦК КПСС.

Л. БЕРИЯ

В. МОЛОТОВ

14 апреля 1953 года
№ 29/Б.

За Г. Маленков.

15.IV.

За Н. Хрущев.

15.IV.

За К. Ворошилов.

15.IV.

За Л. Каганович.

15.IV.

За Булганин.

За М. Сабуров.

5.IV.53 г.

За М. Первухин.

15.IV.

№ 3

Строго секретно

№ П6/1

15.IV 1953 г.

Т.т. Берия, Молотову, Горшенину, Сафонову, Круглову, Пушкину, Федотову.

Выписка из протокола № 6 заседания Президиума ЦК от 15 апреля 1953 г.

1. О пересмотре судебных приговоров на осужденных к лишению свободы иностранцев.

1. Поручить комиссии в составе т.т. Горшенина (Министерство юстиции СССР) — созыв, Сафонова (Прокуратура СССР), Круглова (МВД СССР), Пушкина (МИД СССР) и Федотова (МВД СССР) в месячный срок пересмотреть судебные приговоры, вынесенные советскими судами в отношении осужденных к лишению свободы иностранцев, с целью освобождения и отправки на родину тех из них, дальнейшее содержание под стражей которых не вызывается необходимостью.

2. Обязать Министерство юстиции СССР (т. Горшенина) оформить упрощенным порядком через Верховный суд СССР пересмотр дел на осужденных иностранцев, которые по решению комиссии подлежат досрочному освобождению из мест заключения.

3. Репатриацию иностранцев возложить на МВД СССР в сроки, согласованные с МИД СССР.

4. Обязать МИД СССР (т. Пушкина) договориться с правительствами соответствующих стран о порядке, сроках и пунктах передачи им освобождаемых из мест заключения иностранцев — граждан этих государств.

ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

№ 4

Сов. секретно

экз. № 1

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Докладываем, что в соответствии с постановлением Президиума Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза от 15 апреля 1953 года нами пересмотрены судебные приговоры в отношении 41.551 иностранцев,

осужденных советскими судами к лишению свободы, в том числе 18.393 военнопленных.

Комиссия признала возможным досрочно освободить из мест заключения 16.547 чел. осужденных иностранцев, дальнейшее содержание которых в местах заключения не вызывается необходимостью. Из общего числа 16.547 иностранцев — 773 чел. осуждены Особым Совещанием при МВД СССР.

В числе подлежащих досрочному освобождению 6.162 военнопленных и интернированных имеется: 13 генералов, 3.037 офицеров и 2.673 унтер-офицеров и рядовых.

Комиссия пришла к заключению о возможности досрочного освобождения генералов не только с учетом характера преступлений, совершенных ими, но также приняла во внимание их преклонный возраст и службу на не строевых должностях.

Военнопленные, подлежащие досрочному освобождению, были осуждены за такие виды преступлений, как насильственный угон советских граждан в Германию, ограбление мирного населения, уничтожение имущества. Кроме того, определенное количество таких лиц было осуждено за службу в органах разведки вражеских армий.

Большинство преступлений иностранцев — гражданских лиц, подлежащих досрочному освобождению, было совершено на территории Германии, Австрии, Венгрии в конце войны и в первые годы после победы над фашизмом. Эти преступления выражались, главным образом, в получении заданий по сбору сведений о советских войсках, о настроении населения, создании небольших, разрозненных подпольных групп для борьбы против Советской Армии.

Подлежащие освобождению осужденные иностранцы, в том числе и военнопленные, содержатся: в лагерях СССР — 10.396 чел. и в местах заключения Германской Демократической Республики и Австрии — 6.151 чел. Эти лица являются гражданами следующих государств:

а) Германии (ГДР и Западная Германия)	—	12.703 чел.
б) Венгерской Народной Республики	—	1.398 чел.
в) Австрии	—	606 чел.
г) Японии	—	564 чел.
д) Китайской Народной Республики	—	295 чел.
е) Польской Народной Республики	—	280 чел.
ж) Румынской Народной Республики	—	273 чел.
з) Чехословацкой Народной Республики	—	123 чел.
и) Ирана, Испании, Финляндии, Франции, Турции, Италии и др. государств	—	305 чел.

Комиссия признала невозможным досрочное освобождение 25.080 чел. осужденных иностранцев, как совершивших тяжкие преступления. Указанные лица содержатся: в лагерях МВД СССР — 7.804 чел., в местах заключения Германской Демократической Республики и Австрии — 5.045 чел. и в лагерях для военнопленных в СССР — 12.231 чел., в том числе 228 генералов, 3.255 офицеров и 7.956 унтер-офицеров и солдат.

Судебные приговоры в отношении 655 осужденных иностранцев будут пересмотрены дополнительно ввиду трудностей розыска на них судебно-архивных дел.

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 15 апреля 1953 года именные списки на иностранцев, подлежащих досрочному освобождению из мест заключения, в том числе и на осужденных Особым Совещанием при МВД СССР, комиссией переданы в Верховный суд СССР для последующего оформления досрочного освобождения перечисленных в списках лиц.

*К. Горшенин
Г. Сафонов
С. Круглов
Г. Пушкин
П. Федотов*

20 мая 1953 г.

ЦХСД. Коллекция рассекреченных документов.

Феликс Дзержинский:
**«Мы принципиально
могли бы быть
друзьями сионистов»**

*Ф. Э. Дзержинский. 1926 год.
Один из последних фотоснимков.*

Лидерам Советской России решение еврейского вопроса теоретически представлялось возможным в рамках «революционного преобразования общества». На практике все сводилось к тому, чтобы еврейскую бедноту и мелкую буржуазию «поставить к станку и сохе», а сопротивлявшихся — к стенке, сделав, таким образом, данный вопрос вполне разрешимым. Сионистские организации обвинялись в буржуазном национализме, шовинизме, социал-демократизме, меньшевизме и связях с Антантой, хотя многие важнейшие пункты программ сионистских организаций в России не противоречили принципам,

провозглашенным Советским государством. Закрывались еврейские сионистские школы, клубы, библиотеки, производились аресты и высылки. В сознании советских граждан термин «сионизм» порождал целую гамму представлений и предрассудков: от вульгарно-бытовых до глубоко идеологизированных. В годы нэпа были попытки найти такое решение еврейского вопроса, которое исключало бы необоснованные репрессии по отношению к участникам сионистского движения. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже записки Ф. Э. Дзержинского своим коллегам по ОГПУ.

№ 1

Из Бюлетеня Еврейского телеграфного агентства № 332 от 13 февраля 1924 г.

Москва (Е.Т.А.) — изгнание евреев из Москвы приостановлено. Благодаря жалобе, посланной на имя вице-президента Совета Народных Комиссаров Л. Каменева¹ и др. членов правительства, массовое изгнание так называемых «нежелательных» элементов (почти все евреи) из Москвы приостановлено². Еврейская община в Москве³ и Еврейский общественный комитет помощи⁴ подал об этом меморандум правительству, на который последнее ответило заверением, что с сего времени каждое выселение в отдельности будет предварительно основательно обследовано.

Перевод верен: Пом. секретаря ЦБ евсекций при ЦК РКП⁵

Львовский

РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 326. Л. 1. Машинописная копия.

№ 2

Записка Ф. Э. Дзержинского В. Р. Менжинскому⁶ от 3 марта 1924 г.

Т. Менжинскому

Я думаю, такой телеграммы так им спустить нельзя. Что это за Евр.Тел.Агентство?

Не считаете ли, что было бы полезно возобновить высылку накипи и дать в «Известиях» подробный отчет о высылаемых — за что, с подразделением на национальности и с образным описанием их проделок.

Что это за Еврейский Общественный Комитет? Как реагировать на эту мерзость? Может быть, передать весь материал Евсекции для использования в процессе против сионистов Общественного Комитета?

Не использовать ли через суд ходатайство Шора⁷?

Ф. Д.

Там же. Автограф.

№ 3

Записка Ф. Э. Дзержинского В. Р. Менжинскому и Г. Г. Ягоде⁸ от 15 марта 1924 г.

Т. Менжинскому и т. Ягоде

Просмотрел сионистские материалы. Признаться, точно не пойму, зачем их преследовать по линии их сионистской принадлежности. Большая часть их нападков на нас — опирается на преследование их нами. Они преследуемые — в тысячу раз опаснее для нас, чем непреследуемые и развивающие свою сионистскую деятельность среди еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции. Их партийная работа поэтому для нас вовсе не опасна — рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с арестами их, долетят до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам немало.

Программа сионистов нам не опасна, наоборот, считаю полезной.

Я когда-то был ассимилятором. Но это «детская болезнь».

Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент, хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу. Ругать евсекцию разрешить то же и евсекции. Зато нещадно бить и наказывать спекулянтов (накипь) и всех нарушающих наш закон. Пойти-таки сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной.

Ф. Д.

Там же. Л. 2. Автограф.

№ 4

Записка Ф. Э. Дзержинского В. Р. Менжинскому от 24 марта 1925 г.

Т. Менжинскому

Правильно ли, что мы преследуем сионистов? Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, то есть работающие среди еврейства, нам не опасны. Наоборот, — это не создает рекламы меньшевизму.

Надо пересмотреть нашу тактику. Она неправильна.

Ф. Дзержинский

Там же. Л. 4. Автограф.

№ 5

Справка Секретного отдела ОГПУ о репрессивной политике по отношению к участникам сионистского движения в СССР от 29 мая 1925 г.

Совершенно секретно

тов. Дзержинскому

1. По всему СССР по имеющимся на данный момент сведениям сидят арестованными 34 сиониста. Москва — 1, Минск — 32, Ростов — 1.
2. Во внутрь СССР выслано всего 132 человека. Из них — на два года — 8 чел., на три года — 124 чел. Высланы преимущественно в Киркрай, Сибирь и Урал.
3. В концлагерь заключено всего 15 чел., сроком на три года каждый.
4. За границу выслано и разрешен выезд взамен ссылки всего 152 чел. Что касается вопроса о неразрешении заменить ссылку выездом в Палестину, то в этом

Ф. Э. Дзержинский на заседании Коллегии ОГПУ. Москва. 1922 год. В группе: Менжинский В. Р., Уншлихт И. С., Петерс Я. Х., Беленький А. Я., Герсон В. А., Ягода Г. Г.

вопросе придерживаемся следующей тактики: наиболее активный элемент, член ЦК, Губкомов, у кого найдены серьезные материалы в виде антисоветских листовок, воззваний, типографий — в Палестину не выпускаем. Менее активный элемент в Палестину выпускается. Тактика эта основана на опыте борьбы с сионистами. Когда до конца 1924 г. мы преимущественно выслали в Палестину, это явилось серьезным стимулом для усиления нелегальной работы сионистов, так как каждый был уверен, что за свою антисоветскую деятельность он получит возможность поехать на общественный счет (сионистских и общественных организаций) в Палестину, а не расплачиваться за совершенное им преступление.

Ссылку в концлагерь мы применяем преимущественно к активу ЦС (сионистско-социалистическая партия)⁹ по существу меньшевистской партии.

Нач. СО ОГПУ

Нач. IV-го ОТД. СО ОГПУ

Дерибас

Генкин

Там же. Л. 5. Машинописная копия.

№ 6

Записка Ф. Э. Держинского В. Р. Менжинскому от 31 мая 1925 г.

Тов. Менжинскому

Все-таки думаю столь широкие преследования сионистов (особенно в приграничных областях) не приносят нам пользы ни в Польше, ни в Америке. Мне кажется, необходимо повлиять на сионистов, чтобы они отказались от своей к[онтр]р[еволюционной] работы по отношению к Советской власти. Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в Политбюро. Сионисты имеют большое влияние и в Польше и в Америке. Зачем их иметь себе врагами.

Ф. Держинский

Там же. Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каменев Лев Борисович (1883—1936) — в описываемое время занимал посты заместителя председателя СНК СССР, заместителя председателя СТО, председателя Моссовета и другие.

2. В 1923 г. органами ОГПУ производилась в административном порядке массовая высылка из Москвы «социально-паразитического элемента».

3. Возникла в XVIII веке. Имела свою администрацию и органы самоуправления.

4. Полное название — Еврейский общественный комитет помощи пострадавшим от войн, погромов и стихийных массовых бедствий. В центре и на местах таковые были образованы с разрешения Политбюро ЦК РКП(б), принявшего 18 июня 1920 г. постановление об этом, с условием «обеспечения в них большинства за коммунистами» (РЦХИДНИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 65. Л. 208—209).

5. Центральное бюро еврейских секций при ЦК РКП(б) (1918—1930) руководило деятельностью еврейских бюро на местах и

отделами при Наркомнаце, Наркомпросе, Главлитпросвете, рядом еврейских общественных организаций. Деятельность ЦБ евсекций объединялась подотделом национальных меньшинств Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б).

6. Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — в 1923—1926 гг. заместитель председателя ОГПУ.

7. Личность Шора не установлена.

8. Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — с 1920 г. управляющий делами ВЧК, член Коллегии ВЧК, с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ.

9. Сионистско-социалистическая партия находилась на нелегальном положении. Идеологически примыкала к II Интернационалу. Издавала на русском языке многочисленные нелегальные журналы, бюллетени и листовки, освещавшие положение в СССР в меньшевистском духе, выдвигала требования свободы социалистических партий и свободных перевыборов в Советы.

Публикация
Николая СИДОРОВА

«Разведчиков Готовили по Энциклопедическому Словарю»

История тайных войн изобилует белыми пятнами. Такова специфика разведывательной работы, основанной на соблюдении правил строгой конспирации. И зачастую даже прямые участники событий не могут дать объективной картины — и в силу дефицита информации, и в силу соображений конспиративного характера, и — что говорить — в силу личных качеств. Большинство людей устроено таким образом, что собственные ошибки ими преуменьшаются, а собственные заслуги — преувеличиваются. Но проведение разведывательных операций в тайной войне связано не только с успехами или неудачами, не только с потерями в живой силе, но и с потерями доброго имени участников операций. Дискредитация разведчика — это такое же сильное средство в тайной войне, как и его физическое уничтожение...

К числу наиболее известных советских разведывательных организаций, действовавших в Западной Европе во время второй мировой войны, относится так называемая «Красная капелла» — разведывательная сеть, резидентуры которой были дислоцированы в Бельгии, Голландии, Франции, Германии. Первый ощутимый урон организация получила в декабре 1941 года, когда в Брюсселе был арестован радист Михаил Варфоломеевич Макаров (клички «Аламо» и «Хемниц»). В течение 1942—1943 годов спецслужбам фашистской Германии удалось захватить восемь радиопередатчиков, шесть из которых позднее возобновили свою работу, но под немецким контролем. В руки гитлеровцев попали руководители организации Леопольд Треппер («Отто»), резиденты Анатолий Марко-

вич Гуревич («Виктор Сукулов», «Кент»), Константин Лукич Ефремов («Паскаль», «Поль»), Иоганн Венцель («Герман»), другие советские разведчики. Пережили гитлеровские, а затем сталинские застенки Треппер, Гуревич, Венцель. О судьбе Макарова и Ефремова достоверных сведений нет.

В 1990 году в Москве вышла книга Л. Треппера «Большая игра (Воспоминания советского разведчика)». Анализируя происшедшее, автор упрекает некоторых своих товарищей в предательстве, практически ничего при этом не рассказывая об ошибках и недочетах, допущенных «Центром». Но 27 октября 1945 года начальнику ГРУ Генерального штаба Красной Армии генералу Кузнецову было направлено письмо начальника Главного управления контрразведки «Смерш» Абакумова о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей со стороны аппарата ГРУ. Ознакомимся с этим документом.

Конечно, нельзя исключить того, что показания Л. Треппера, А. Гуревича и И. Венцеля были добыты в «Смерше» незаконным путем с целью дискредитации ГРУ. Скорее всего, так и было. Но написавший послесловие к книге Л. Треппера кандидат военных наук капитан 1-го ранга А. И. Галаган обращает внимание читателя на те же ошибки «Центра», что были указаны в справке «Смерша». Истребление опытных кадров, замена их малоопытными и некомпетентными работниками отрицательно сказались на работе советской военной разведки. Даже находясь в руках немецких спецслужб, Л. Треппер и многие его товарищи продолжали свою работу в пользу Советского Союза. Большинство

разведчиков «Красной капеллы» выполнили свой долг до конца. Но и те, кто был сломлен в результате жестоких пыток — их принято называть у нас слабыми духом, — не идут ни в какое сравнение с такими, как Пеньковский, Гордиевский, Резун («Суворов»), предавшими из шкурных соображений.

До последнего времени считалось, что один из виновников провала «Красной капеллы» — резидент советской разведки «Кент». Такого мнения придерживались и Л. Треппер, и А. И. Галаган. Детальное исследование судьбы «Кента» провел известный

военный историк Ю. Н. Зоря, опубликовавший результаты своих исследований в очерке «Человек, которого звали Кент», написанном совместно с В. Н. Литовкиным («Неделя», 1991, №№ 40—42). Очень много поработала для реабилитации «Кента» бригада следователей Главной военной прокуратуры, возглавляемая подполковниками В. К. Левковским и А. И. Эрфуртом. Сейчас Анатолий Маркович Гуревич работает над воспоминаниями о «Красной капелле». К счастью, он реабилитирован при жизни. Фамилии работников ГРУ в нижепубликуемых документах изменены.

Совершенно секретно

Главное Разведывательное Управление
генштаба Красной Армии

товарищу Кузнецову

Лично

27 октября 1945 г.

При этом направляю справку о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей, со стороны аппарата Главного Разведывательного Управления Красной Армии.

Приложение — по тексту

Абакумов

Совершенно секретно

Справка

Во второй половине 1945 года Главным Управлением «СМЕРШ» были арестованы закордонные агенты и резиденты Главного Разведывательного Управления Красной Армии ТРЕППЕР Л. З., ГУРЕВИЧ А. М., РАДО Александр, ЯНЕК Г. Я., ВЕНЦЕЛЬ И. Г. и другие, оказавшиеся германскими шпионами.

В процессе следствия по делам этих арестованных, наряду с разоблачением их вражеской деятельности, выявлены недочеты в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей со стороны аппарата Главного Разведывательного Управления Красной Армии.

Так, арестованный в июле 1945 года резидент Главразведупра Красной Армии в Бельгии ГУРЕВИЧ (кличка «Кент») показал, что он был подготовлен наспех, а переброска его в Бельгию была организована непродуманно.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал следующее:

«Перед переброской меня за границу, по существу, я никакой подготовки не получил. Правда, после оформления моей вербовки работником Главразведупра Красной Армии полковником СТРУНИНЫМ, я был направлен на курсы при разведшколе Главразведупра Красной Армии, но они для практической работы ничего, по существу, не дали. На этих курсах я в течение 5-ти месяцев изучал радиодело, фотодело, и был ознакомлен с общим порядком конспиративных встреч с агентурой за границей.

Следует указать, что ознакомление с порядком встреч с агентурой в условиях конспирации было очень поверхностным. На этот счет мы знакомились с материалами, составленными, главным образом, возвратившимся из-за границы работником Главного разведывательного управления БРОДИНЫМ, в которых обстоятельства встреч и сама конспирация их излагались очень неконкретно и, я бы сказал, даже примитивно.

Такая система обучения для меня, нескушенного в тот период человека, казалась вроде бы нормальной, но когда я столкнулся с практической работой за границей, то убедился, что она была не только недостаточной, а совершенно неприемимой в условиях нелегальной работы».

Источник 4/1994

Как заявил ГУРЕВИЧ, вначале он должен был ехать для работы в Бельгию через Турцию, для чего ему были изготовлены соответствующие документы. Однако, в связи с отказом турецких властей в выдаче ГУРЕВИЧУ визы, Главразведупр за несколько часов до отъезда ГУРЕВИЧА изменил маршрут его следования в Бельгию, предложив ехать через Финляндию, Швецию, Норвегию, Германию и Францию под видом мексиканского художника, побывавшего несколько месяцев в Советском Союзе.

По вопросу о полученной легенде ГУРЕВИЧ показал:

«Надо сказать, что данная мне легенда была очень неудачной хотя бы потому, что я в связи с недостаточностью времени не мог получить никакой консультации о Мексике, об ее внутреннем положении, условиях жизни, и даже ее географических данных. Кроме того, испанский язык, являющийся основным в Мексике, я знал далеко недостаточно для мексиканца и говорил на нем с явно выраженным русским акцентом.

Таким образом, в пути следования я был не в состоянии отвечать на самые простые вопросы о положении в Мексике, а это, бесспорно, навлекало на меня всевозможные подозрения.

Будучи в Париже, я встретился там со связником Главразведупра, который вручил мне уругвайский паспорт на одну из фамилий уругвайского коммерсанта, а я ему сдал свой мексиканский паспорт.

Получая паспорт уругвайского гражданина, я был совершенно недостаточно осведомлен о жизни Уругвая. Когда этот вопрос я поднял еще будучи в Советском Союзе, мне БРОДИН сказал, что такая возможность мне будет предоставлена.

Действительно, спустя некоторое время мне была представлена для ознакомления коротенькая справка, написанная от руки на 2-х страницах одним разведчиком, находившимся в Уругвае очень короткий промежуток времени. Причем в этой справке были указаны две улицы Монтевидео, названия нескольких футбольных команд и подчеркнуто, что население, особенно молодежь, часто собирается в кафе. Ни географического, ни экономического и политического положения в этой справке освещено не было.

Я даже не знал фамилии президента «моего государства», т. к. по этому вопросу в Главразведупре имелись противоречивые данные.

Когда я заметил БРОДИНУ, что этих данных для меня недостаточно, он обещал мне их дать, но их в Главразведупре не оказалось, и мне в последний день перед отъездом было предложено пойти в библиотеку имени Ленина и ознакомиться там с УРУГВАЕМ по БСЭ. Естественно, что и там нужных мне данных, как для коммерсанта из богатой уругвайской семьи, найти, конечно, не представилось возможным».

Арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» резидент Главразведупра Красной Армии во Франции ТРЕППЕР (кличка «Отто»), объясняя причины провала своей резидентуры, показал:

«Резидент МАКАРОВ (кличка «Хемниц»), несмотря на то, что он как будто бы прошел специальную школу, не знал самых элементарных понятий о разведработе, не говоря уже о том, что он не знал ни одного иностранного языка. Кроме того, «Хемниц» должен был проживать как уругваец, в то время как он не имел никаких понятий о его «родной стране», и еще менее о стране, в которой ему пришлось работать.

Такие же самые недочеты мне пришлось наблюдать и при моей встрече с резидентом ЕФРЕМОВЫМ (кличка «Поль»). Главной задачей группы «Поля» было информировать Главразведупр Красной Армии о передвижении номерных частей через Бельгию, но при моей встрече с «Подем» оказалось, что ни «Поль» и никто из его группы не имеет элементарного представления о знаках различия немецкой армии».

Арестованный закордонный агент Главразведупра Красной Армии ВЕНЦЕЛЬ (кличка «Герман») на допросе показал:

«Подготовка радистов в Москве Главным Разведывательным Управлением поставлена примитивно.

Радисты готовились в течение 3—4 месяцев, что явно недостаточно, в особенности для работы за рубежом, где каждый радист должен быть мастером своего дела. Он же в этот период времени, кроме изучения радио, обучался языку и другим дисциплинам.

Тактической подготовке совсем не уделяли внимания, в то время как это является основным для зарубежного агента».

Бывший агент Главразведупра «Берг» рассказывала, что, будучи переброшенной в Италию для выполнения специального задания, она не могла там легализоваться вследствие слабой подготовки и данной ей в Главразведупре непродуманной и громоздкой легенды.

Она заявила:

«Основная причина моей трудности работать в Италии — это несоответственность и громоздкость моей легенды.

Я была послана с легендой, что родилась на Кубе, жила в Испании, ездила в Америку, Францию, жила в Бельгии, затем через Голландию, Норвегию попала в Швецию, пожила в Стокгольме, а оттуда, направляясь в Кубу, через Италию приехала в Советский Союз, и наконец, через Румынию и Югославию прибыла в Рим.

Для укрепления и подтверждения моей легенды мне ничего не было сделано. Я не могла показать ни одного письма с кубинской маркой, и вообще ничего напоминающего о Кубе. Кроме того, общеизвестно, что в природе не существует кубинок с моим цветом волос и лица. Все это, естественно, должно было казаться странным самому непредубежденному человеку.

...Я знала слишком мало о Кубе. Больше того, что было прочитано мною перед отъездом в энциклопедическом словаре в Риме, мне найти не удалось. На вопросы знакомых я описывала Гавану и кубинскую жизнь по тому, как я представляла в своем воображении по песням и фильмам».

Арестованный ГУРЕВИЧ показал, что Главное Разведывательное Управление Красной Армии неправильно наметило ему маршрут следования через Ленинград, где он на протяжении длительного времени проживал, работал и имел много знакомых, что привело к его расшифровке.

Прибыв на советско-финскую границу, ГУРЕВИЧ при объяснении с военнослужащими советской погранохраны и работниками таможни встретил там свою знакомую, бывшую ученицу курсов усовершенствования переводчиков при институте иностранного туризма в Ленинграде, которая сразу же узнала его.

Экипировка ГУРЕВИЧА была также не в соответствии с данной ему легендой.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал:

«...Выезжая из Советского Союза, я по легенде до этого находился в Нью-Йорке и других странах, а вез с собой только один, небольшого размера чемодан, в котором находились: одна пара белья, три пары носков, несколько носовых платков и пара галстуков, в то время как иностранные туристы, побывавшие в других странах, везут с собой в качестве багажа по несколько чемоданов с различными носильными вещами, большое количество различных фотографий, личных писем и т. д.

Больше того, я, как личный турист, побывавший в Советском Союзе несколько месяцев, не взял с собой в качестве «памятки» ни единой русской вещи или даже открытки, которая бы напоминала о моем посещении этой страны.

Вследствие этого, сразу же, как только в Ленинграде я сел в вагон, в котором находились иностранцы, следовавшие в Финляндию, на меня было обращено внимание, почему именно я, как иностранный турист, не имею с собой никакого багажа».

И далее, касаясь своей переброски за границу, ГУРЕВИЧ показал:

«По приезде в Хельсинки я должен был явиться в Интурист и получить билет на самолет, следовавший в Швецию. Когда я обратился к швейцару Интуриста, поскольку других работников в воскресенье не было, и спросил его на французском языке о том, что мне должен быть заказан билет на самолет, он предложил мне говорить на русском языке, дав понять, что он знает о том, что я русский, и играть в прятки с ним не следует.

К тому же надо отметить, что сам факт, связанный с предварительным заказом билетов через Интурист, не вызывался никакой необходимостью, поскольку это можно было бы сделать без всякой помощи».

Аналогичные затруднения по вине Главразведупра Красной Армии, как заявил ГУРЕВИЧ, он встретил также и в других странах:

«По приезде в Париж я остановился в гостинице «Сейтан», и на другой день должен был зайти в кафе «Дюспо», находящееся на Криши, для встречи со связни-

ком Разведупра. При этом было обусловлено, что при входе в кафе я займу место за заранее определенным столиком, закажу чай, немедленно расплачусь за него и буду читать французскую газету. Связник должен был точно так же находиться в кафе, сидеть за столом, имея на столе французский журнал. Здесь мы должны были друг друга только видеть, сами же встречи должны были произойти немедленно по выходу из кафе, около дома № 120 или 140 по Криши.

Прибыв по указанному адресу, я не нашел кафе с названием «Дюспо». В этом доме находилась закусочная, рассчитанная на обслуживание шоферов конечной автобусной остановки, под названием «Терминус». При входе в закусочную я увидел, что там имеется всего 1—2 стола, за которыми посетители обычно играли в карты. Посетители же в основном заказывали вино и горячее кофе, как это принято в закусочных во Франции.

То, что я занял место за столом и заказал чай, вызвало смех у официанта, и мне было предложено кофе, говоря, что чаем они вообще не торгуют.

Я пробыл в кафе более получаса, однако связника Разведупра по данным мне приметам не встретил. Полагая, что возможно был перепутан адрес, я попытался разыскать на этой улице нужное мне кафе, однако его не нашел. В действительности же оказалось, что несколько лет тому назад в помещении, в которое я заходил, было именно кафе «Дюспо», но впоследствии оно было преобразовано в закусочную».

ГУРЕВИЧ также заявил, что Главразведупром Красной Армии ему было предложено по приезде в Брюссель остановиться в гостинице «Эрмитаж». Оказалось, что эта гостиница уже 5 лет тому назад была превращена в публичный дом и иностранцы там не останавливались.

Как показали арестованные агенты КАЮМХАНОВ Е. М. и ЯНЕК Г. Я., их провалу в значительной степени способствовало то, что Главное Разведывательное Управление Красной Армии пользовалось линиями переправ и проводниками агентуры за границу, которые из-за продолжительности их использования, без какой бы то ни было проверки, попали в поле зрения иностранных контрразведок.

Так, КАЮМХАНОВА через советско-турецкую границу сопровождал проводник «Мирза», который привел его к агенту Главразведупра, проживавшему в Турции в 8 км от советско-турецкой границы. По указанию Главразведупра он должен был содействовать КАЮМХАНОВУ в дальнейшем продвижении его в глубь страны. Однако агент, при посадке КАЮМХАНОВА на пароход, следовавший в город Татван, передал его турецкой полиции.

Агент ЯНЕК, перебрасываемый Главразведупром Красной Армии в Чехословакию, должен был, по полученному им заданию, добраться до села Йорданово, что в 40 км южнее гор. Кракова и, связавшись там с агентом Главразведупра, при его помощи доехать до гор. Цешин, затем пройти чехословацкую границу и пройти в гор. Прагу. Однако последний предал его гестапо, в результате чего ЯНЕК был арестован.

Арестованный ТРЕППЕР показал, что крупным недочетом в работе за границей, который приводит к провалам, является несвоевременное снабжение зарубежной агентуры документами, и плохое их оформление.

По заявлению ТРЕППЕРА, находясь в Брюсселе, он получил из Москвы паспорт для въезда во Францию. В паспорте должна была быть указана профессия — журналист. В действительности же, при получении паспорта, в нем была указана профессия не журналист, а «журналье», что означает — поденщик. Естественно, что поденщик, едущий в международном вагоне, сразу же вызвал бы подозрение у французской пограничной полиции.

Для пребывания в Бельгии, как показал ТРЕППЕР, он получил канадский паспорт на фамилию крупного промышленника МЕКЛЕРА, по происхождению из города Самбор, который более 10 лет проживал в Канаде. ГРУ было известно, что ТРЕППЕР не знает английского языка, а также не было принято во внимание, что на случай войны и возможной оккупации немцами Бельгии ТРЕППЕР не сможет проживать там, как канадский гражданин.

В связи с этим в первые же дни после начала войны ТРЕППЕР потерял возможность проживать в Бельгии, т. к. в многочисленных бельгийских кругах он был известен как бельгийский подданный.

ТРЕППЕР, предвидя такое положение, своевременно обращался в Главразведупр о высылке документов для него и его работников, подходящих для военной обстановки, однако полученные документы оказались полностью непригодными.

Резиденты «Хемниц» и «Кент», работавшие в Бельгии, не получив резервных документов, к началу войны США с Германией остались со старыми уругвайскими документами, к тому же эти документы были оформлены с грубыми ошибками.

Как показал ТРЕППЕР, резидент «Хемниц», когда он был задержан 13 декабря 1941 года немецкой полицией, не был бы арестован, если бы он имел другие документы, а не уругвайские.

Главным Разведывательным Управлением Красной Армии в Бельгию был направлен агент по кличке «Алекс», документы которого оказались совершенно непригодными для продолжения его поездки согласно заданию в США.

В таком же положении оказался и агент Главразведупра по кличке «Поль», который был направлен в Швецию, как резидент, через Италию, Германию и Бельгию.

По указанию Главразведупра «Поль», будучи снабженным швейцарским паспортом, не нуждался в германской и бельгийской визах. Фактически же оказалось, что немцы к тому времени уже несколько месяцев не пропускали через свою территорию иностранцев, и в первую очередь — подозрительных швейцарцев.

Арестованный ГУРЕВИЧ о качестве полученных им из Главразведупра документов показал:

«Выбор уругвайского паспорта для меня, как легализующего документа, не был достаточно хорошо продуман и подготовлен Главразведупром. В Бельгии уругвайских подданных были считанные единицы, в то же время в полиции зарегистрировались одновременно два вновь прибывших уругвайца.

Это были агент Главразведупра Красной Армии МАКАРОВ — коммерсант, родившийся в Монтевидео и купивший предприятие в Остенде, и я, тоже родившийся в Монтевидео и тоже занимавшийся торговой деятельностью в Бельгии. Причем оба наши паспорта были выданы в уругвайском консульстве в Нью-Йорке. Один был выдан в 1936 году, а другой в 1934 году. Номера же этих паспортов были последовательны, так, если один был за № 4264, то другой был за № 4265.

Оба паспорта затем были продлены в Монтевидео также в разные периоды, однако носили точно так же последовательные записи и одинаковые подписи.

Кроме того, в период нашего пребывания в Бельгии Главразведупр продлил оба паспорта. Продление сделано в Париже, в то время как никоим образом иностранцы, проживающие в Брюсселе, не могли своих паспортов продлевать во Франции — в силу жесткого полицейского надзора. Подписи в этом случае были сделаны по трафарету, т. е. те же.

Таким образом, самый поверхностный контроль со стороны полиции должен был вызвать к нам подозрение.

Для легализации наших работников за границей Главразведупр, кроме паспортов, никаких других документов не предоставлял в распоряжение наших работников.

Я обращался в Главразведупр с предложением — организовать направление писем из Уругвая на имя МАКАРОВА и на мое имя, чтобы хоть этим путем укрепить нашу легализацию, ибо письма всех иностранцев контролировались бельгийской полицией и почтой, и в самих домах, где иностранцы проживали, неполучение писем от родителей и знакомых вызывало всегда подозрение.

Несмотря на то, что ТРЕППЕР и я указывали, что эта посылка писем особенно важна для нас, Главразведупр даже и этого не мог организовать.

Впоследствии мы отказались от документов, присылаемых Главразведупром, и старались сами, на месте, приобрести нужные документы».

Направленному в Италию агенту «Берг» Главразведупр, как она заявила, способ легализации не указал, в связи с чем она по своей инициативе пыталась устроиться на учебу в одну из консерваторий в Риме.

Для этого ей необходим был документ, который бы свидетельствовал об окончании ею начального музыкального образования.

Главразведупр выслал «Берг» документ, однако из-за его недоброкачества она его использовать не могла, т. к. документ имел дату, хронологически не совпадающую с ее легендой. Кроме того, на печати кубинского музыкального учебного учреждения в документах было написано русское «к».

«Берг» также рассказала, что письма, направляемые ей Главразведупром с целью подтверждения ее легенды, были оформлены настолько небрежно, что кроме вреда ничего принести не могли. Они были с грамматическими ошибками и пропусками букв. Адрес на конвертах был написан по образцу, принятому в Советском Союзе, т. е. сначала город, улица, фамилия, имя, а не наоборот.

По показаниям арестованных устанавливается, что Главное Разведывательное Управление направило за границу большей частью неисправные рации, и при отсутствии радиоспециалистов там создавались большие трудности в их использовании.

Арестованный ТРЕППЕР по этому вопросу показал:

«В начале 1939 года Главразведуправлением в первый раз была поставлена задача подготовки и создания собственной радиосвязи с центром. Эта задача была возложена на «Хемница», который как будто прошел до приезда полную техническую радиоподготовку.

«Кент», после своего приезда, имел задачу помочь ему в этом направлении, и его Разведупр также считал вполне подготовленным к этой работе.

На практике оказалось, что ни тот, ни другой подготовки не имели и эту работу до конца довести не смогли.

В то же самое время все полученные приборы оказались в неисправном состоянии.

В начале 1940 года, видя, что они не справятся с этой работой, я потребовал от Главразведуправления — или прислать мне настоящего техника, или разрешить вербовать техников среди лиц, близких к компартии. Главразведупр обещал мне, что необходимый техник будет прислан. Однако Главразведупр такого специалиста не прислал, и в начале июня 1941 года агентура в Бельгии осталась полностью отрезанной от центра.

При моем приезде из Бельгии во Францию, в июле 1940 года, когда я приступил к налаживанию агентуры во Франции, я констатировал, что Главразведупр не может мне дать никакой помощи как в технических приборах, так и в техниках для налаживания радиосвязи с центром.

После продолжительных требований мне удалось только в июне 1941 года получить две радиостанции, которые приходилось в исключительно тяжелых условиях нелегальной работы перебрасывать в оккупированную французскую зону и в Бельгию. Но и тогда оказалось, что обе эти радиостанции по техническим причинам не были пригодны к введению в строй.

Как мне удалось узнать уже после моего ареста немцами, в конце 1941 года Главразведуправлением в Бельгию и Голландию были направлены с парашютистами радиоаппараты. Парашютисты были захвачены немцами, но, как рассказали немцы, аппараты были неисправны и ими нельзя было пользоваться».

Об обеспечении Главразведупром Красной Армии зарубежной агентуры деньгами арестованный ТРЕППЕР показал:

«К началу войны ни одна из известных мне групп не была снабжена центром нужными средствами для продолжения своей работы, несмотря на то, что уже видно было, что большинству групп придется работать изолированно и что во время войны они не смогут снабжаться средствами из центра.

...Я лично, пользуясь средствами созданной мною, с санкции ГРУ, коммерческой фирмы «ЭКС», имел возможность за все время войны снабжать средствами наши группы, однако группа «Гарри» во Франции, «Поль» и «Герман» в Бельгии, группа в Голландии, резидентуры в Берлине, Чехословакии и в других странах оставались полностью без средств.

Тяжелое и безвыходное положение групп Главразведупра приводило к почти полному свертыванию работы».

Арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ показали, что с начала войны Германией против Советского Союза Главным Разведывательным Управлением Красной Армии было дано указание о том, чтобы резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, связать между собой.

Например, было предложено резиденту в Бельгии «Полю» связаться с резидентом «Германом». «Герману» связаться с резидентом в Бельгии «Кентом» и «Хемниц». Резиденту «Кент» — с резидентом «Подем» и резидентами в Голлан-

дии, Берлине и Швейцарии. Резиденту «Отто» связаться с резидентом «Гарри» и резидентом во Франции «Балтийским генералом».

Это обстоятельство привело к тому, что провал группы «Хемница» в декабре 1941 года в Бельгии поставил под удар все остальные резидентуры.

Так, арестованный ГУРЕВИЧ заявил:

«Перед отъездом из Москвы Главразведупр указал мне, что в связи с провалами принято решение — не создавать больших резидентур, а работать небольшими группами. После того, как Главразведупр принял решение о моем оставлении работать в Бельгии в качестве помощника резидента «Отто», мне бросилось в глаза то обстоятельство, что резидентура в Бельгии насчитывает большое количество людей, находящихся на твердой зарплате и практически не проводивших никакой разведывательной работы, и знающих о существовании нашей организации. Я обратил на это внимание «Отто», но получил ответ, что все эти люди предусмотрены на военное время...

Провал 1941 года произошел из-за неправильной организации разведгруппы в Бельгии и Франции под единым руководством резидента «Отто» с большим количеством агентов и отсутствия конспирации в работе...»

Арестованный резидент Главразведупра Красной Армии ТРЕППЕР показал:

«Все указания Главразведупра по вопросу о том, чтобы связать между собой резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, создали исключительно благоприятную почву к провалам, которые по этой причине произошли.

Провал в Братиславе привел к провалу резидента «Герман», провал в Голландии, как и провал «Германа», привел к провалу «Поля», провал «Хемница» — к провалу «Кента».

Все вышеперечисленные группы, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германии и Чехословакии, будучи связаны между собой, привели к тому, что к началу крупного провала 13 декабря 1941 года группа «Хемниц» подвела под удар все остальные группы.

В результате это привело к провалу крупной части разведывательной сети в Центральной Европе.

Таким образом, принципиально неверная система создания звеньев Главразведупра, находящихся в разных странах и связанных между собой стабильной связью, сделала невозможным локализацию провала».

Арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» начальник зондеркоманды гестапо в Париже немец ПАННВИЦ по вопросу провала резидентов ТРЕППЕРА («Отто») и ГУРЕВИЧА («Кента») показал:

«Как явствовало из материалов следствия по делам «Отто» и «Кента», с которыми мне пришлось ознакомиться при приеме дел зондеркоманды, провал начался с ареста агента «Аламо».

«Аламо» проживал в Брюсселе и вел легкомысленный образ жизни, что дало повод политической полиции заподозрить его в спекуляции. При обыске, произведенном на квартире у «Аламо», у него был отобран радиопередатчик. В связи с тем, что «Аламо» выполнял обязанности радиста, шифровальщика и использовал[ся] в качестве инструктора, он знал многих агентов резидентуры «Отто».

После ареста «Аламо» признал, что является советским разведчиком, дал показания в отношении «Отто» и других советских агентов, имевших с ним связь, а также передал в руки гестапо советский шифр.

До этого службой подслушивания было перехвачено большое количество радиogramм, посылавшихся советскими разведчиками из Европы в Москву, которые были расшифрованы после того, как «Аламо» сообщил шифр.

В одной из радиogramм к «Отто» имелось указание из Москвы — приехать в Берлин и по указанному адресу связаться с советским разведчиком ШУЛЬЦ-БОЙЗЕН, старшим лейтенантом германских воздушных сил, работавшим в Берлине. В результате этого берлинская резидентура советской разведки была ликвидирована.

Наряду с этим путем допроса «Аламо» было установлено, что парижская торговая фирма «Симэкс» являлась предприятием советской разведки. После этого были арестованы работающие в фирме советский агент ГРОССФОГЕЛЬ, а также сотрудни-

ки фирмы, не связанные с советской разведкой — КОРБЕНЦ и ДРЕЛИ. КОРБЕНЦ на допросе назвал врача, у которого «Отто» лечил зубы. На квартире у этого врача «Отто» был арестован. Несколько позже в Марселе был арестован «Кент».

Надо сказать, что провалу резидентур «Отто» и «Кента» способствовало главным образом то, что в работе всей резидентуры в должной мере не соблюдалась конспирация. В частности, агент «Аламо» знал почти всю резидентуру».

В 1942 году, как показал ПАННВИЦ, резидент «Отто» в Брюсселе созвал всех своих агентов на инструктаж. В связи с тем, что в этот период германская полиция вела активную работу по борьбе со спекуляцией, все собравшиеся на инструктаж агенты были задержаны и арестованы, как спекулянты.

Во время обыска на квартиру пришел «Отто», которому удалось избежать ареста лишь потому, что при задержании он заявил, что зашел на квартиру по ошибке.

Арестованный ПАННВИЦ также показал:

«В процессе радиоигры, приблизительно в мае 1943 года, из Москвы была получена радиограмма, в которой «Отто» было предложено передать «Кенту» распоряжение, чтобы он установил связь с советским резидентом «Золя», находившимся в Париже.

Надо сказать, что советскому разведцентру в Москве в то время было известно о серьезных провалах в резидентурах «Отто» и «Кента», поэтому установление этой связи ставило резидентуру «Золя» под удар гестапо. Безусловно, в этом случае советский разведцентр допустил грубую ошибку, в результате которой пострадал оставшийся неизвестным до этого времени резидент «Золя».

Кроме того, благодаря провалу советской агентуры в Бельгии, Франции и Германии в значительной степени, как показали арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ, способствовало грубое нарушение правил конспирации в шифровальной работе.

По указанию Главразведуправления резидент ТРЕППЕР обучал ГУРЕВИЧА шифровальному делу на своем шифре, посредством которого он осуществлял связь с Москвой. ГУРЕВИЧ, в свою очередь, на своем шифре обучал шифровальному делу агентов «Хемниц», «Аннет» и ШУЛЬЦ, причем последний в течение двух лет пользовался этим шифром при связи с Москвой.

Арестованный ГУРЕВИЧ показал:

«Главразведуправление дало мне указание выехать в Германию и обучить моему шифру радиста в Берлине. Я ответил Главразведупру, что считаю неправильным такое указание, т. к. таким образом телеграммы, направляемые мной в Москву в течение длительного периода времени, в случае провала агента-радиста, могут быть немцами расшифрованы. Несмотря на это, Москва все же подтвердила это указание. Я передал, во время моего пребывания в Берлине, ШУЛЬЦУ один из ранее использованных мною шифров и обучил его шифровальному делу. Кроме того, я также подготовил к шифровальному делу агента в Швейцарии Александра РАДО».

Кроме того, когда в Брюсселе немцами были арестованы «Хемниц» и «Аннет», ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР сообщили об этом в ГРУ и потребовали немедленной замены шифра, однако Главразведупр также не принял никаких мер, и они продолжали поддерживать связь с Москвой, используя шифр, захваченный немцами при аресте «Хемница» и «Аннет».

ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР также показали, что в шифре, которым они пользовались, отсутствовали условные сигналы на случай работы по принуждению. Это обстоятельство не давало им возможности сообщить ГРУ о вербовке их немцами и использовании их в радиоигре с ГРУ.

Следует также указать, что Главразведупр требовал непрерывной и продолжительной работы радиостанций, что облегчало иностранным контрразведывательным органам пеленгацию и ликвидацию радиостанций.

Так, радисты группы «Андре» в Париже находились у аппаратов непрерывно по 16 часов.

«Кент» и «Андре» получили от Главразведупра указание — приступить к ежедневным радиопередачам, хотя Главразведупр знал о том, что выполнение этих указаний угрожает быстрым обнаружением радиостанций и их провалом.

Арестованный агент Главразведуправления РАДО (кличка «Дора»), работавший в Швейцарии, показал, что провал возглавляемой им резидентуры в Швейцарии начался с ареста радистов «Эдуарда», «Мауда» и «Рози», которые по всем данным были запеленгованы швейцарской полицией.

Установить нахождение указанных радиостанций, как показал РАДО, путем пеленгации особого труда не составляло, т. к. волны, на которых работали радиостанции, и их позывные Главразведуправлением не менялись в течение двух лет. При этом, по требованию Главразведуправления, работы на радиостанциях проводились каждый день, и сеанс работы длился от 2 до 6 часов непрерывно.

Наряду с этим Главразведупр часто требовал повторения уже переданных в Москву радиограмм. В связи с этим радисты вынуждены были создавать архив уже отправленных радиограмм. При аресте «Хемница» и «Германа» немцы нашли у них ряд копий отправленных радиограмм.

Необходимо отметить, что, как показали арестованные, резервных радиопрограмм, а также и специальных радиопрограмм для важных передач по оргвопросам у них не было. Это положение еще более осложнилось после провала резидентуры в Бельгии в декабре 1941 года.

В апреле 1942 года была получена из Главразведупра новая радиограмма, но она направлялась по старому и уже известному немецкой контрразведке шифру. В результате радиостанция, действовавшая под Парижем, куда была направлена радиопрограмма, немцами была ликвидирована.

Арестованные резиденты Главного Разведывательного Управления Красной Армии ГУРЕВИЧ, РАДО и другие показали, что на неоднократные их просьбы — дать конкретные указания по тому или иному вопросу, Главразведупр ограничивался молчанием.

Так, ГУРЕВИЧ по этому вопросу показал:

«Когда «Отто» принял решение передать мне бельгийскую резидентуру и стал ее передавать в присутствии представителя ГРУ БЫКОВА, я отказался ее принимать и указал, что «Отто» неправильно информирует Главразведупр о работоспособности бельгийской организации, и просил БЫКОВА по прибытии его в Москву доложить начальнику ГРУ о действительном положении дел в Брюсселе. Я обрисовал БЫКОВУ полную картину бельгийской организации, которая должна была привести, по моему мнению, к провалу.

Кроме того, мною было также послано в Главразведупр письмо, в котором я указывал, что принцип вербовки, допущенный «Отто», для нашей организации является ошибочным, что не следует полностью вербовать наших работников за счет еврейской секции Коммунистической партии Бельгии, что наличие в нашей организации людей, которые по их личному положению должны уже нелегально проживать в стране, увеличит только возможность провала. Это я подтвердил и БЫКОВУ. Несмотря на это, никаких указаний от Главразведупра в части работы нашей группы в Бельгии не последовало...

Резидент «Отто» жил в Бельгии и был известен там под фамилией ЖИЛЬБЕРТ. Во время ареста МАКАРОВА «Отто» посетил дом, в котором уже находились немцы, и предъявил документ на имя ЖИЛЬБЕРТ. Под этой фамилией он был известен МАКАРОВУ, а также «Аннет». Несмотря на это, он с разрешения Главразведупра производил поездки и после провала резидентуры в Бельгии, и до своего ареста пользовался фамилией ЖИЛЬБЕРТ и под этой фамилией и был арестован.

Главразведупр не дал и в этом отношении никаких указаний «Отто», очевидно полностью ему доверяя, и не учитывал тех замечаний, о которых я сообщал в докладах БЫКОВУ и непосредственно Главразведупру о плохой его конспирации.

Арестованный в августе 1945 года бывший резидент Главразведупра в Швейцарии РАДО показал, что в 1943 году он в одном из своих донесений сообщил Главному Разведывательному Управлению подробные данные о дислокации и количестве венгерских войск в Северной Трансильвании на границе с Румынией.

На это сообщение РАДО получил из Главразведупра ответ, в котором указывалось на якобы неправильную его информацию, с подтверждением, что Северная Трансильвания является румынской территорией, а не венгерской.

Помощник начальника главного управления
«СМЕРШ» генерал-лейтенант

МОСКАЛЕНКО

27 октября 1945 года.

Из архива ФСБ РФ.

Публикация
Леонида РЕШИНА

В КОНЦЕ НОМЕРА

Юмор из спецхрана

«Первоапрельская шутка»

Секретно

экз. № 1

ЦК КПСС

Направляю в целях информации для Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам копию письма Главлита СССР Начальнику Главного управления радиовещания т. Чернышеву И. С.

Приложение: копия письма на 2-х листах и копия статьи на 2-х листах.

Начальник Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР

П. Романов

8 апреля 1959 года

№ 718 с

Копия

Секретно

экз. № 1

8 апреля 1959 г.

№ 717 с

Начальнику Главного управления радиовещания тов. ЧЕРНЫШЕВУ И. С.

Редакция радиовещания на страны Африки ГУРВ представила 1 апреля с. г. на цензорский контроль заметку «Прошел всего лишь год...» автора Васильева. В этом материале объемом в полторы машинописных странички работником Главлита были установлены четыре грубые фактические ошибки, приводящие к политически неправильным выводам. Так, например, в заметке говорилось, что прошлой осенью в СССР был получен рекордный урожай — **3,5 млн. тонн** зерна и 4 млн. тонн технических культур, в то время как согласно официальным источникам в 1958 г. в СССР было собрано 8 млрд. 508 млн. пудов зерна (т. е. **более 136 млн. тонн**); сахарной свеклы 54,1 млн. тонн, хлопка — 4,4 млн. тонн (не считая других технических культур). В заметке также утверждалось, что семилетка «началась в прошлом году» и что «советские крестьяне получают дополнительно более 5 миллионов тракторов и 800 тысяч комбайнов», тогда как в действительности согласно материалам XXI съезда КПСС в сельское хозяйство будет направлено свыше миллиона тракторов и около 400 тысяч зерновых комбайнов.

Подобного рода материалы извращают действительность и наносят ущерб нашей пропаганде.

Ввиду этого цензор попросил направить к нему редактора с источниками, из которых взяты указанные данные. Однако никто из работников редакции за этим материалом не пришел. Об указанном факте цензор сообщил т. Байкову И. П. Когда т. Байков стал выяснять обстоятельства подготовки названного материала в редакции, то зам. главного редактора т. Васильев заявил, что он не является автором заметки, а главный редактор т. Семенов сказал, что его подпись на заметке подделана. При этом т. Васильев бросил реплику: «Это, наверно, первоапрельская шутка».

Хотя прошло уже несколько дней, до сих пор не установлено, кто же подготовил этот халтурный материал и с какой целью он был передан на контроль цензору.

В связи с вышеизложенным прошу Вас принять самые строгие меры, исключающие возможность повторения подобных недопустимых случаев в дальнейшем, а

Источник 4/1994

также предупредить всех редакционных работников о том, что проверка правильности фактических данных, содержащихся в материалах, не входит в функции органов цензуры, а является служебной обязанностью редакторов.

О результатах проверки и Вашем решении просьба уведомить Главлит СССР.

Начальник Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР

П. Романов

ЦК КПСС

Справка на № 12166

Главлит СССР (т. Романов) сообщает, что 1 апреля с. г. на цензорский контроль в Главном управлении радиовещания была представлена ошибочная заметка, якобы намеченная к передаче по радио на страны Африки.

При проверке установлено, что такой материал не намечался к передаче, о нем никто в редакции не знает и он не оформлен в установленном порядке.

Главлит и Главное управление радиовещания приняли меры к наведению порядка в представлении материалов на цензорский контроль.

Тов. Романов проинформирован по этому вопросу.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам

А. Романов

Зав. сектором Отдела

Г. Казаков

18 апреля 1959 года

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 33. Д. 106. Л. 17—22.

Публикация

Михаила ПРОЗУМЕНЩИКОВА

Библиотека журнала «Источник»

**Готовится к изданию книга ученого
Владимира Лебедева**

«Державный орел России».

В ней рассказывается об истории российского герба, помещены более 100 черно-белых и цветных рисунков двуглавых орлов — от орла хеттских царей (XIII век до н. э.) до недавно учрежденного герба Российской Федерации.

По вопросам покупки обращаться:

тел. 202-15-93,

202-62-65,

202-49-74.

журнал «Родина»

в основных рубриках опубликует:

Родословная. Откуда пошла земля русская? Куда исчезли половцы и печенеги? Была ли Киевская Русь единым государством? Имелась ли письменность у древних славян? Русский национальный характер. Родословные (генеалогическое древо) именитых людей.

Созидатели России. Юрий Долгорукий, Василий Темный, Иван III, Филипп Колычев...

Табель о рангах. Портреты русских сословий (дворянство, чиновничество, духовенство). Мундиры чиновников. История русской армии, русских монет...

Из истории российских партий. Дашнаки. Мусаватисты. Максималисты.

Из истории сыска. О развитии отечественной криминалистики и уголовного сыска.

Русское зарубежье. История русской эмиграции во Франции, Чехии, Турции, Германии, Китае.

Неизвестные войны России. Специальные номера, посвященные русско-польским (XVIII—XIX вв.), крымской (XIX в.) и русско-японской (1904—1905) войнам, византийским походам (IX—X вв.).

Каждый номер «Родины» — это 128 страниц увлекательного чтения с иллюстрациями для всех, кто любит отечественную историю.

Индекс журнала «Родина» в каталоге
«Роспечати» — 73325

В следующем номере:

На высочайшее имя

«Зло исчезнет, как только во всем величии
выступит Россия».

Предсмертная записка знаменитого публициста
М. Н. Каткова.

Благоволительные письма

«Вы единственная женщина в мире, с которой я мог
бы связать опять свою судьбу».

Переписка овдовевшего генерала А. А. Брусилова
с Н. В. Желиховской.

Прожекты

Начиная с октябрьского переворота 1917 г. предпри-
нималось множество попыток «реформировать»
русский язык.

Неизвестные документы о переводе его
на латинский шрифт.